

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра международной журналистики

ВРЕМЯ, ОТЧЕКАНЕННОЕ В СЛОВЕ

Публицистика Кыргызстана

Хрестоматия для школьников
и студентов

Часть I

Бишкек 2009

Рецензенты:
и.о. зав. каф. истории и теории литературы КРСУ
доц. *Б.Т. Койчуев*,
директор УВКШГ №12 Г.С. Бровка

Художник *Е. Воронина*

Печатается по решению кафедры
международной журналистики КРСУ

В 81 ВРЕМЯ, ОТЧЕКАНЕННОЕ В СЛОВЕ: Публицистика Кыргызстана. Хрестоматия для школьников и студентов. В 2 ч. Часть 1 / Сост. и автор прим. А.С. Кацев, И.А. Шалёва: Пред., общая ред. – Бишкек, 2009. – 200 с.

В книгу вошла публицистика разных народов Кыргызстана от устной словесности до современной литературы. Воедино она создает многогранный портрет страны *в исторической перспективе*. Знакомство с художественной документалистикой, несомненно, поможет целостному восприятию кыргызской культуры.

Предисловие

«Публицистика (от лат. *Publicus* – общественный), род литературы и журналистики; рассматривает актуальные политические, экономические, литературные, философские и другие проблемы.

Цель публицистики – воздействовать на современное общественное мнение, нравы и существующие политические институты <...>».

Предмет публицистики – вся жизнь <...>».

Публицистический стиль отличается открытая тенденциозность, полемичность, эмоциональность. <...> Публицистика использует почти все газетно-журнальные жанры (статья, фельетон, памфлет, эссе, очерк, открытое письмо и т.д.), а также различные жанры литературы, кино, живописи, театра, телевидения, особенно документальные».

Можно утверждать, что любая национальная культура включает публицистику, помогающую представить и понять ту или другую эпоху в разномголосьи её «обитателей», выражающих в прямой авторской форме свои пристрастия, приоритеты, любовь и ненависть – весь спектр чувств от всего многообразия жизни. Публицистика – всегда биография времени, в котором она создается и которое прямо или косвенно отражает.

Публицистика Кыргызстана имеет давнюю историю – от фольклора и до наших дней. И если начало её появления возможно определить, то она вечна, её исчезновения нет и быть не может, как голос современника, который имеет только ему присущий тембр, энергичность, харизматичность и прочие качества, позволяющие воздействовать на окружающих. Меняются конкретные авторы, но *голос современника* постоянно продолжает звучать.

Кыргызский фольклор богат на жанры, в которых публицистика в большей или меньшей степени отражает взгляды её *авторов*. Помимо публицистического элемента, присутствующего в эпосах, в акынской поэзии (замана, айтыш, кошок, арман, тамсил – назидательная поэзия, басня и пр.), публицистичность – важное свойство стиля, представляющего индивидуальность автора, его отношения ко всему тому, что не ославляет его равнодушным.

По публицистике можно рассудить, насколько времени, которое зашифрованы в разрозненных фактах, вопиющих и многообразных элементов состава произведений, включенных публицистике как элемент образующий принцип.

С появлением письменной литературы публицистика вышла из своей ниши, то выдвигая на первый план то одно и то же, то по своему но присутствуя и развиваясь.

Помимо широкого представления она сохранила и свой особый характер публицистики как своеобразного «различия» публицистики. А в то время рил республике публицистика писателей разных национальностей, привнесших в общую художественно-публицистическую картину Кыргызстана иные краски.

Национальное и общественное самосознание, выраженные, предстанут в своеобразной летописи времени.

Индивидуальность авторов подчеркивается многообразием мира, в котором находится писатель и который старается передать в своих произведениях, подчеркивая личностный подход к своему окружению.

Публицистика — это своего времени. Вслед за ней последует целая серия художественных жанров, исполняющих свои общественные функции из источников, от этого не уменьшающих ее значения.

Конечно, по протеканию времени, по мере того как в эту книгу можно прочитать историю страны, по мере чтения ее историю — это событие — люди, а за всем — автор, тот современник, который творит публицистику как важную форму общественного сознания, по мере того как говорить о многом, представляя и изображая его в своем рассказе, общественно субъективного взгляда, общественного мнения, по мере того как общественности или с взглядом образованного человека, по мере того как можно убедиться, прочитав эту книгу, она является на сегодняшний день с ее автором.

Публицистика Кыргызстана не только многообразна, но и в этом смысле автором.

Автопортрет Кыргызстана многообразна, по мере того как писательская литература рисует постоянно. У каждого нового автора свои особенности в общей палитре красок. *Живое Слово, откровенность, искренность, творчество, умение прогнозировать будущее.*

Не случайно читателями хрестоматии выбраны произведения и студенту. Почувствовав пульс времени, легче понять, что такое общество, чем мечтали, спорили, радовались и печальлись, все же в то время творчеством формировал культуру и ее значение, составляющее историю Кыргызстана с древности до дней сегодняшних.

С. С. Кацев

КАЛЫГУЛ

Если будет у нас согласье

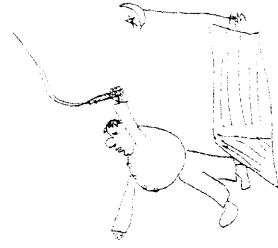
Поддержит ладявшего рука.
Обвал поддержит опора
Если разольется река,
На реке мост построить в пору.
Если между людьми вражда,
Мост согласья нужен тогда,
Чтоб спасти людей от разлада.
О, Творец! Мы примем участие,
Перекладной станем моста.
Если будет у нас согласье,
Обречем остальное всегда.

О пользе

Что пользы от богатства,
Коль сапоги худые,
Что пользы от женитьбы,
Когда жена плохая.
От скакуна что пользы,
Когда верхом на свадьбу
Поехать невозможно.
От красоты что пользы,
Когда жена плохая,
Рукается безбожно.

О глупости

Свирепый ветер дует с гор,
Глушец на брань бывает скор.
Дай дураку такому власть,
Он наглостью и грубой силой
Затонит сам себя в могилу.

Учтивое слово

Грубое слово ранит душу,
Грубую речь не станут слушать.
Людекие сердца всколыхнешь
Учтивым и вежливым словом.
Говоря приятно, толково.

О дружбе

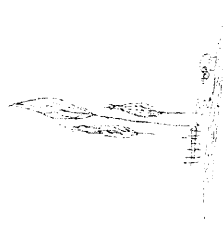
С барышником торг не веди,
К двурушнику не подходи,
В дружбе с доносчиком вместе
Споткнешься на скользком
месте.
Если дружишь с хорошим, значи,
На всю твою жизнь удача.
Дружить с плохим поведется —
Добро твое он забудет
И векоре с тобой подерется.

Этот мир...

Минет всё, как текучие воды,
Эта жизнь, как сыпучий песок.
Только вечны творенья
природы:
Это наши земные просторы,
Это наши высокие горы,
Это рек наших бурный поток.

Вам скажу

Я скажу, во-первых, вам:
Людям без согласья — плохо.
Во-вторых, скажу я вам:
Мать скончалась — дочке плохо,
В-третьих, надо вам сказать:
Скверная работа — плохо.
И в-четвертых, вам скажу:
Без старейшин — людям плохо.
В-пятых, тоже всем скажу:
Стал герой безвестным — плохо,
И в-шестых, еще скажу:
Если разговор не равен
Немундого с богатым,
Не ищите в том подвоха, —
Бедность — это тоже плохо.

Пословица и разум

Пословица и разум
повсюду ходят рядом.
Коль сказано уместно,
так это солнца свет.
Кто это понимает,
богатством обладает,
Кто этого не знает,
у тех богатства нет.

Без согласья нету счастья

От земли у нас все блага,
Будь подобен ей всегда.
Как вода, будь чистым, благо,
Отмывает все вода.
Счастья залог — согласье,
Без согласья трон свой счастья
Потеряешь навсегда.

Перевод М. Рудова

ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ

Пять кабанов

Вы банлиты — Акмаг, Дыйкан,
Бактияр, Минбай, Агакан,
С вами — Эгенберди-подручный,
Наготове у вас аркан.
Но отныне вы, полдецы,
Не утешите ни овцы,
Не страшны вы нам, не страшны,
Рыскулубековы кабаны!

Вся долина, все семь ролов
Зашитят и сирот и вдов.
Все четыре тысячи турт
Нережут ваши пути.
Вашу черную кровь прольют,
От распыаты вам не уйти.
Обирать себя не дадим,
Не пропустим даже в Арым.

Если ты, Мырзакан, придешь,
Чтобы вспомнить былой грабеж,
Если ты, Керимбай, нагрянешь —
Приготовим для встречи нож.
Разговоры будут просты —
Вспорем жирные животы.

Заносили вы каждый год
В книги всё добро букары.
Забирали последний скот,
И терпели мы до поры,
Но дошел до края народ:
Не найти и клочка земли.
Где укрыться бы вы смогли!..

Знаем, все мананы давно
С богатыми заодно —
Беднякам они не помогут,
А у нас — аж в глазах темно.
Всё подряд готовы забрать
Беспонадные кабаны!
Вам олно — напиться, пожрать,
Плотоядные кабаны!

Обескровили воры нас,
Истошили своей алчностью,
Доконали поборы нас,
Надоело терпеть разбой!

Перед вами — любой неправ,
Всё показывает нрав,
В десять лошадей — очумели!
Наложили на старца штраф,
На беднягу Орозалы!
До чего внятером смелы!
Всё, что есть у нас, кабаны,
Вы забрали у букары.
Из-за нас ещё с той весны
Побираться пошел Сары.
С вами надо быть начеку —
Не прощайте бедняку,
Если конь под ним — иноходец,
Если он хорош на скаку,
Нет у жалости вашей дна,
А у нас найдется вина...
Тоялы сидит, опечален:
Атакан увел скакуна.

Обозлившись, и у меня
Вы могли бы отнять коня,
Юрту, вещи к ружкам прибрав,
Вы могли бы добавить штраф.
Вы убийцы, пять кабанов,
Кровоопийцы, пять кабанов!
Вы могли б, мне живог вспоров,
Полизать горячую кровь...

Хоть злодейства не сокрушу,
В сердце гнев не зря ношу.
Дважды жить все равно не буду
И пошлалы — не попрошу!

1894

Перевод М. Ватачина

Нравоучительные стихи

В первенце — красота
Матери молодой.
Реки красота — в судах,
Убаюкиваемых водой.

Советы дают нам вверху
И эти люди, и те.
Но глупый к советам глух,
Суть глупца — в слухоте.

В остроте — красота ножа.
Стать кобыл — в стригунках,
Честью своей дорожа,
Дело держи в руках!

В гриве — краса скакуна,
Пастбищ — в тучном скоте,
Красоту джигита любовь
К девичьей красоте.

Бороды старцам к лицу,
Красят родинки дев,
Других красавиц забудь,
Сердцем одной овладей!

Плох человек, если он
Мелок, себялюбив,
Хорош – когда для людей
Живет, о себе забыв.

Коз красота – в козлятах,
Поля – в его дарах,
Гор красота – в косулях,
Народа – в богатыхьях.

В гуще цветущих роз
Соловей понощий хорош,
Прекрасен голос певца,
Бросающий сердце в дрожь.

Белый сокол, взлетев,
Вернется, услышав зов,
Если знает секрет
Особых призывных слов.

Краса джайлоо – кумыс,
В нем добрая сила есть,
Стан героем, стремись
Хранить народную честь!

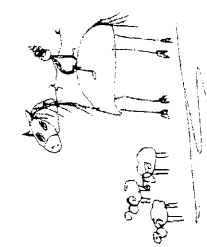
Во льдах величав мороз,
Ловкий сокол – хорош,
Невесту без долгих кос
Жених не ставит ни в грош.

Красивы дождь и туман,
Беркут зоркий красив,
Встречному не доверяй,
Людей о нем не спросив.

Красивы новым пером
Вылинявшие сокола,
Сердце богатыря
И мускулы – как скала!

В селезнях – дух бойцов,
Они украшают стай,
Лизоблюдов и хитрецов
В дом к себе не пускай!

Мехом куница славна,
Клинок – своим острием,
Силу от важным стать
Найдешь в народе своем!

Деревьев краса – в цвету,
Деревья радуют глаз,
В вечном порыве вперед
Суть обгоняющих нас,
Чтоб яблоны выдала плод,
Весной ее откопай,
Барс на лвоей тропе –
Барсу не уступай!

Важен в ружье заряд,
В кресале – искра важна,
Хозяин пастбищу рад,
Когда отара жирна,
Крепость копыт важна
Для доброго скакуна,
Но в поле и стригунок –
Украшение табуна.

Сто гостей собрались,
Но праздник не наступил,
Если, славноголос,
Певец не украсил пир.

Никто бы не мог сказать,
Красив ли вообще металл?
Но пол напильником он
Металлом красивым стал.

Красивым слывет батыр,
Если широк в плечах,
Рассказчик тоже красив,
Его красота – в речах,
Иной бы многое мог,
Но, как пустоцвет, зачах.

О тайнах своих с болтуном
Напрасно заводишь речь,
Лишь тот настоящий друг,
Кто тайну умеет беречь.

Творит молитву мұлла,
В этом – трудов его суть,
Грязные правя дела,
Сутяжник нас тянет в суд.

С джигитом стряслась беда,
Джигита осилил враг,
Добить его не спеши
Обидным словом «простак».

Весной красива овца,
Ягнята ее резвы,
Себе под стать молодца
Найди, чтоб дружили вы.

В осанке – красавиц суть,
Суть бус – в жемчужном зерне,
Не хвастай! За дело берись,
В успех поверя вполне.

Народу не страшен враг,
Если дружен народ,
Умрет, состарясь, джигит,
Слава его не умрет.

Видала красота земли,
Когда расцветают цветы,
Мудрый умеет жить
Без спешки и суеты.

С народом трудись! Ленивого
Разума – не поучай!
Сам не ленись! Ленивому
Дела не поручай.

Перевод Ю. Гордиенко

ТОГОЛОК МОЛДО

Плач женщины о павшей корове

«Уходи, чума, – я молно, –
Отступись от юрты скорей,
Пошлаи корову мою
Ради малых моих детей.
Ох, корова, серая масть,
Без нее погибнуть, пропасть.
Нас кормила – поила ты
Молоком своим белым вельсть,
Пошлаи корову, чума,
Не губи ее, пожалей,
Без коровы нас ждет сума,
Голод ждет меня и детей».

Но болезнь скрутила ее,
Повалив, убила ее.
Причтает женщина вновь,
Без коровы ей не житье:
«Ой, корова, серая масть!
Ты теперь от нас далеко».

Ты была кормилница-мать,
Нам давала ты молоко,
Загубила тебя чума,
Повалил проклятый недуг,
Ты дороже, чем аргамак,
Ты нужнее, чем верный друг,
Ни родня, ни конь вороной
Не сравнятся вовек с тобой.
При тебе несчастья с нуждой
Обходили нас стороной.
О, четьре твоих соска –
Пропитанье семьи моей.
Где теперь возьмут молока
Десять малых моих детей?
Наша доля теперь горька,
Наша юрта стала темна,
Плачут дети без молока,
Вот что сделала ты, чума!»

Перевод А. Вознесенского

Я был его учеником

Пользуясь предстоящим юбилеем Токтогула, как близко знавший его, хочу поделиться воспоминаниями о своих встречах с ним.

Впервые я узнал о Токтогуле еще в те далекие времена, когда сам только что начинал сочинять песни.

Однажды мой родственник Молдобай, сын Чекирбая, возвратившись из Кетмень-Тюбе, сказал мне: «Не бывать второму такому певцу, как Токтогул, хотя он еще и молод, примерно твоих лет. Наши самоловные певцы Чонду, Эсенаман, Кочубай, которых ты сам не раз слушал, не годятся не только для состязания с ним, но и в ученики ему».

Когда Токтогул начал петь санаты, песни и сказывать предания, я стоял с разинутым ртом, — таково его мастерство. О чем бы он ни пел, все у него получается ладно, к месту и ко времени. Это было для меня самым примечательным событием в Кетмень-Тюбех, — закончил он свой восхищенный рассказ.

С тех пор слава Токтогула отняла мой покой. Однажды я стал выдывать у Молдобая подробности жизни акына: откуда он родом, где теперь живет, чем занимается. Молдобай охотно рассказал:

— Токтогул родом из айла моей матери и даже доводится мне родственником. Живет он в местечке Арым среди ролла сартов. Он невысокого роста, светлоглиций, живой. Акын во вражде с детьми Рыскулбека. Ему очень не нравятся самодовольные сынки манача. Токтогул даже сложил песню о них:

Пять кабанов Рыскулбека —
Нечистоплотные, жестокие они.
Увидите в один прекрасный день,
Как все захрюкают у них дома.

Сыновья Рыскулбека затаили лютую злобу на акына из-за песни, сочиненной о них. С тех пор маначы с подозрением косятся на Токтогула, — закончил он.

Рассказ Молдобая еще сильнее подстегнул мою сокровенную мечту — увидеть своими глазами акына. Я стал с мольбой приставать к нему:

— Молдобай-аке, возьмите меня с собой, хочу хоть краешком глаза взглянуть на Токтогула.

— Хорошо, — согласился он, — я и сам осенью собираюсь поехать туда, а пока готовь в дорогу коня и шубу.

Сам я был сиротой, рос без отца, да и скота у нас не водилось, все, что у меня было, так это — серая лошаденка, которую и готовить не было нужды.

Наконец наступила осень, и я с Молдобаем отправился к Токтогулу. Это было, кажется, в октябре 1890 года. Когда мы приехали к Токтогулу, его не оказалось дома, он уехал в Талас. Я решил остаться и терпеливо ждать его. И вот через десять дней появился Токтогул.

Вот так в местечке Арым, среди рода сартов, впервые произошла моя встреча с Токтогулом. В течение трех месяцев я был прилежным учеником, познавая сокровенные тайны сложения песен.

Спустя некоторое время, в 1893 году, мне вновь удалось побывать у него, а в 1898 году вблизи города Коканда, в местечке Мини-Дебе, по наущению эшена Чыкшы, большого проходимца и пройдохы, Токтогул был арестован. Большой и слабый, я в то время лежал в постели, и у меня не было возможности проститься с осужденным Токтогулом. Говорят, когда надели на Токтогула кандалы и посадили на бричку, он своей прощальной песней заставил всех рыдать.

В изгнание иду я без вины.
Силы покидают меня, я одинок,
Родной люд, подумайте
О бессердечном изгнании моем.
Гордому Токтогулу
Надели цепи на руки.
Свалилась на голову мне беда:
В Сибирь, в изгнание иду
С кандалами на ногах.
Настанет ли день такой,
Когда я вернусь к моему
киргизскому народу?
Узбеки, киргизы, о народ,
Моя земля, прощайте!
Будь в здравии, народ мой,
Взлежавший меня!

Рассказывают: когда солдаты, охранявшие Токтогула, заставили его замолчать, народ стал плакать еще больше и будто сам переводчик генерала, некий Джусулжан, не выдержав этой сцены, сказал: «Будь ты неладен со своим голосом, многострадальный Токтогул!»

После этой ссылки Токтогул бежал из Сибири, но маначы ухитряются вновь запрятать его в тюрьму. Потом он был оправдан и появился среди нас, счастливый и жизнерадостный. Все это сам я уже не видел.

Пошли слухи об освобождении Токтогула, я снова решил отправиться в его края, чтобы повидаться. В местечке Конур жили сыновья хаджи Тагая – Султанаалы и Сулейман. Сулейман скончался, и по этому случаю его брат устраивал большие поминки.

Когда мы сидели в специально поставленной юрте, вошел Токтогул с несколькими своими учениками последователями. Помню, с ним были акыны Эшмамбет, Калык, Эшенкул, Джаныбай, Курман, Джолой. Токтогул сразу же начал сочинять песни.

К тому времени он был уже в преклонном возрасте зубов у него почти не было. Присутствующие вели неторопливую беседу по случаю поминок. Спустя некоторое время Токтогул узнал меня среди такого множества людей и приветствовал песней. Я был приятно польщен этим вниманием и до глубины души благодарен ему за это.

ПЕСНЯ ТОКТОГУЛА

Соловей мой, Байымбет Молдо,
Ястреб мой из Нарына,
Живы ли, здоровы ли дети твои?
Из саяков вышедший,
Мой родственник из уважаемых саяков.
Слава родителям, породившим такого скакуна.
Сам знаешь о том,
Как манашы изгнали меня,
Пять кабанов Рыскулубека
Обрекли мою голову на страдания.
Озлобленные манашы,
Изгнав меня в Уркут, замучали:
Плакал твой соловей Токо,
И только в Москве
Собрался с мыслями оп,
В руки взяв комуз,
В изгнании начал он петь,
Сосланный по навету эшена,
Все люди погибли там.
Надеждой добрался к народу
Испрадалось сердце мое,
Вот и смерть не взяла меня,
Твой Токо оправданным пришел
К вам ко всем.
Дети киргизов,
Пришел вновь Токтогул
С думой, что поймете собрата своего.

СЛОВА ПРИВЕТА БАЙЫМБЕТА ТОКТОГУЛУ

Жив ли акын Токо,
Сосланный в Сибирь?
Жив ли Токо,
Близкий бедным и забитым?
Жив ли богатырь Токо,
С манашами мерившийся силами?
Жив ли соловей Токо –
Красноречивый певец?
Жив ли скакун Токо,
Далеко скачущий вперед?
Жив ли ястреб Токо
С быстролетным серебристым крылом?
Из-за благополучия такого
Мне захотелось петь,
Испрадавшему Токо
Я встретился на пути,
Все певцы, заливаясь,
Принялись петь при тебе,
Словно белый ястреб, готовый к полету.
Сидит рядом с ними мой Токо.
В зарядки встретились мы
На поминках Сулеймана.
Все певцы толпой
Следуют за тобой, Токо.
Кочевой киргиз, отдыхая,
Слушает твои песни.
Сверху твой золотой борода,
Я только что встретился с тобой.
Думают все они здесь
Научиться у Токтогула петь.
Отбрав лучшие песни его,
Хотят и знаками быть
С жадным стремлением все
Пришли на поклон к тебе
Пусть достигнут желаемого,
Будь учителем для всех.

В течение всего обряда поминок я не отставал ни на шаг от Токтогула, куда бы он ни ходил, стараюсь запомнить как можно больше его замечательных песен. Сам же я не сделался ни писателем, ни певцом и никогда не исполнял песен ни на поминках, ни на тоях.

После этого мы стали с Токтогулом вроде отца и сына, часто навещали друг друга...

Перевод Р. Кыдырбаевой

АЛЫМКУЛ УСЕНБАЕВ

Мой великий учитель

Неповторимое лето... Тогда я был еще очень стеснительным и замкнутым мальчиком, только начинающим сочинять песни. Выступить перед народом у меня не хватало духу...

Однажды в Таласе стали готовиться к поминкам в чью-то честь. На эти поминки прямо через Таласский перевал из Кетмень-Тюбе приехал и Токтогул. Из айла в аил сразу же разнеслась радостная весть. Все передавали друг другу: «Токтогул приехал», «Приехал Токо». Народ повалил в наш аил не столько из-за поминок, сколько из-за Токтогула...

Муса взял меня за руку и повел к Токо, поучая:

– Ты не стесняйся, ступай и поздоровайся. Только не уважайшие себя стесняются. Токтогул такой же человек, как и все. Слушай и учись у него.

Но я все же стеснялся войти в юрту, где пел Токтогул. Мусе никак не удавалось уговорить меня. Наконец он сам подошел к Токтогулу и сказал:

– Токо, наш мальчик Алымкул собирается тоже стать певцом.

– Ну-ка, покажите-ка его мне. – громко воскликнул Токо.

– Не бойся! Заходи! – зашумели люди.

Токтогул, наконец, понял, что я стесняюсь, взял комуз и зашел невысоким приятным голосом:

Молодость моя, пропедная в печали.

Не вернется теперь.

Ты не прячься, малыш.

Подойди ко мне.

Каждый раз печально.

Когда вспоминаю о быстротечности жизни.

Еще не успею посмотреть на меня.

Не прячься, малыш.

Пока не уехал я домой,

Побыл бы ты со мной.

Подойди ближе ко мне.

Хочу послушать, на что ты способен.

Сердце мое загрепегало.

Как ни был я стеснительным, после этого мне уже не оставалось ничего другого, как войти в юрту и поздороваться. Токтогул, не отпуская моей руки, запел:

Молодость бывает стеснительной.

Ты, не поздоровавшись со мной, бежал.

Нет проку в стеснении.

Не раздумывая, замещай меня!

Эта песня вызвала возгласы одобрения окружающих. Муса с нетерпением шепнул: «Скорее же, Алымкул, отвечай песне Токо», – и я запел:

Слышал я раньше о вас.

Мечтая увидеть хоть раз.

Это была моя сокровенная мечта.

Слушай меня, соловей Токтогул.

Это мое приветствие.

На радость киргизскому народу

Ты рожден.

Радостное оживление охватило окружающих.

стали раздаваться голоса: «Браво! Молодец! Да он, оказывается, пошел по стопам Токтогула. Спой еще, пусть тебя оценит Токтогул».

Я, воодушевленный, продолжал петь. Токтогул остался довольным мной. Он ласково похлопал меня по плечу. Потом, настроив комуз, ответил на мою песню:

Ты – словно мой родной сын!

Послушал твои слова.

И тоска моя развеялась.

Пока я не уехал, мой братишка.

Учись у своего старшего брата мастерству

Не забывая моих слов.

Вспомнивай иногда Токо.

Народ опять одобрилительно зашумел, напутствуя меня словами: «И-ии, дорогой, слушай Токо, бери с него пример, постарайся стать таким акыном и комузистом, как он».

* * *

Осенняя пора. Горные вершины уже оделись в белоснежный наряд, по утрам иней стал покрывать землю. Известно, что киргизы именно в это время года начинали устраивать различные пиришества.

В один из таких дней в аиле Кен-Кол некий Тулекабыл давал той в честь своего сына. Народу собралось много. Тогда мне было девятнадцать лет. Вместе с соловьем Токтогулом мне удалось провести весь той. Токо в тубетее из черной мерлушки, в синем чапане, с комузом в руке разъезжал на своей гнедой лошадке, пел звонким голосом, временно развлекая народ прибаутками.

Той сопровождался борьбой силачей, состязанием всадников, боем на конях.

Два копыеносца, сев на отборных скакунов, начали состязание.

<...> Четырнадцать раз сходились копыеносцы, было поломано тринадцать копий. Наконец богатырь Теке одним ударом сбил противника. Тогда Токо в лад мелодии комуза запел:

Словно злонамеренные,

Друг друга гоняют копыеносцы.

Народ в страхе стоит.

Посмотрите, как остры копыя.

Если они в сердце вонзятся

И погибнет один из сражающихся.

Кто заплачет выкул за убитого?

Пока Токо пел, к нему подошел слепой старик с мальчиком-поводырем. Это был сурнайчи Тойкожо, который иногда сочинял песни. Тойкожо назвал имя Токо и, низко поклонившись, подал ему руку.

— Дорогой Токо, здоров ли ты? Только недавно я узнал, что ты возвратился из Шыбыры, хотел пойти встретиться с тобой, да, видишь, слепой я.

Токтогул мгновенно соскочил с коня и, подавая руку сурнайчи, спросил:

— Здоров ли сам? Спасибо, что не забываешь, Тойкожо-аке.

Пока Токтогул и Тойкожо, приветствуя, крепко жали друг другу руки, вдруг кто-то громко запел:

Не донести ли волостному,

Не отдать ли в руки стражи

Тебя, Токтогул?

И не отправить ли в сибирские места?

Это, оказалось, пел Сары, безобразный лицом человек: рот его доходил до ушей, один глаз был покрыт бельмом, а губы изъедены язвами. Сары только тем и жил, что высмеивал и оскорблял людей.

Токтогул растерялся: он только недавно бежал из сибирской ссылки и редко показывался среди народа, стараясь избежать встреч с врагами. Он наскреб в кармане полтора рубля и передал мне: «Отдай ему». Я тут же вручил леньги бельмастому. Деньги возымели свое действие, и он запел:

Э-э, на одной ноге у тебя чулки,

На другой ноге лубки,

Чтобы умерла мать твоя,

Чтобы горько рыдать тебе, Токтогул!

А затем, обращаясь к Токтогулу, сказал:

— Ты не будешь брезговать мною, если на тое я сяду рядом с тобой?

Токтогул слабо улынулся и утвердительно кивнул.

Хозяин той Тулекабыл вечером поставил юрту специально для певцов. Мы все во главе с Токтогулом собрались там. Токо обратился ко мне: «Альмкул, Тойкожо, наверное, протолодался, у него даже губы пересохли. Принеси ему что-нибудь поесть-попить. Ведь он не может, как зрячие, хватать и набивать свое чрево». Я набрал в большую чашку боорсоков, налил в другую шурпы и все это быстро поставил возле флейтиста.

Когда Токтогул взял комузу и начал настраивать его, все вокруг притихли. Токо на этот раз начал изображать под мелодию комуза прилетевших на берег лебедей, озирающихся с вытянутой шеей. Затем он стал показывать мимикой и движением, как охотник сквозь заросли подкрадывается к лебедям. Токо уморительно сыграл запыхавшегося, усталого охотника. Все вокруг безудержно смеялись. Затем он оттянул среднюю струну комуза и изобразил выстрел из ружья. Подстреленный лебедь пытается взлететь, но силы покидают его, и он с раскинутыми крыльями остается лежать. Тут Токо, словно полбитый лебедь, вытянулся посреди круга. Сидящие то смеялись до слез выходам Токтогула, то выражали сожаление по погибшему лебедю. Играя и напевая беспрерывно различные мелодии, к полночи Токо притомился. Многие остались ночевать тут же на месте, и только некоторые неохотно разошлись по домам.

Токтогулу постелили в юрте там, где он сидел. Я прилег справа. Не знаю, сколько прошло времени, но меня разбудил какой-то шепот. Прислушался — собралось много людей. Не выдержав, я спросил: «Что вы тут делаете?»

— Пока пел Токтогул — ответили мне, — мы готовили угощение для гостей и теперь только вот освободились. Не мог бы Токо спеть и для нас?

— Бога на вас нет, — сказал я, разозлившись, — ведь он устал, только что прилег, успеете и завтра послушать.

Я думал, что Токтогул спит, но он вдруг приподнялся и окликнул собравшихся было уходить людей.

— Подождите, я сейчас.

Он тут же поднялся с постели, удобно устроился, попросил подать комуз и начал настраивать его. Подбросили дров в очаг. Собравшиеся плотно окружили Токо, с торжеством поглядывая в мою сторону.

Эту ночь Токтогул провел за игрой на комузе и песнями. Наутро, когда мы остались одни, он сказал:

— Сынок, ты ночью поступил неверно. Люди пришли послушать песни, а ты гонишь их. Не делай больше так. Дитя мое, Алымкул, никогда нельзя отказывать людям, если даже ты болен.

* * *

С тех пор я не отставал от Токтогула ни на шаг. Под Токо была гнедая лошадь, одет он был в синий чапан, мерлушковый тебетей. У Токтогула были удивительно правильные черты лица. Краснощекый, круглолицый, с пухлыми, как у ребенка, губами, он был очень привлекательным. Токо иногда глубоко задумывался, и в такие минуты я не осмеливался беспокоить его. Но чаще он бывал веселым и всех заражал радостью. Прибаутками, различными шутками он заставлял улыбаться даже угрюмых...

...Это было в один из осенних дней. До Таласских гор долетела счастливая весть о свободе. Извечных господ-баев и мананов охватила дрожь, и они под различными предлогами: то под видом поминка по отцу, то под видом поминка по матери — поголовно резали скот, чтобы он не попал в руки бедняков.

Вот как раз в такое время в роде берен устраивали поминки по Джанкорозу. Стало известно, что придут гости из Аксу и Таласа. Через два-три дня распространился слух: на поминках будет Токтогул. Это известие взбудоражило людей, и они стали с нетерпением ожидать долгожданного дня. Спустя некоторое время распространилась новая весть: Токтогул приехал и остановился у своего друга-деханна Чылмамбета, живущего в айле, расположенном ниже айла Джанкороза. Народ, кто на лошалях, кто пеший, устремился туда.

Большобрюхие баи и манапы из белых юрт недовольно ворчали: «Поганец этот левец, раб ничтожный! Что это он, не повидавшись с нами, остановился у какого-то безродного из нижнего айла?» Они послали джигита с приказом: «Если Токтогул хочет петь, то пусть едет в айл, где проводят поминки, а если нет, так пусть убирается».

Джигит, бесцеремонно растолкав конем собравшихся возле юрты Чылмамбета людей, срывающимся визгливым голосом крикнул:

— О-о несчастный Токтогул, ты даже не знаешь, где тебе следует остановиться. Манапы велят тебе прийти в айл Джанкороза. «Пусть приезжает по-доброму, — говорят они, — а если не захочет, тогда пусть убирается домой».

Поднялся Токтогул и спокойно сказал:

— Возвращайся своей дорогой. Если пожелаю, приеду завтра, а сегодня буду здесь.

— Не хочешь ехать, не надо, потом пеняй на себя, — задиричиво проговорил джигит.

Когда Токо закончил пить чай, к нему обратился Чылмамбет:

— О Токо, я думал, что здесь собралось только мои соседи, но, оказывается, пришли и люди из верхнего айла. Они не смогли бы послушать тебя, если бы ты пел в юртах мананов. Хотя ты и устал с ланей дороги, услади своим языком собравшихся.

Токо ответил:

— Э-э, друг мой... Ведь я остановился у тебя затем, чтобы встретиться с простым людом. Если бы я хотел услужить баям, не сидел бы здесь. Конечно, я буду петь. Что мне — везти свои песни домой, что ли, и сеять их вместо семян в следующем году?

Все собравшиеся рассмеялись.

Токо сделал углубление в середине тебетейки, надел набекрень, засунул правый рукав, стал быстро двигать кожей головы, отчего тебетейка то спадала на правое ухо, то поднималась на макушку.

Сидящие дружно хохотали. Любопытные стали напирать на передних, отчего и без того переполненная юрта затрещала. Многие, не смотря на усердное старание, так и не сумев посмотреть на Токо, ворчливо переругивались:

— Да что ты делаешь?

— Ой, ты что не видишь людей, что ли, так напирал?

— Ин-и... да он все ноги мне поотдавил.

Токо еще и не приступал к игре на комузе, но смех не прекращался ни на минуту.

Но вот наконец Токо взял комуз и начал настраивать. Он сделался сразу серьезным, даже хмурым. Собравшиеся тут же перестали смеяться и с тревогой обратились к нему:

— Токо, что это случилось с вами? Вы не поете, будто обижены на нас?

– А разве вы хорошо поступаете? – спросил он. – И стар, и млад сменяется надо мной... Мало того, так и вон та старуха, что сидит у очага, и та смеется.

А старуха испуганно запрочитала:

– Да боже упаси меня, мой дорогой! Это я от радости смеюсь. Что же теперь мне делать?

Токо прикрикнул на сидящего рядом с ним юношу, который покачивался от смеха, неожиданно подтолкнул его вдруг выпятившимся животом. И сказал:

– Эй, ты, мальчишка, сиди смиренно!

Смех разразился с новой силой.

Народ, покачиваясь, говорил:

– Что будет с нами, когда запоет Токо? Мы уже сейчас умираем со смеху!

Несмотря на несмолкающий смех людей, Токо запел звонким голосом:

Привет вам всем, родичи мои.

Груженки мои любимые.

Которые ждали с волнением меня.

Говоря, что придет Токо!

– Еще, еще, Токо! – зашумел народ.

Токо продолжал:

Чернопятые бедняки.

Чтобы узнать о нашем благополучии.

Не остановился я у болынеборюких басв.

А приехал к вам, сюда...

Народ шумно благодарил его.

А когда Токтогул начал песню о своем изгнании в Сибирь:

Без вины я был пойман

И сослан в Сибирь.

Но возвратился невредимым.

И вновь я с вами, белокопытные киргизы.

Народ сразу смолк, сосредоточенно слушая печальную песню, в душе проклиная манаров, которые сослали любимого акына в далекий страшный край.

Токо, почувствовав печальное настроение людей, сразу же преврал песню, перебросил комуз в правую руку и, чтобы поднять дух слушателей, обратился к хозяину дома:

О Чылмамбет,
Возьми свой котел и тулгу,
Возьми свой огромный кумган и ведро...
Есть у меня давнишние тайны.
Сейчас покажу вам невиданное,
Следите за мной, родичи!

Сидящие заговорили:

– Вот интересно! Что задумал Токо?

– Шаману хочет подражать, что ли?

Токо настроил комуз и медленно начал:

Среди множества птиц

Есть жаворонок,

Поющий на разные лады,

Заливающий без конца.

Когда пас овец я,

Научился трелям его.

Словно сам жаворонок.

Я сыграю вам, братья родные!

Затем он перестал играть и стал объяснять:

– Родные, все вы знаете жаворонка. Высоко взлетев в небо, он заливается там на шестьдесят ладов, а опустившись в степную долину, поет совершенно по-иному. Вот так...

Токо стал подражать жаворонку, заливаясь на разные лады. Затем взял комуз и стал изображать трели жаворонка: «Ардап-зардап, к-ште, к-ште, загы-загы, к-ште, к-ште».

– Знаете ли вы, о чем он поет? – спросил он.

– О дорогой Тока, тебе лучше знать о трелях жаворонка, – поддал кто-то голос.

Токо сказал:

– Первое: «загы-загы, к-ште, к-ште», это значит: «не зарься на чужой грудь». Второе: «Ардап-зардап к-ште, к-ште», – значит: «Долно вдовью и сиротскую не трогай».

Люди зашумели:

– Молодец, Токо!

Токо перешел на другую тему.

– Э, братцы, расскажу вам о том времени, когда я еще не был в Сибири... Собрался я однажды отправиться в Анджжан, чтобы набраться ума-разума, встретиться и перенять мастерство акынов, певцов, музы-

кантов, а самое главное, повидать известного в тех местах акына Молло Тойчу. Когда я уже достиг андижанских улиц, навстречу показались черной масти лошадь, запряженная в телегу с двумя огромными колесами. В ней сидели четверо. На одном из них была чалма, в руках он держал длинный белый сверток. Я поздоровался и, пустив свою лошадь рядом с повозкой, спросил:

- Братцы, откуда едете?
- Э-э, да разве вы не узнаете? — сказал мне черлобородый узбек.
- Кого?
- Да того маленького человека в белой чалме. Он наш шаир, мастер не только песни, но и дутара.
- Как его имя?
- Этот человек Молло Тойчу! Подумать только, что до сих пор вы его не видели!

Я спросил:

- А куда путь держите?
- Да здесь недалеко есть хорошая чайхана, вот мы и решили там отдохнуть.

— Можно мне, братцы, с вами поехать?

— Езжай, пожалуйста!

Мы поехали к большой чайхане. Спутники, прежде чем сесть, сняли верхнюю одежду. Я последовал их примеру. Тот час же стали раздаваться голоса сидящих в чайхане:

— Да живет Молло Тойчу-аке! Возьмите, Молло Тойчу-аке, в руки дутар.

Оказывается, в том белом свертке был дутар! Один из сидящих развязал сверток и подал инструмент Молло Тойчу. Я тоже быстро снял комуз с ремня и положил рядом. Мой спутник, увидев это, протянул:

— У моего киргизского друга, оказывается, тоже есть инструмент. — и, обратившись ко мне, спросил: — Ха, киргиз-аке, может ли на что-нибудь пригодиться ваш инструмент?

Один из сидящих заметил:

— Чтобы там ни было послушаем его погом.

Я про себя подумал, что надо приложить все силы, чтобы не ударить лицом в грязь... Наконец, Молло Тойчу взял дутар и, подергивая плечами, начал напевать узбекскую народную песню «Люлю Мамакан».

— Живи, Молло Тойчу! Когда поет Молло Тойчу, все струнки человеческой души задевает, — раздались восхищенные возгласы.

Тут ко мне подошел узбек и сказал:

— Киргиз-аке, и вы возьмите в руки свой инструмент.

— Спасибо вам, родичи, — начал я. — Я слышал раньше, что есть у узбеков певец Молло Тойчу и вот приехал затем, чтобы встретиться с ним. Моя заветная мечта, исполнилась, я не только увидел его, но услышал. Я сам из сторонки, называемой Ала-Тоо. Там живет белокопачный киргизский народ, где в каждом ушелее привольно растет густой еловый лес. Если вы согласны, то позвольте мне повторить услышанную песню Молло Тойчу, хотя, может быть, слова я буду произносить не совсем верно.

Один из сидящих нетерпеливо спросил:

— А как ваше имя?

— Токтогул, — ответил я.

— А, так эта вы и есть Токтогул?! Нам тоже приходилось слышать о вас, — сказал один из присутствующих.

Я начал на комузе исполнять песню Молло Тойчу. Сидящие одобритительно восклицали:

— О, молодец! Да живи, киргиз-аке! Этот киргиз-аке мастерски владеет своим комузом! Он превратил его в дутар.

— Родичи, — обратился я к ним, — сейчас я исполню на своем комузе мелодию дутара Молло Тойчу. Теперь позвольте мне исполнить киргизскую мелодию. У киргизов есть игра девушек и молодых, называемая «Селькинчек». Они устраивают качели на деревьях, поют, играют. Среди девушек и молодых есть свои певицы и комузистки...

Я начал показывать, как наигрывают мелодию «Селькинчек», пропел песню и под конец просвистел, подражая звуку темир-комуза. Люди, сидящие в чайхане, зашумели:

— Живи, Токтогул-аке, молодец!

...Так закончил свой рассказ Токо.

Где бы Токо ни был, везде он рассказывал что-то новое, не повторяя ранее сказанное. Токо был не только акыном и комузистом, но и увлекательным рассказчиком...

Перевод Р. Кыдырбаевой

Калык АКИБЕВ

Детство моё

Пока в человеческом теле есть душа — человек все может пережить... Мне было тогда шесть лет. Жили мы бедно. Мы, дети, были всегда полуголодными, полураздетыми. Нет, пожалуй, даже не полураз-

детьми, а почти голыми. Ни у моего старшего брата, ни у меня, ни у младшего брата не было ничего, кроме лохмотьев.

Летом мое тело обжигало солнце, а зимой я грелся у очага. Никто никогда не видел на мне рубахи или тулупа, или тебета. Сквозь лохмотья всегда виднелось голое тело. Поэтому люди забыли мое настоящее имя и прозвали «голым сыном мастера Акы».

Как-то в один из жарких летних дней отец сидел перед нашей землянкой и чистил ружье. По всему было видно, что он собирается на охоту.

К нему подошла мать и спросила:

— Уста, куда ты собрался?

Не поднимая головы, отец ответил:

— Говорят, на Чаткарагае появились два оленя. Схожу туда. Может, мне повезет, и у нас будет оленье мясо.

— Отец, можно и я пойду с тобой, — попросился я робко.

— О-о, карапуз, что тебе там делать! Только помешаешь мне. Рано тебе ходить на охоту. Подрасти еще немного, — сказал отец.

Я понял, что он не возьмет меня с собой, как бы я его ни упрямился. И тогда я решил пойти в сторону Чаткарага раньше отца, спрятаться на его пути и напугать его. Не сказав никому ни слова, я отправился в путь. Ушел я довольно далеко от дома, добрался до Ташкия. Здесь выбрал себе место, где можно было спрятаться. Я залег под согнувшимся от ветра кустом таволожника.

Мне пришлось долго ждать отца. Наконец он появился. Я замер в ожидании, когда он приблизится ко мне, словно хищник, подстерегающий добычу. Когда отец поравнялся со мной, я с криком «Бау-у!» выскочил из-под куста прямо ему навстречу. В руках у отца была сломанная ветка. Он в испуге взмахнул ею, но меня не задел.

— У-ух, — облегченно вздохнул отец, узнав меня. — Чуть сердце в глотке не застряло. Откуда ты здесь взялся, чертенок?

А я довольный, что все произошло так, как я задумал, начал весело рассказывать.

— Когда ты сказал, что не возьмешь меня с собой...

Но отец строго прервал:

— Иди домой, иди.

— Не пойду, — заявил я.

— Почему?

— Я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Идти назад.

— А как ты сумел сюда добраться?

— Я знал, что ты идешь следом. Не гони меня, агаке?!
Отец покачал сокрушенно головой, но потом сказал:

— Ладно, пошли, раз ты так хочешь.

Я весело побежал впереди него. Вскоре мы дошли до Чаткарага. Отец остановился и сказал мне:

— У тебя глаза видят лучше моих. Хорошенько осмотриесь вокруг. Тейтек говорил, что здесь появилась пара оленей.

Спрятавшись в густых зарослях арчевника, мы стали внимательно рассматривать местность. И вдруг на окраине темного ельника я увидел двух пасущихся, как мне показалось тогда, коней.

— Агаке, — шепотом позвал я отца. — Вон там пасутся две лошади.

— Где, сынок?

— Во-он, видишь, недалеко от густого ельника. Вон около тех двух елочек.

Отец увидел.

— Да это же, наверно, олени, — сказал он. — Сынок, сиди здесь и не двигайся. А я выйду с другой стороны, из кустов жимолости. Ты следи за оленями. Если они вздумают убежать, маши в ту сторону, куда они побегут, тебетеем, — отец сунул мне в руки свой тебетей и исчез среди кустарников и деревьев.

Прошло несколько минут. Олени мирно паслись. Но вот неожиданно они сорвались с места и огромными прыжками полетели в мою сторону. Олени неслись прямо на меня. Я испуганно сжался. Мне хотелось закричать от страха, но, вспомнив наказ отца, я лишь беззвучно запыкал и пополз в арчевник. Примерно в метрах двух от меня они вдруг замерли, насторожили уши и понеслись прочь.

Но тут раздался выстрел. И только теперь, услышав выстрел, я закричал в ужасе:

— Ата, ата, они хотели растерзать меня.

Я был так напуган, что боялся вылезти из своего убежища. Я ждал, когда придет отец.

Отец нашел меня уже в сумерках, рассказал, что одного оленя он убил. Забрать всю тушу оленя сразу мы не могли. Отец отрезал задние ноги, и мы отправились домой.

На следующий день сходили за остатками туши, и разделили ее между восемью такими же бедными семьями, которые жили рядом с нами.

детьми, а почти голыми. Ни у моего старшего брата, ни у меня, ни у младшего брата не было ничего, кроме лохмотьев.

Летом мое тело обжигало солнце, а зимой я грелся у очага. Никто никогда не видел на мне рубахи или тулупа, или тебетея. Сквозь лохмотья всегда виднелось голое тело. Поэтому люди забыли мое настоящее имя и прозвали «голым сыном мастера Акы».

Как-то в один из жарких летних дней отец сидел перед нашей землянкой и чистил ружье. По всему было видно, что он собирается на охоту.

К нему подошла мать и спросила:

— Уста, куда ты собрался?

Не поднимая головы, отец ответил:

— Говорят, на Чаткарагае появились два оленя. Схожу туда. Может, мне повезет, и у нас будет оленье мясо.

— Отец, можно и я пойду с тобой, — попросился я робко.

— О-о, карапуз, что тебе там делать! Только помешаешь мне. Рано тебе ходить на охоту. Подрасти еще немного, — сказал отец.

Я понял, что он не возьмет меня с собой, как бы я его ни упрашивал. И тогда я решил пойти в сторону Чаткарага раньше отца, спрятавшись на его пути и напугать его. Не сказав никому ни слова, я отправился в путь. Ушел я довольно далеко от дома, добрался до Ташкия. Здесь выбрал себе место, где можно было спрятаться. Я залег под соннувшимся от ветра кустом таволожника.

Мне пришлось долго ждать отца. Наконец он появился. Я замер в ожидании, когда он приблизится ко мне, словно хищник, подстерегающий добычу. Когда отец поравнялся со мной, я с криком «Ба-у!» выскочил из-под куста прямо ему навстречу. В руках у отца была сломанная ветка. Он в испуге взмахнул ею, но меня не задел.

— У-ух, — облетченно вздохнул отец, увидев меня. — Чуть сердце в глотке не застряло. Откуда ты здесь взялся, чертенок?

А я довольный, что все произошло так, как я задумал, начал весело рассказывать.

— Когда ты сказал, что не возьмешь меня с собой...

Но отец строго прервал:

— Иди домой, иди.

— Не пойду, — заявил я.

— Почему?

— Я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Идти назад.

— А как ты сумел сюда добраться?

— Я знал, что ты идешь следом. Не гони меня, агаке?!

Отец покачал сокрушенно головой, но потом сказал:

— Ладно, пошли, раз ты так хочешь.

Я весело побегал впереди него. Вскоре мы дошли до Чаткарага. Отец остановился и сказал мне:

— У тебя глаза видят лучше моих. Хорошенько осмотриесь вокруг. Тейтек говорил, что здесь появилась пара оленей.

Спрятавшись в густых зарослях арчевника, мы стали внимательно рассматривать местность. И вдруг на окраине темного ельника я увидел двух пасущихся, как мне показалось тогда, коней.

— Агаке, — шепотом позвал я отца. — Вон там пасутся две лошади.

— Где, сынок?

— Во-он, видишь, недалеко от густого ельника. Вон около тех двух елочек.

Отец увидел.

— Да это же, наверно, олени, — сказал он. — Сынок, сиди здесь и не двигайся. А я выйду с другой стороны, из кустов жимолости. Ты следи за оленями. Если они вздумают убежать, маши в ту сторону, куда они побегут, тебетеем, — отец сунул мне в руки свой тебетей и исчез среди кустарников и деревьев.

Прошло несколько минут. Олени мирно паслись. Но вот неожиданно они сорвались с места и огромными прыжками полетели в мою сторону. Олени неслись прямо на меня. Я испуганно сжался. Мне хотелось закричать от страха, но, вспомнив наказ отца, я лишь беззвучно заплакал и пополз в арчевник. Примерно в метрах двух от меня они вдруг замерли, насторожили уши и понеслись прочь.

Но тут раздался выстрел. И только теперь, услышав выстрел, я закричал в ужасе:

— Ата, ата, они хотели растерзать меня.

Я был так напуган, что боялся вылезти из своего убежища. Я ждал, когда придет отец.

Отец нашел меня уже в сумерках, рассказал, что одного оленя он убил. Забрать всю тушу оленя сразу мы не могли. Отец отрезал задние ноги, и мы отправились домой.

На следующий день сходили за остатками туши, и разделили ее между восьмью такими же бедными семьями, которые жили рядом с нами.

Отец пытался делать все, чтобы поскорее выбиться из нужды: он охотился, продолжал мастерить каркасы юрт, купил корову с телком.

Мы, дети, тоже помогали родителям. Как ни хотелось мне порой побегать и поиграть, а нужно было теленка пасти. Я помню, как однажды я его упустил, и он высосал у коровы все молоко. Узнав об этом, мать начала бить меня. Ударив ручным веретеном, она рассекла мне надбровье. Я вырвался из ее рук и побежал к отцу, который ушел на джайлоо нарвать пригодные для каркаса юрты ветви. Я не чувствовал, что кровь из разбитого надбровья течет мне на лицо. Дорога была дальная. Я не прошел еще и половины пути, как наступила темнота. Идти было страшно. Кроме того, я сильно устал. Я нашел углубление под большим камнем, нарвал лопухов, постелил и лег, свернувшись комочком.

Когда я открыл глаза, солнце было уже довольно высоко. Все живое давно уже пробудилось: трещали плясуны, ворковали горлишки, стрекотали сороки.

Чтобы скорее добраться до отца и не заблудиться, я пошел вдоль быстрой горной речки.

На тропинке, что вилась неподалеку, показался человек, сидевший верхом на быке. На голове его красовались остатки тебета из красноватой мерлушки, на плечах висел серый дерюжный чепкен, подпоясанный сыромятным ремнем.

Когда он подехал ближе, я решил спросить его, знает ли он, где мой отец, и поэтому окликнул:

— О, аке!

Он повернулся в мою сторону. Лицо его стало испуганным. Он вдруг повернул быка назад и, отчаянно колотя его камчой по голове, поехал в противоположную от меня сторону. Его страх передался мне, я подумал, что он увидел позади меня что-то ужасное. Я бросился за ним влед с криком:

— О, аке, постой, аке, постой же!

Когда я приблизился к нему, он соскочил с быка и побежал от меня, как от шайтана. Вскочив на большой камень, он весь дрожа, спросил:

— Да кто ты? Кто?

А у меня у самого сердце готово было выскочить из груди.

— Аке, что с вами? Я сын Акы-уста!

Он перестал дрожать, недоверчиво посмотрел на меня и наконец

сказал:

— Ах ты, стервец! Ты ведь на самого дьявола похож...

Потом он обругал меня, как только умел. Оказывается, кровь из рассеченного надбровья залила мне все лицо, запеклась на нем, и я, почти голый, весь в крови, действительно походил на какое-то чудовище.

И когда я выскочил из камней в пустынной местности, меня трудно было не испугаться.

— Вы не знаете, где мой отец? — спросил я путника.

— Знаю. — ответил он.

— Покажите мне. А то я боюсь, что не найду его. — Ладно. Сядь на быка.

Он усадил меня позади себя. Дорога поднималась в гору. Бык пошел на подъем, а я начал сползать. Чтобы удержаться, я схватился за основание хвоста быка. Но бык взорыкнул, и мы оба слетели с него.

Асан, так звали мужчину, разозлился не на шутку.

— А, чтоб тебя!.. Иди пешком! — велел он.

Я ползл по дороге вслед за едушим впереди Асаном.

Я прошел довольно большое расстояние. Показав мне на островок густого ельника, Асан сказал:

— Отец твой вон там, около ельника.

Я побежал туда, куда указал мне Асан. Но отца там не было. Здесь лежали его инструменты и одежда, а на толстом суку висел большой чанач с айраном. Я хотел снять с дерева чанач, но не достал. Тогда я схватил отцовский байгеше и ударил им по горловине чанача. Айран густой струей хлынул из дыры. Я упал ничком на землю и начал жално шить айран. А потом уставший, но сытый, я завернулся в тулуп отца и моментально заснул.

Разбудил меня сердитый возглас отца:

— Черт бы побрал того, кто это сделал! Видно, опять Асан...

Я высунул голову из-под шубы и сказал:

— Атаке, это я сделал.

Отец несколько минут смотрел на меня, не узнавая. Потом прижал к груди и неожиданно заплакал.

— Ты что здесь делаешь? — торопливо спросил он. — Откуда? Почему в крови?

А я, уткнув лицо ему в грудь, рассказывал:

— Мать ударила веретеном... А я вырвался и к тебе убежал.

* * *

... Богатый и знатный манал Торогельды сказал как-то отцу:

— Уста, переэжай-ка ко мне в аил. Сделай две юрты для моих жен... Если у тебя нет юрты, то я прикажу моим женам дать тебе за работу кошмы для юрты. А остальное ты сделаешь сам, ты мастер.

Акы сделал для жен Торогельды два каркаса юрт. За это ему дали пять больших кошм. Акы-уста, ютившийся до этого в землянках и малых глинобитных лачугах, построил каркас и накрыл его этими

кошмами. Теперь у него была собственная добротная юрта. Вскоре Торогелды попросил Аку сделать ему еще одну юрту — для его сына. За это манал дал Акы-уста коня.

Так мы и приоткрылись в анле Торогелды. Отец много работал. Постепенно улучшались дела нашей семьи. Вскоре у нас был конь для езды, корова, юрта для жилья, несколько овец.

Я рос крепким и бойким мальчишкой. Теперь я уже был приодет: ходил в штанах из выделанной кожи, в старом малахае и поршнях из старого чанача.

Мой старший брат, Орокбай, постоянно ухаживал за овцами. Он их пас, помогал доить. А меня, хоть убей, не заставишь возиться со скотом. У меня были свои дела и заботы. Я месил глину, лепил дома, рыл арыки, из разбитых черепков мастерил мельницы-водоливы. Авльчане, часто видевшие меня за делами, пророчили: «Этот сын мастера Аку весь в него, будет таким же уста, как отец».

Когда подходило время дойки овец, я прятался в бурьяне, что рос у загона, и оттуда следил за всем, что происходило. Как только заканчивалась дойка, и овец выгоняли на пастбище, я появлялся в юрте или с князем, или с охоткой курая в руках, и наблюдал за настроением матери. Если она была добра и весела, я смело заходил в юрту и лакомился там пенным наваром топленого молока и вкуснейшими поскребынками. Но если взгляд матери был мрачным, то я старался поскорей унести ноги. Вечные заботы и нужда рано состарили мать. Когда-то добрая и веселая, она теперь часто бывала сварливой и даже злой. Могла осыпаться человека ужасными проклятиями, вроде: «Чтобы камнем застыла твоя мечта, чтобы живот твой высох от голода, чтобы ты стал, как лушценое просо, как очищенный лук, чтобы душа твоя была такой пустой, будто змея там проползла, чтобы ты был голым, будто лошади вытопали, будь одиночкой могилой!»

Однажды в полдень, когда надо было ловить и привязывать ягнят, я убежал из юрты и, спрятавшись среди камней, как обычно наблюдал за дойкой овец. Наконец овец подоили и погнали на пастбище. Скоро из тюндук потянулся к небу сизый дымок. Я подошел к юрте, прислушался и заглянул внутрь. Мать сидела у очага, смотрела на молоко, которое закипало в казане. Мать подняла голову и вдруг ласково заговорила:

— Где ты был, сыночек? Ах, ты мой миленький. Молочка, наверно, хочешь? Иди ко мне...

Я шагнул ей навстречу. Она тут же схватила меня за ухо и отхлестала по щекам. Решив, что этого недостаточно, она схватила палочку, которой взбивают шерсть, и отстегала меня ею по спине. Ох, и визжал же я тогда, когда она меня била!...

Как рождаются песни

С восьми лет я уже участвовал в скачках на скакуне манала Торогелды. Скакун у меня был быстроногий и никогда никому не уступал приза. После скачек на тоях ырчи восхваляли и прославляли быстроногую призера, а я слушал и запоминал их песни.

Однажды у Торогелды был большой той. Мой скакун Керооз оставил далеко позади всех знаменитых скакунов, состязавшихся с ними. На той были приглашены певцы Эшмамбет и Джаныбай.

Акын Эшмамбет, высокий, пышнобородый мужчина, полное лицо его выражало самодовольство и покой. В песенных сосязанных он часто стремился унижить молодых певцов. Джаныбай был худощав, ладно скроен телом, вежлив в обращении, никогда не оскорблял певцов, а наоборот, старался поддержать их. Он исполнял не только свои песни, но и эпосы «Манас» и «Семетей».

После скачек они начали восхвалять скакунов и их хозяев. Я с восхищением слушал их импровизации.

Как-то я остался в конюшне один. Я кормил своего скакуна и вдруг самозабвенно начал петь то, что услышал от акынов. Я не видел, что мимо конюшни проезжал сам Торогелды и случайно услышал мое пение.

— Калык, иди за мной! — услышал я его приказ.

— Куда идишь?

— Ко мне в юрту...

«Что стряслось? — испугался я не на шутку. Никогда еще не звал меня манал в свою юрту...»

Мы подошли к юрте Торогелды. У входа я остановился.

— Заходи, — приказал Торогелды.

Я вошел. Юрта была полна гостей.

— А ну-ка спой, как Эшмамбет и Джаныбай воспевали нашего Керооза, — велел Торогелды.

Все смотрели на меня с любопытством. Я смутился и сказал:

— Я не умею.

— Подожди поближе, — властно проговорил манал.

Я подошел. Торогелды влепил мне тяжелую оплеуху.

— Будешь петь?!

Я взмолился:

— О, милый аке, я буду петь. Сейчас начну, — я быстро опустился на корточки.

Гости Торогелды смеялись до слез. А я же заплакал от стыда и обиды.

Торогелды посмотрел на меня и пригрозил:
— Пой без слез! Если будешь плакать, велью перерезать тебе глотку.
Человек поет тогда, когда этого просит его душа, а не по приказу.
У меня сжалось сердце в груди, несколько минут я не мог вспомнить ни одного слова.

Торогелды взял нож:

— Будешь петь или умрешь?
Дрожа от страха, я начал петь.

ДЖАНЬБАЙ:

Э-эй, главный конь у тебя, Алжитоко,
А возрастил его, брат Мама.

ЭШМАМБЕТ:

Э-эй, на этом коне стрелою
Мчится наследник Акы-уста..

ДЖАНЬБАЙ:

Я-то знаю цену коню,
Знаю, равных нет в скачках ему.

ЭШМАМБЕТ:

Если сведул твой саяккер -
Пусть найдет он изъязн у коня.

ДЖАНЬБАЙ:

Конь твой с хрустом ячмень жует -
По-архарья глаза горят.

ЭШМАМБЕТ:

Нету равных коню в округе:
Молод, крепок и мшилы упруги.

ДЖАНЬБАЙ:

Видно с толком готовил коня
Для скачек родичам наш Мама!

ЭШМАМБЕТ:

Конь твой с хрустом пшеницу жует -
По-оленьи глаза горят...

ДЖАНЬБАЙ:

Будто дужка капкана его спина,
Будто сам кайберен поселился в нем.

ЭШМАМБЕТ:

Он и скачет, как Аккула,
Бьет копытом, как Аккула.

ДЖАНЬБАЙ:

Он объезжен, как Тайбуурул,
Стерегут его, как Саралу.

ЭШМАМБЕТ:

Чтобы пылу твой конь не растратил всего,
Ты от малой байги береги-ка его.

ДЖАНЬБАЙ:

Керооз — твоя сила, Токо.

Керооз — твоя слава, Токо.

ЭШМАМБЕТ:

Слух прошел, что богатый приз
Победителя скачек желет...

ДЖАНЬБАЙ:

Если дашь мне в награду коня,
Буду песнями славить тебя.

ЭШМАМБЕТ:

Дай, Токо, мне в награду коня.
Для него уж готово седло у меня...

Дрожалим от обиды и страха голосом, я спел запомнившиеся мне куплеты известных акынов. Когда я кончил петь, Торогелды засмеялся.

— Это твое первое испытание. Если ты перестанешь быть такой размазней, из тебя выйдет толк. Со временем я сделаю из тебя акына не хуже Эшмамбета! Я уже сейчас вижу, из тебя будет толк,- сказал он, хлопав меня по плечу. — А теперь отправляйся к коням, следи за тем, чтобы они были сыты.

Я работал у Торогелды на скотном дворе и в конюшне, помогал его работникам ухаживать за лошадьми, коровами, выполнял любую мелкую работу. В общем, жил у манана на положении дармового малая. Спал вместе со скотом на скотном дворе.

К Торогелды очень часто приезжали певцы, комузисты, сказители. Их приезд становился для меня праздником. Я старался запомнить каждое слово. Это мне удавалось, и потом я повторял ашь-чанам песни и сказки комузистов и сказителей.

На поминках и пирах, происходивших в нашем аиле, появлялся часто один и тот же дервиш. За седлом у него всегда была приторочена переметная сума, на голове была повязана грязная чалма, на шее висели четки. Как-то раз, громко напевая традиционное дервишское заклинание, в котором часто упоминалось имя бога, он въехал в наш аил.

— Эй, Калык, или сюда,- позвал меня Торогелды. — Целый день сегодня не отходи от дервиша, а завтра повторишь мне все, что он будет говорить. Если не сумеешь пересказать, велью гвоздями прибить тебя к дереву.

Хочешь, не хочешь, а раз велено — надо выполнять. Весь этот день до ночи я ходил за дервишем из аила в аил, старался не только запомнить все, что он говорил, но и перенять все его движения и повадки.

На другой день, ранним утром, совершив утренний намаз, Торогелды приказал мне прийти к нему.

Когда я пришел, он спросил:

— Ну как, выполнил то, что я тебе велел?
Я кивнул головой и сказал:

— Да.

— Тогда исполни наставления дerviша, послушаю их после намаза.
Я, чтобы только не разгневать хозяина, начал петь нравоучения дerviша.

Дубана подходит к порогу, олло ой,

Пусть беда забудет дорогу, олло ой,

Пусть дитя, народившись, не плачет, олло ой,

Пусть беда, не наегиась, ускачет, олло ой.

Не пришлось мне спать под овчиной, олло ой,

Я родился лихою годиною, олло ой,

Почему я не умер младенцем, олло ой,

Не попал в настоящий рай, олло ой!

Я кончил петь. Но, вижу, Торогелды остался недоволен.

— Разве дубана не должен петь здравницу? Где же твое благословение? Дerviши всегда шедры на добрые пожелания.

Я ждал этого вопроса и потому встретил его, как говорится, во всеоружии:

Пусть горы хранят тебя, Торогелды.

Пусть будет худо врагам твоим, Торогелды.

Пусть будет здоровой печень твоя.

Пусть пастбища будут полны скота, —

начал я, стараясь ублажить Торогелды, лихорадочно отыскивая нужный мне слог. —

Пусть время силы тебе дает,

Пусть дerviш славу тебе поет,

И будет скрутит врагов недуг

Пусть будет бог доволен тобой,

Пусть будут дети довольны тобой,

Пусть беды тебя обойдут стороной,

Пусть жизнь твоя будет, как свадебный той.

Пусть змеи не жалят тебя никогда,

Пусть пчелы не жалят тебя никуда.

Да сохранит тебя аллах, Торогелды!

А-аминь, аллау акбар! Аллау акбар!

Последние мои слова заглушил дружный хохот.

— Замечательное у тебя благословение, — сквозь смех выдавил Торогелды.

Мне было в то время только девять лет. Я не понимал тогда, что Торогелды заставлял меня петь для того, чтобы повеселить себя и своих гостей. Я пел забавные песни, а они хохотали. Но Торогелды редко ограничивался этим. На потеху гостям и себе он устраивал и другие забавы.

— Мой Калык умеет не только петь. Он еще и мастер на всякие хитрости. Например, хлеб, боорсоки и мясо он не жует, как другие, а глотает кусками, — хохоча, заявлял Торогелды и, подавая мне боорсок, говорил:

— А ну-ка, проглоти вот этот боорсок.

— Страх перед мананом заставлял меня брать этот кусочек и класть в рот. Жесткий комочек жареного в масле теста застревал в горле, я давился, кашлял, из глаз текли слезы. Зато гостей Торогелды это очень веселило. Они прямо покатывались от смеха.

— Ты почему не глотаешь? — начинал кричать Торогелды, давая мне затрещину, и боорсок, наконец, проскальзывал.

— Вот — какой у меня Калык! — продолжал хвалиться хозяин. — А вот чай он, наоборот, не глотает, а жует. Смотрите, сейчас, он разжует и съест вот эту пиалу чая.

Торогелды протягивал мне пиалу.

И опять, боясь ослушаться хозяйна, я набирал в рот жидкость и начинал жевать ее, но она выливалась изо рта, текла на шею и грудь.

...До одиннадцати лет я жил у манана. Работал на него, как мог, принимал участие в скачках на его скакунах. Но когда я подросток, манан отдал меня своему сыну Караталу.

У Каратала я должен был следить за конями гостей, давать им корм, привязывать в зимнее время скот, убирать навоз. Одним словом делать все, что ни прикажут.

Я больше не участвовал в скачках. Но продолжал учиться у певцов и сказителей. К заученным песням я часто добавлял что-то свое, получалась импровизация. Аильчане узнали об этом. Меня начали приглашать туда, где устраивали джоро или выдавали невесту. Я радовался этим приглашениям. Ведь они означали, что мои песни нужны не только мне. За пение мне дали подарки: платочек или колечко, а то полтинник или рубль.

Моя тяга к пению с каждым днем росла. Я с жадностью слушал и запоминал песни и сказки, интересные истории и просто побасенки; которые слышал от заезжих певцов и сказителей или от аильчан. Устное творчество моего народа положило начало моим песням.

Перевод В. Вакуленко

Касым ТЫНЫСТАНОВ

Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии

Празднуя десятилетие нового алфавита, не можем не отметить этой знаменательной даты в истории киргизской социалистической культуры вообще, в истории языкового строительства в частности...

Нет теперь ни одной народности в Советском Союзе, которая не принимала бы активного участия в социалистическом строительстве. Вместе с разгромом капитализма в России исчез и термин «туземец», который скрывал под собой сотни национальностей, обреченных на гибель. Нет теперь больше той великорусской культуры, ради которой уничтожались другие культуры, и нет больше «великорусской нации», в интересах которой другие национальности велись «к цивилизации» при помощи русификаторской политики царизма. Нет теперь в Советском Союзе господствующей национальной культуры, а крепнет многонациональная по форме, единая по социалистическому своему содержанию советская культура. Сегодня мы видим, как трудящиеся киргизы даже в самых отдаленных от центра уголках Тянь-шаньских ущелий ежегодно получают десятки разных газет на своем языке и, сидя у себя в доме, знают, что творится во всем мире. Даже дунгане, живущие в СССР в количестве всего двух-трех десятков тысяч человек, имеют возможность через свою национальную газету ежедневно проследить за тязе-лой борьбой своих сородичей в капиталистическом Китае...

Мы видим, что громадная территория нашей республики сегодня покрыта густой сетью работающих на национальных языках школ и культурно-просветительных учреждений, где каждому предоставлена возможность штурмовать основы науки на понятном для него языке.

Кто лично пережил ужасы капиталистического строя, тому ясно, как велики достижения Киргизстана, и понятно, почему это достижение именно сегодняшнего дня, как результат диктатуры пролетариата, при национальной политике партии Ленина-Сталина, при повседневной братской помощи великого русского рабочего класса...

Всего несколько лет тому назад их отцы и матери были такими же голодными рабами, какими и сегодня являются трудящиеся в соседнем капиталистическом Китае...

Киргизы, подобно многим другим национальностям бывшей царской России, не имели своей национальной письменности до Октябрьской революции. Ясно, что не могло быть и никакой национальной школы для киргизского населения. Царское правительство проводило в Киргизии такую же национальную политику, какую любое империалистиче-

ское государство проводило и проводит в настоящее время в колониальных странах, поскольку империализм в любой стране имеет одну и ту же цель, цель грабежа слабых национальностей...

Царское правительство, руководимое самыми реакционнейшими из реакционных сил всего мира, проводило стоголдовую политику в Киргизии, что в результате ее киргизский народ перед октябрьской революцией стоял на грани исчезновения как нация. Эта зверская политика царизма наложила свои худшие отпечатки и на историю киргизского языка до революции.

Дооктябрьский период характерен для киргизского языка чертырьмя моментами.

Русские миссионеры пропагандировали для киргизов русский язык через русско-туземские школы, выковывая в этих школах из эксплуататорской верхушки киргизского населения верных слуг российскому империализму.

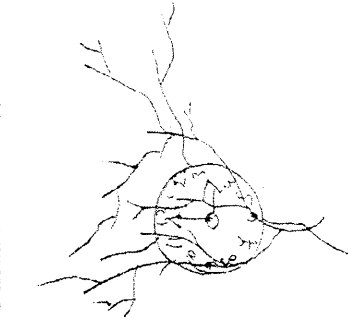
Эти русско-туземские школы, где исключительно проводились «божественные права» «великорусской нации» и преимущественно русского языка, считались основными привольными ремнями русификаторской политики царизма.

Татарская торговая буржуазия, опираясь на поддержку, главным образом, торговой части байства и манашства, на севере Киргизии активно прививала татарский язык через реформированные татарские школы, привлекая туда сыновей торговых элементов из киргиз.

На юге Киргизии узбекская торговая буржуазия, поддерживаемая киргизскими торговыми кругами и духовенством, через развернутую сеть мечетей и духовных школ активно насаждала старый узбекский литературный язык. В эти духовные школы, организуемые при мечетях, шло и трудящееся население в силу своей заботности и, таким образом, бессознательно попадало в духовный плен Корана.

Феодалные верхушки манашства, мечтавшие о восстании своих монопольных прав на эксплуатацию киргизских трудящихся, делали попытки создания своего литературного языка на основе средневекового чагатайского языка. На этом чагатайском языке, считавшимся литературным языком киргизских феодалов, были сделаны даже попытки издать в печати некоторые произведения. Так, в 1912 году в г. Уфе была издана книга О. Салыкова «История Киргизии», перед империалистической войной переизданная после смерти манаша Шабдана Джантаева под названием «История Шабдановской Киргизии». В этой «истории», издававшей родословные отдельных манашов-феодалов с прибавлением пагиприков этим манашам на сто процентов царствовала грамматическая традиция чагатайского языка, абсолютно непонятная киргизу. Вторая

книга, изданная до революции на киргизском языке, была поэма К. Шамырканова «Зильзая» («Катастрофа»). Книга была издана и отредактирована Арабаевым с внесением туда грамматических традиций чагайского языка, хотя в авторской рукописи была попытка отражения особенностей киргизского языка при помощи арабского алфавита, после работы редакторов мало осталась малопонятной для киргизского читателя. Сюда надо прибавить, что юридические документы (судебные решения биев, торгово-финансовые документы и т.д.) составлялись на том же чагайском языке, на котором рядовой киргиз понимал только свое имя и то в искаженном виде...

Крайне отсталое положение киргизского народа в результате царской политики не могло не влиять на ход развития киргизской национальной культуры и на долгие годы после октябрьской революции. Абсолютное отсутствие киргизской трудовой интеллигенции и киргизской национальной письменности заставило советскую власть в годы гражданской войны идти временно на культурное обслуживание киргизского населения на юге Киргизии на узбекском, на севере на казахском языках. В связи с этим нельзя не отметить попытки казахской буржуазной интеллигенции использовать эту исторически сложившуюся обстановку, вынуждавшую советскую власть пойти временно на обслуживание киргизских трудящихся на казахском языке, в своих национальных идеях. Казахская буржуазная интеллигенция, мечтавшая о создании «великодержавного государства «Алаш-Орды», сидя в научных центрах Туркестанской республики, вела борьбу с киргизскими студентами в Ташкенте, организовавшими движение за создание киргизской письменности. Эта великодержавная националистическая работа контрреволюционных алашординских интеллигентов, затормозивших темы культурного развития киргизских трудящихся, может быть отмечена в истории киргизской национальной письменности как одно из выступлений против диктатуры пролетариата.

История киргизской национальной письменности начинается лишь с 1924 года, с момента национального размежевания бывшей Туркестанской республики. В первое время делаются попытки приспособить арабский алфавит к культурным потребностям трудящихся киргизов. На нем издаются различные газеты и литература...

В первый же год употребления арабского алфавита киргизские трудящиеся убедились в том, что арабский алфавит, какой технической реформе не подвергались бы его, абсолютно негоден быть классовым оружием в руках трудящихся и неспособен выполнить возлагаемый на него революционный долг.

Арабский алфавит, прежде всего, не мог обеспечить перспективу развития киргизского литературного языка, потому что он не отражал всех особенностей этого языка: во-вторых, он не мог быть революционным оружием в руках трудящихся, потому что не соответствовал требованиям современной техники обучения и полиграфической промышленности, т.е. он совершенно не мог обеспечить темпов всего нашего социалистического роста, а плюс к тому, он как алфавит Корана еще оставался на службе у байства, манашства и духовенства как оружие против интересов трудящихся...

В мае 1925 года в гор. Пишпек (ныне Фрунзе) состоялся научно-педагогический съезд, накануне которого собралось особое совещание ответственных работников, вызванное имевшими место дискуссиями, предметом которых было выяснение политических моментов -- поставить ли на съезде вопрос о переходе с арабского на другой, более усовершенствованный алфавит. После упорных боев с буржуазными националистами, возглавлявшимися Арабаевым, совещание приняло следующий исторический протокол. «Слушали: 1. О ликвидации арабского алфавита и переходе на один из европейских алфавитов в связи с созывом первого областного научно-педагогического съезда КАО (доклад Тыныстанова).

Постановили:

1. С мнением Тыныстанова согласиться.
2. Вопрос о переходе к латинскому алфавиту разрешить поставить на областном научно-педагогическом съезде.
3. Дальнейшую реформу арабского алфавита прекратить.
4. Поручить т. Тыныстанову поставить вопрос об алфавите на съезде так, чтобы никакого политического ропота не поднялось».

Националисты, державшие тогда в своих руках органы народного образования и пробравшиеся в ряды членов правительства, чтобы укрепить свои позиции, заранее вызвали на съезд известного казахского контрреволюционера алашординца А. Байгурсунова, имевшего тогда благодаря своим учебникам по казахскому языку большую популярность среди отсталых киргизских педагогов. На съезде, длившемся с 25 по 27 мая 1926 года, после ожесточенной борьбы с националистами во главе с Арабаевым и Байгурсуновым была принята резолюция. В конституционной части этой резолюции говорилось следующее: «Констати-

руя огромные культурно-технические недочеты арабского алфавита на пути к созданию культуры, учитывая бесчисленное множество затруднений, связанных с его упрощением, которые встречались в вековой борьбе тюркских народов за свое культурно-экономическое освобождение от гнета европейского капитала, действовавшего главным образом через духовенство ислама, первый областной научно-педагогический съезд КАО считает необходимым ликвидировать арабский алфавит и перейти к новому алфавиту на общеевропейской (латинской) основе... Далее в резолюции даются конкретные указания о принципах построения латинского алфавита и практические мероприятия по организационным и агитационным вопросам, связанным с введением нового алфавита. Немедленно, после съезда подвигается изменения на основании его директив заранее составленный проект (автор тов. Тыныстанов), и в порядке добровольности на летних учительских курсах вводится преподавание нового латинского алфавита...

Прошедшие эти курсы киргизские педагоги отправляются как первые агитаторы за новый алфавит и организаторы обществ друзей нового алфавита.

Решение Первого Всесоюзного тюркологического съезда, состоявшегося в гор. Баку в феврале-марте 1926 г., было большой поддержкой и сильным моральным орудием в деле завоевания дальнейшей позиции новым алфавитом. Во второй половине 1926 года сессией облкомитета КАО выносится решение об организации специальной комиссии по руководству введением нового алфавита и 2 ноября того же года избирается первое организационное заседание этого комитета... Бесменный председатель Кирг. ЦИКа и Комитета нового киргизского алфавита т. Уразбеков.

Еще 14 марта до организации комитета был научной комиссией отдела народного образования разработан план введения нового алфавита, где подробно предусматриваются все виды работ по введению его в жизнь.

Первый учредительный съезд Советов Киргизской АССР одним из вопросов заслушивает вопрос о новом алфавите, устанавливает окончательным сроком введения его пять лет, утвердив преподнесенный ему план введения нового алфавита. На этом же съезде избирается состав центрального комитета нового киргизского алфавита. При кантонных исполкомах были образованы отделения центрального комитета.

Принятый новый киргизский алфавит не смог стать тоже окончательным, так как уже 1 июля 1926 года особое совещание киргизских культурно-просветительных и ответственных работников в гор. Фрунзе подвергло обсуждению вопрос об унификации киргизского алфавита с

алфавитами других тюркских народностей СССР. После работы комиссии по унификации новых тюркских алфавитов, заседавшей в июне 1926 г. в гор. Баку, разворачивается новая разъяснительная работа по введению уже унифицированного алфавита, и переобучаются кадры...

Киргизским правительством уже 12 декабря 1927 года выносятся постановления о признании нового алфавита государственным алфавитом, причем последний вводится наряду с арабским в практику учреждений с тем преимуществом, что документы на новом алфавите исполняются в первую очередь, а должностные лица, игнорирующие этот алфавит, привлекаются к уголовной ответственности.

В 1928-1929 учебном году приказом НКПроса за № 165 все преподавание в школах и делопроизводство органов просвещения переводится на новый алфавит. ЦИК Кирг. ССР в октябре 1928 года в своем постановлении констатирует, что рост количества грамотных на новом алфавите уже достиг за короткое время грамотных на арабском алфавите. ЦИК в этом своем постановлении устанавливает сроки перехода на новый алфавит делопроизводства во всех учреждениях следующего: в центральных учреждениях не позже 1 января 1929 г., в кантонных и районных не позже 1 марта, а в аулах не позже 1 сентября того же года.

Данное постановление было выполнено настолько успешно, что ЦИК в январе 1930 года вынес свое историческое решение об окончательной ликвидации арабского алфавита. Этим постановлением последний был изъят из практики. Так был похоронен старый алфавит на два года раньше, чем установленный учредительным съездом советов срок. Такой успех объясняется, кратко говоря, активной и сознательной борьбой широчайших трудящихся киргизских масс за новую социалистическую культуру.

Но победа эта досталась в жесточайшей борьбе с агентурой классового врага. Классовую борьбу вокруг нового алфавита можно разбить на четыре этапа.

Первый этап характеризуется тем, что вначале движения за новый алфавит представители байства, манашта и духовенства во главе с Байтурсуновым и Арабаевым, как мы видели это выше, выступали открыто. Они свои позиции мотивировали тем, что, во-первых, латинский алфавит, на основе которого построен новый алфавит, не может быть национальным, поскольку он является алфавитом европейского происхождения; во-вторых, культурный подъем народа нисколько не зависит от системы алфавита вообще, на что может служить примером Япония, которая, сохраняя иероглифическую систему письма, одновременно достигла наивысшей стадии культурного и экономического развития.

Второй этап характерен тем, что после решения вопроса в пользу нового алфавита буржуазные националисты, переменяв свою тактику, пошли апеллировать к массам о сроке введения нового алфавита: «Мы не против нового алфавита, а против срока его введения. Народ должен стать, прежде всего, культурным, а потом перейти на новый алфавит». (Трогательное сходство с «философией» меньшевиков и троцкистов). Когда правительственными органами были установлены твердые сроки перехода на новый алфавит, буржуазные националисты переклонились на метод использования нового алфавита в своих классовых интересах. От имени духовных лиц гор. Токмака была прислана делегация в научную комиссию при Облотделе народного образования, которая тогда разрабатывала вопросы алфавита. Делегация сообщила о том, что все духовные лица решили популяризировать новый алфавит среди широких масс, и для этого просят отпечатать Коран на новом алфавите в количестве десяти тысяч экземпляров за наличные деньги духовного общества. На ответ научной комиссии, что Коран может быть отпечатан только при условии перевода его на киргизский язык, делегация отмахнулась руками и ногами.

Четвертый этап характеризуется тем, что враги нового алфавита, после превращения последнего в государственной и массовой, перешли на прямое вредительство, принимая всяческие меры в ряде районов (особенно на юге Киргизии) к задержке перевода делопроизводства на новый алфавит. К этому они имели возможность, т.к. пользуясь своей грамотностью, могли некоторое время держать в своих руках технический аппарат кое-каких сельсоветов. Но мероприятиями правительства быстро был ликвидирован указанный саботаж путем быстро проведенной подготовки новых кадров, а также путем изгнания классовых врагов из аппарата.

Классовые враги быстро просчитались в своих надеждах в борьбе с новым алфавитом. Широкие массы трудящихся с колоссальным энтузиазмом овладели новым алфавитом и уже в 1928 г. запугали канцелярских чиновников своими «латинскими заявлениями». Неимоверно быстрыми темпами росло число обществ друзей нового алфавита. Если в 1926–27 учебном году число добровольных обществ друзей нового алфавита равнялось всего двенадцати, с числом членов 670, то уже в сентябре 1927 года было 174 общества с числом членов 5721. Если возьмем социальный состав членов общества, мы увидим при анализе этого состава ясную картину революционной роли нового алфавита: крестьян середняков – 1450, бедняков и батраков – 1918, учащихся (с грамотностью на арабском языке, прошедших через кружки нового алфавита) 1523, служащих – 578, красноармейцев – 252...

За полтора года работы Комитета нового алфавита (т.е. в конце 1928 г.) грамотность взрослого населения дошла до 5,31%, а число грамотных на арабском алфавите, считая с дореволюционным периодом равно было 6,8%. Таким образом, за полтора года к числу грамотных на арабском алфавите взрослого населения составило 80,5%. В эту статистику не вошли те, которые переобучались заочно и путем самообразования (через газеты, буквари). Если учесть это последнее обстоятельство, то можно считать, что к концу 1928 г. число грамотных на новом алфавите уже превысило число грамотных на арабском. Если сопоставить проценты грамотных на арабском и новом алфавитах за следующие годы, то мы увидим такую интересную картину. Если за все годы обучения на арабском алфавите мы имеем грамотность среди взрослого населения только 6,8%, то за три года обучения новому алфавиту (1929–1931 гг.) мы имеем грамотность уже 44%. Успех нового алфавита сказался очень ярко в особенностях в тиражах газет и книг. Тиражи двух центральных киргизских газет «Кызыл-Киргизстан» и «Ленинчил-Джаш» со времени введения в печать нового алфавита с 3500 и 1700 экземпляров в 1928 г. выросли в 1931 году до 250000 и 15000 экземпляров, а тиражи учебников с 5–10 тыс. экземпляров в 1928 г. до 50–120 тыс. в 1931 году...

Несмотря на слабость полиграфической базы на новом алфавите, связанной с поздним получением шрифтов, продукция государственного издательства на новом алфавите тоже росла быстрым темпом. Если в 1928 году удельный вес книг на новом алфавите в книжной продукции Киргосиздата составлял 22,9%, то в 1929 г. он был равен уже 72,2%, а с начала 1930 г. издательство целиком перешло на новый алфавит...

В свете общей культурной революции знаменательно показали рост школьной сети. Если до революции имелось всего 99 школ (русские, русско-туземные, татарские, духовные) с количеством учащихся 5091, из которых всего 574 киргиза, то со дня ликвидации арабского алфавита, т.е. в 1930 г. число школ было 990 с количеством учащихся 104800, из которых киргизы – 44370, а в 1937 – 1754 школы с контингентом учащихся 224859 человек, из которых киргизы 102504. Из числа учащихся-киргиз число девочек нормально в процентном отношении к числу мальчиков, тогда как до революции киргизские девочки не учились вовсе. Таковы огромные заслуги нового алфавита в системе всей культурной революции, особенно в деле роста грамотности населения республики, достигнутого в 1937 г. 63%...

Отмечая слабую роль многотысячной армии на фронте борьбы за новый алфавит, нельзя не отметить вместе с этим принципиальных ошибок лингвистов этой армии. Как известно, некоторые принципы построения нового киргизского алфавита, составленного на основе дирек-

тив Первого научно-педагогического съезда К. Тыныстановым, автором, пишущим эти строки, страдали национальной ограниченностью, и эта национальная ограниченность тормозила до 1928 года правильное развитие киргизского литературного языка... Узко буржуазно-националистическое мировоззрение, на котором стоял автор проекта в первые годы великой пролетарской социалистической революции и от которого он не сумел окончательно, решительно и быстро отмежеваться, не могло оказывать своего влияния на принципы построения первого проекта алфавита.

Построение нового киргизского алфавита на принципах сингармонизма и отсутствие в составе нового алфавита специальных букв для советских и международных терминов были по сути дела продолжением идей буржуазных националистов о перспективах развития национально-го языка. Только в 1928 г. в процессе разработки деталей киргизской орфографии выяснилось, что исключительно фонетический принцип, выдвинутый первым научно-педагогическим съездом в 1925 г., страдает односторонностью и национальной ограниченностью и тем самым тормозит развитие киргизского литературного языка по верному пути.

Исключительно фонетический принцип обходил синтаксический строй языка и некоторые законы морфологии, а также, распространяя законы киргизского языка на заимствуемые из других языков слова в полной мере, фактически закрывал путь интернациональным терминам. Буржуазные националисты, эти непримиримые враги советской культуры, на научно-педагогическом съезде 1925 г. сыграли ту же гнусную роль в вопросе орфографии (выдвинув фонетический принцип как принцип исключительный). При решении вопроса о принципах орфографии на научно-педагогическом съезде оказал свои давно испытанные услуги буржуазным националистам тот же арабский алфавит, так как только этот алфавит и исторически сложившиеся на нем казахская и узбекская орфографии, орфографии узко феодальных кругов, которыми пользовались раньше киргизские школы, были единственными источниками познания для крайне малопытанных киргизских педагогов делегатов съезда при обсуждении вопроса о принципах построения киргизской орфографии. Фонетический принцип, как принцип исключительный, отвергнут был только лишь в 1928 году. В состав нового киргизского алфавита введены дополнительные буквы постановлением специального заседания членов Центрального Комитета по новому киргизскому алфавиту с участием членов правительства и работников культурного фронта от 13 мая 1928 г., по докладу пишущего эти строки постановление было утверждено ЦИКом 4 июня (протокол № 100). Приказом Наркомпроса

еще от 25 мая того же года за № 85 новый, исправленный алфавит был введен в практику...

Ранее бесписьменный язык имеет теперь свою грамматику, свою орфографию, свою терминологию и т.д. Первая орфография и грамматика (часть I фонетика и часть морфологии) разработаны Тыныстановым и изданы в 1927 г. Киргосиздатом еще на арабском алфавите. Эта орфография была утверждена Академическим центром Народного Комисариата просвещения. Последняя, ныне действующая, орфография разработана в 1934 г. и издана Киргизским научно-исследовательским институтом культурного строительства как проект. Проект этот отличался от первой орфографии главным образом тем, что в нем подробно рассматривались правила передачи советских и интернациональных терминов. Этот проект после двухгодичной дискуссии был представлен на рассмотрение конференции по языковому строительству, которая состоялась в сентябре 1936 г. в гор. Фрунзе. К этому проекту был приложен краткий свод правил пунктуации. Проект с незначительными изменениями был одобрен конференцией и представлен на утверждение киргизского правительства, которое, внося изменения в отдельные положения, утвердило его в начале 1937 года и отправило в Москву. В ЦКНА на отзыв для получения санкции Совета Национальностей. При этом правительство также окончательно утвердило состав и порядок киргизского алфавита как стабильный, не внося никакого изменения в его состав. Таким образом, Киргизия имеет стабильную орфографию.

Разнобой в орфографии, еще имеющий место в печати, должен будет ликвидироваться с опубликованием утвержденной орфографии. Киргизский язык имеет уже разработанную грамматику со всеми ее разделами. О первой киргизской грамматике мы уже упоминали. Раздел морфологии подробно разработан в 1928 г. и издан в Москве в 1930 году, этот раздел переиздан с некоторыми дополнениями в 1934 году. Синтаксис киргизского языка разработан также Тыныстановым и издан в 1936 г. Таким образом, по части грамматики основная работа закончена, начальная и средняя школы обеспечены. Над научной грамматикой работа продолжается и сосредоточена в Киргизском научно-исследовательском институте языка и письменности и по плану его должна быть закончена к концу 1937 года.

Успехи по части родного языка имеются и по программам. В 1937 г. киргизские школы как начальные, так и полные средние, будут иметь стабильные программы по родному языку.

По части терминологии тоже проделана значительная работа. Термины по всем дисциплинам в объеме средней школы разработаны, даже по некоторым дисциплинам (например, общественно-полити-

ческие) в значительно более широком объеме. Но беда в том, что терминологические словари в результате бездействия терминологической комиссии при Киргизском комитете нового алфавита не опубликованы. Сейчас создана правительственная комиссия, которая приступила к работе по реализации терминов.

В области чисто словарной работы Киргизская республика далеко отстала от других республик. Не издано до сих пор ни русско-киргизского, ни киргизско-русского словаря, хотя первый киргизско-русский словарь был разработан пять лет тому назад К.К. Юдахиным, который был пионером в работе над киргизскими словарями и который первым из европейских работников морально поддержал новый алфавит в Киргизии.

Полный русско-киргизский словарь ныне разрабатывается под руководством ВЦКНА и должен быть окончен к началу 1938 года.

В области научной работы по киргизскому литературному языку Кирг. ССР имеет и свои научные центры. Создан несколько лет тому назад и сейчас работает Киргизский научно-исследовательский институт языка и письменности, который руководит также дунганским языковым строительством, и педагогический институт, который выковывает кадры также и по киргизскому языку. Эти институты, хотя и работают пока слабо из-за недостатка высококвалифицированных кадров, имеют бесспорные достижения.

Та ожесточенная классовая борьба вокруг нового алфавита, орфографии, о которой мы говорили выше, велась также вокруг других вопросов языкового строительства. Имени место весной 1933 г. в гор. Фрунзе выступления двух преподавателей киргизских вузов ясно показали, какими тонкими методами вели контрреволюционную подрывную работу киргизские буржуазные националисты и великодержавные русские шовинисты. И те и другие выступали, прикрываясь революционной фразой. Главным выразителем настроения буржуазных националистов после разгрома арабаевщины был бывший преподаватель комвуза Солиев, ныне осужденный за контрреволюционную работу. Он выдвинул «теорию» внедрения интернациональных терминов в массы путем полного распространения на них законов киргизского языка, т.е. предлагал орфографировать их до неузнаваемости. При этом он исходил из того, что будто законы современного киргизского языка – нечто вечное и неизменное. Эти буржуазные националисты предлагали вытеснить советские и интернациональные термины киргизскими терминами, основываясь на том, что якобы киргизский язык самый богатый в Советском Союзе и настолько гибок, что при помощи множества имеющихся в киргизском языке суффиксов можно создавать искусственно любое

понятие. В этом вопросе буржуазные националисты до 1933 года имели кое-какие успехи. В печати часто заменялись киргизскими словами термины, как «социализм», «коммунизм» и т.д. В вопросах терминологии небезгрешен и пишущий эти строки, который в своем труде «Социально-экономические термины» (в соавторстве с И. Тойчиновым) допустил подмену слов «совет» и «диктатура» внедренными буржуазными националистами киргизскими словами.

Бывший преподаватель вуза Идрисов, выразитель великодержавного шовинизма из коренных работников (яркий пример смычки националистов и шовинистов), выдвинул противоположную Солиеву «теорию» в области орфографии. По его мнению, в период строительства социализма происходит скрещивание национальностей и языков, а киргизский язык, как язык аглутинирующей системы, так или иначе будет терять свою потенцию в развитии, а потому теперь же надо отказаться от киргизского языка. Таким образом, по Идрисову выходило, что в этом «скрещивании» национальностей в СССР другие народности, в том числе и киргизы, возносятся в русскую нацию, а русский язык явится единственным для всех народностей Советского Союза. В связи с этим небезынтересно отметить еще один факт. Когда Научно-исследовательским институтом культурного строительства было собрано около 100000 киргизских слов и когда на этом факте было разбито великодержавное буржуазное учение о ничтожном количестве словарного запаса бывших «туземцев», то тот же Идрисов совместно с бывшим директором Киргизского института краеведения С.Ф. Преображенским, оказавшимся впоследствии контрреволюционером, на все лады стали утверждать, что весь этот выявленный словарный запас феодального происхождения, а потому слова эти не должны иметь место в литературном языке периода социалистического строительства. Классовая борьба вокруг вопросов строительства киргизского литературного языка была такой ожесточенной, что даже отдельные партийные руководители временами попадали под чужие влияния. Например, бывший секретарь Кирг. ОК ВКП(б) тов. Шахрай и бывший секретарь Фрунзенского Горкома ВКП(б) тов. Каракозов в своих практических работах часто игнорировали значение киргизского литературного языка как могучего орудия культурно-политического подъема.

Современный человеческий язык давным-давно перестал быть только обыкновенным средством общения между отдельными людьми, а превратился в самое сильнейшее орудие в руках отдельных классов для осуществления своего господства.

Национальные языки в Советском Союзе в своем дальнейшем развитии должны стремиться к максимальному отрицанию всего того,

что разобщает их друг от друга, к максимальному поощрению всего того, что приближает друг к другу эти языки...

Культурно влияющая роль русского языка для национальностей СССР выделяется исторической необходимостью: во-первых, потому, что русский рабочий класс был авангардом в деле свержения власти капитала в России, и он же, как более опытный рабочий класс, остается авангардом в дальнейших боях за окончательную победу социализма; во-вторых, потому, что только через русский язык, как язык более культурный, может быть создано на национальных языках то количество социально-экономических и научно-технических знаний, которые необходимы для окончательной победы социалистического общества. Только в свете такой постановки могут быть успешно разрешены вопросы грамматики, орфографии, терминологии и других разделов языкового строительства...

Касымалы БАЯЛИНОВ

Интернационализм великого поэта

А. С. Пушкин – великий русский национальный поэт, гениальный создатель новой русской литературы. Это с исключительной силой подчеркнул великий критик Белинский, заявив: «Пушкин был более национальный русский поэт, нежели кто-либо из его предшественников», «общий голос нарек его русским национальным поэтом».

Высокую оценку выдающейся роли Пушкина в русской литературе дал великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский.

«Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела», – писал о Пушкине Чернышевский.

Эту оценку творчества Пушкина разделял и... писатель А. М. Горький. Он писал, что «гигант – Пушкин величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России».

Полное любви и радости творчество Пушкина правдиво, смело и глубоко отобразило жизнь, оно пронизано пламенной любовью к родине, к родному народу...

Пушкинское творчество, чудесно отображая черты характера великого русского народа, было в то же время глубоко интернациональным. Великий поэт писал не только для русского народа, но и для всех национальностей, относясь с большим уважением к их культуре. В своих произведениях Пушкин с особой силой выразил отрицательное от-

ношение к угнетению народов, к колониаторской политике паризма. Великому русскому поэту были дороги грядущие всех национальностей, дорог каждый язык, каждая культура. Он был подлинным другом народов своей страны и всего мира, народов больших и малых. Известный автор листовки, выпущенной до революции в связи со столетней годовщиной со дня рождения поэта и конфискованной царским правительством, с особой силой подчеркнул эту сторону творчества поэта, заявив, что Пушкин, «написав сто строк, не написал ни одной, которая могла бы обидеть какое-либо племя».

Пушкин неизменно интересовался творчеством тех национальностей, с которыми его стлкнула судьба.

В Крыму, на Кавказе, в степях Заволжья – всюду, куда забрасывала Пушкина его тревожная судьба, он присматривался к местным обычаям края, размышлял о правах и обязанностях России по отношению к многочисленным, населяющим ее народам и отражал это в своих чудесных произведениях. Поэтому Пушкин не только великий русский народный поэт, но для своего времени и гениальный организатор духовной связи между русским народом и другими народами России. Ясно представляя значение этой стороны своей деятельности, Пушкин пророчески угадал, что его творчество будет служить как бы воротами для всех национальностей в великую культуру великого русского свободолюбивого народа. Эта мысль ясно выражена в чудесном предсмертном произведении «Намятник».

Образы нерусских народов царской России в пушкинском творчестве занимают не последнее место. Признавая полное право на жизнь и свободное развитие этих народов, великий поэт рисует их как активных борцов против самодержавия – душителя свободы этих народов.

В «Капитанской дочке» Пушкин описывает трагедию одного башкира. Царские палачи за участие в восстании против самодержавия вырезали у него нос, язык, ухо. Несмотря, однако, на эти страшные следы пыток, башкир остается твердым в своей ненависти к угнетателям, горя желанием отомстить поработителям своего народа. Любая ненависть к самодержавию только утроила его энергию: изуродованными руками он вешает капитана крепости Миронова, видя в нем представителя ненавистной царской власти.

В этом произведении симпатии Пушкина не были на стороне «бунтовщиков», однако поэт воссоздает правдивый образ Пугачева, как благородного мужественного человека, стоявшего во главе крестьянского движения. Впервые в русской художественной литературе вождь народного восстания был изображен без предвзятого мнения, не как ро-

мантический разбойник-дикарь и государственный преступник, а как гордый, свободлюбивый человек и крестьянский вождь.

Пугачев – яркая индивидуальность: человек жесткий, но великодушный, необычайно мужественный, с непреодолимым стремлением к свободе. Он лучше согласен умереть, чем жить в неволе.

Кровная связь с народом – вот в чем секрет силы Пугачева. «Весь черный народ был за Пугачева», – писал Пушкин. Его воззвание к ящичкам казакам, по словам поэта, «есть удивительный образец красноречия».

Другого вождя крестьянского восстания Степана Разина Пушкин назвал «самым поэтическим лицом русской истории». Великий поэт в течение нескольких лет подряд собирал народные песни и легенды о Степане Разине и подготовил к изданию целый сборник. Как известно, шеф жандармов Бенкендорф, выражая мнение царя, написал резолюцию о том, что эти песни «по содержанию своему не приняты к напечатанию». И лишь спустя почти сто лет, только в условиях советской власти, по-настоящему могло вернуться задуманное Пушкиным изучение народного фольклора о Степане Разине и Пугачеве.

Описывая борьбу кавказских народов против царизма, Пушкин дает яркую картину, рисующую удаль и отвагу свободлюбивых горцев:

Эй, казак! Не рвися к бою:
Делибаш на всём скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.
Мчаться, сплоскись в общем крике,
Посмотрите! Каковы?
Делибаш уже на шике,
А казак без головы.

В поэме «Цыганы» Алеко, враждебно относящийся к людям своего народа, бежит к цыганам, которые представляют ему олицетворением вольности, свободы. Идеал Алеко – вольность. Однако в основе этого идеала Алеко было стремление получить свободу только для себя, остальных он по-прежнему считает рабами. И гордые, хотя и некультурные люди, движимые подлинной любовью к свободе, говорят Алеко:

Оставь нас, гордый человек,
Мы динки, нет у нас законов.
Мы не терзасм, не казним.
Не нужно крови нам и стонов,
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли.
Ты для себя лишь хочешь воли.
Ужасен нам твой будет глас.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин очень высоко расценил художественную культуру грузинского народа. Цитируя сложные грузинскими мифические песни, поэт подчеркивал, что творчество этого талантливой народа, несомненно, развернулось бы еще ярче, если бы он был свободен.

Интернационализм поэзии Пушкина роднит его со всеми народами мира. Пушкин одинаково дорог, близок и любим всеми народами великой нашей Родины. Творчество поэта поэтому оказало и оказывает большое влияние на развитие многонациональной литературы нашей страны и в том числе на развитие киргизской литературы.

Киргизские писатели безгранично любят Пушкина, глубоко изучают его, любовно переводят произведения великого поэта на родной язык.

Как известно, киргизы до революции не имели своей письменности. Это не давало им возможности читать на своем родном языке творения писателей великого русского народа. Но, несмотря на это, некоторые представители нашего народа знали Пушкина через татарские переводы.

Вот что рассказывает об этом один из старейших киргизских учителей, крупный знаток эпоса «Манас» Ибрай Абдрахманов:

«В первые годы нашего века я учился в школе в городе Пржевальске. Я и мои товарищи, не имея изданий на своем родном языке, жадно читали татарские издания, в которых печатались переводы произведений классиков русской литературы и в том числе великого Пушкина. Тогда мы впервые познакомились с такими шедеврами Пушкина, как «Капитанская дочка», «Дубровский», с его социальной лирикой».

После окончания школы Ибрай Абдрахманов стал учителем в киргизской школе, где он знакомил своих шакиртов (учеников) с творчеством Пушкина. Часто по вечерам он рассказывал старикам-киргизам о жизни и трагической смерти великого русского поэта. «О, благодородный человек! Он стал жертвой царя и его слуг!» – говорили слушатели, выражая сочувствие русскому певцу свободы и дружбы между народами.

В районах, расположенных рядом с Казахстаном, киргизам были известны в устном распространении «Письмо Татьяны к Онегину» и «Ответ Онегина Татьяне» в переводе классика казахской поэзии Абая Кунанбаева.

Таким образом, произведения Пушкина были известны еще до Октябрьской революции через переводы на языки братских и родственных по языку нам народов. Стихотворения Пушкина будили сознание отсталого, угнетенного киргизского народа, рождали в нем стремления к сближению с великим братом – русским народом.

Киргизский народ, как и все народы нашей необъятной Родины, может с радостью и гордостью сказать, что он в условиях советского строя не только приобщился к великой русской культуре, но и с большим размахом осваивает ее, она стала для него родной культурой. Наш народ сегодня читает на своем родном языке все основные произведения величайшего поэта России Александра Сергеевича Пушкина, наши ученые-литературоведы в своих научно-исследовательских учредждениях изучают его жизнь и творчество, наши поэты считают себя учениками Пушкина.

Современные киргизские писатели росли и воспитывались под благотворным влиянием культуры русского народа, на произведениях классиков русской литературы и, в том числе, гениального Пушкина.

— Я учился писательскому мастерству и реализму у Пушкина, Чехова и Тургенева, а социалистическому реализму у Горького и Шолохова, которым я обязан своими скромными творческими успехами, — говорит лауреат Сталинской премии писатель Тугельбай Сыдыкбеков, выразив мнение всех киргизских писателей. Наши писатели учились у русских классиков и в первую очередь у Пушкина настоящему гуманизму, воспитанию глубокой человечности, радости и горестей человеческой души, раскрытию мира природы в сочетании с внутренним миром человека.

Глубокое изучение и проникновение в произведения Пушкина способствовали росту поэтического мастерства наших писателей, обогащению киргизской литературы новыми жанрами, новыми формами, высоко подняли художественную выразительность их произведений. Влияние творчества Пушкина можно проследить в творчестве большинства писателей Киргизии, начиная с Токтогула.

Великий киргизский поэт-демократ Токтогул 10 лет своей жизни провел в царской ссылке в Сибири, где сблизился с русскими революционерами — политическими ссыльными.

У нас, к сожалению, нет документальных данных, говорящих о том, что Токтогул был знаком с творчеством Пушкина. Однако социальная лирика Токтогула, созданная им после побега из ссылки, лирика направленная прогив угнетателей народа — баев, маналов, мулл и ишанов, продажных слуг царизма, по духу очень близка манере социальной лирики великого русского поэта. Это дает основание думать, что русские политкаторжане познакомили нашего великого акына с творениями великого поэта.

В первые годы своей литературной деятельности Тугельбай Сыдыкбеков написал поэму «Капкакбай» по сюжетам киргизских сказок. В этой поэме, написанной под влиянием сказок Пушкина, автор реалистически показал алчность, жадность, скупость и хитрость богача Кап-

какбая. В образе этого богача читатель ясно видит многие черты образов, навеянных пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке».

Ярко и образно выразил любовь киргизского народа к Пушкину в своем стихотворении «Друг» поэт Джоомарт Боконбаев.

Он с нами поет по-киргизски,
Стихи его учит татарин,
Узбек ему внемлет, как близкий,
И каждый ему благодарен.
О, Пушкин! В кипучей борьбе
Твой образ влечет нас к тебе.
Ты в песнях ашугов, акынов,
Джирши и шаиров народных,
Ты — гордость людей-исполинов,
Ты — гордость потомков свободных,
Дунганин, казах и таджик
Познали твой дивный язык.

В творчестве Боконбаева сказались влияние пушкинских приемов и средств художественного выражения. Стихи Боконбаева о четырех временах года, о красоте, о любви и дружбе были написаны под прямым влиянием великого поэта.

Пушкин, воспевая чистую любовь к женщине, её красоту, осуждал несправедливое, грубое отношение к женщине, осуждал социальные отношения, порождающие эту несправедливость и гнет.

У него мать, прощаясь со своим незаконнорожденным сыном, говорит:

Ты слышь! Позволь тебя, несчастный,
Прижать к груди в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью осуждает нас.

С этими мотивами Пушкина перекликаются такие стихи Джоомарта Боконбаева об угнетенной в прошлом женщине, как «Жибек Самай», «Камчи Тогъ», «Турмуш Челу» и другие.

Влияние лирики Пушкина сильно сказалось в творчестве народного поэта Киргизии Аалы Токомбаева. Философская лирика пушкинских стихов: «Воспоминание», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Анчар», «Телега жизни» — наложила отпечаток на такие произведения Аалы Токомбаева, как «Турмуш Арабасы» («Телега жизни») и ряд других стихотворений, манера пушкинского эпического письма видна в поэме Токомбаева «Мудрец Улумкан».

О своей учебе у Пушкина видный киргизский поэт Темиркул Уметалиев рассказывает:

— На школьной скамье, в стенах Джалал-Абдского педучилища, я познакомился с «Полтавой» Пушкина, и мне открылся огромный мир поэзии. Потом я жадно стал читать «Евгения Онегина», повести, драмы, стихотворения Пушкина и понял, что Пушкин — вершина поэзии. Я стал писать стихи, стараясь подражать Пушкину, его форме, стихи перекрестной и парной рифмой, которые в киргизской поэзии тогда еще отсутствовали. В этой форме написаны мои стихи: «Сталин — наш отец», «Богатыри», «Разговор с Черным морем».

С особой яркостью мир гениальной поэзии Пушкина открылся поэту Уметалиеву в работе над переводами произведений Пушкина на киргизский язык. Взволнованный силой обаяния Пушкина, Уметалиев написал стихотворение, посвященное великому поэту:

Ты звезда моей светлой прекрасной мечты,
Мой учитель и друг, и наставник мой — ты.

Большим событием в киргизской литературе явился новый перевод «Евгения Онегина», выполненный Алыкулом Осмоновым. Эта работа, явняясь результатом учебы у Пушкина, оказала большое влияние на творчество А. Осмонова. В стихах Осмонова, посвященных современному киргизскому колхозу, чувствуется стремление сохранить пушкинскую музыкальность стиха, яркость образов, точность и краткость в выражениях чувств.

Творчество Пушкина оказало благотворное влияние на представителей устной поэзии Киргизии — акынов. Они улавливают в переводах пушкинских стихов родственные им мотивы, находят в них чудесный источник для вдохновения при создании песен, посвященных прославлению героической жизни и труда народа.

Народный акын Алымкул Усенбаев в песне «Великий Пушкин» говорит:

Ты радостью вечной служишь для нас,
Чудесными песнями радуя нас.
Взяв в руки комуз и волненьем объят,
О, Пушкин, я песнею славно тебя.
И вместе со мною, во славу твою
Акыны Киргизии песню поют.

Подготовка к проведению 150-летия со дня рождения Пушкина вызвала необычайный всенародный интерес к творчеству великого поэта.

Миллионными тиражами выходят новые издания пушкинских произведений на языках народов СССР. Подготовка к юбилею и юбилей Пушкина прошли с большим подъемом в странах народной демократии и среди демократической общественности капиталистического мира.

Пушкин дорог и близок народам Советского Союза. Произведения великого поэта за годы Советской власти изданы в СССР на 76 языках — 25 принадлежит народам, не имевшим до революции своей письменности, и в том числе киргизскому народу. В связи с юбилеем писатели Киргизии создают новые переводы произведений Пушкина и новые стихи, посвященные памяти великого поэта.

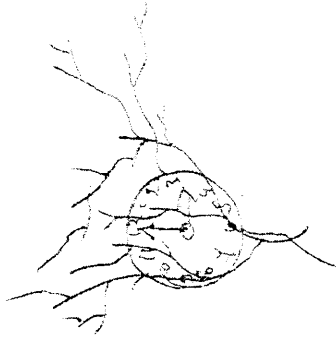
Погили все наши ведущие писатели и поэты: Токомбаев, Уметалиев, Сыдыкбеков, Маликов, Абдумомунов, Абдукаимов, Шимеев и другие — заняты переводами произведений Пушкина. Они поставили перед собой задачу сохранить в своих переводах стиль, особенности оригинала, богатые поэтические чувства и идеи великого поэта, донести их до сознания киргизского читателя во всей их чистоте.

Первые переводы стихов Пушкина начали появляться в нашей периодической печати в тридцатых годах. Эта почетная работа выполнялась Токомбаевым, Бокомбаевым, Маликовым и другими поэтами. В 1937 году — к столетию со дня гибели Пушкина — вышли «Евгений Онегин» и «Кавказский пленник» в переводе Баялинова, «Цыгань» — в переводе Маликова и ряд сказок поэта. К 150-летию со дня рождения великого поэта заново переведены на киргизский язык и вошли в однотомник такие произведения, как «Капитанская дочка», «Дубровский», «Повести Белкина», а также «Евгений Онегин» и «Кавказский пленник». Закончен перевод более 70 стихотворений, а также драматических произведений — «Каменный гость», «Скупой рыцарь» и др. В однотомник вошли также все сказки поэта.

Киргизский читатель получит полную возможность ознакомиться с творчеством А. С. Пушкина во всех жанрах.

Творчество бессмертного поэта входит, таким образом, в золотой фонд киргизской литературы.

Юбилей Пушкина является праздником для всего киргизского народа. Творчество Пушкина — учителя киргизских поэтов — проникает в

самые отдаленные уголки республики, становится еще более близким и родным киргизскому народу.

Молодая киргизская советская культура, и особенно литература, обогащенная гениальным творческим наследием Пушкина, будут еще быстрее двигаться вперед и расти...

Аалы ТОКОМБАЕВ

Диалог о нестареющей молодости

... Человек страдает не от того, что происходит, а от того, как он оценивает то, что происходит.

Монтень

Владимир Коркин – Известно, Аалы Токомбаевич, что поиск по этому своей теме – одна из главнейших проблем творчества в целом, дело, на которое даже весьма одаренным в литературном творчестве людям порой не хватает жизни. Как Вы обрели свою тему?

Аалы Токомбаев – Тема – это судьба. А судьба – это голос, которым поёшь. Каждая певчая птица имеет свой голос и свою песню. Только скворец способен на все: петь и под соловья, и под кенара, и под пишущую машинку... Конечно, аналогия эта несколько натянута, применима к человеку в полной мере, ибо он сам выбирает свою песню, а через песню – судьбу. Вот в этом именно, может быть, и заключена сложная прелесть творчества.

Что же касается поэтов моего поколения и меня лично, мы не выжирали, не мучились, не томилась в поисках темы. Её нам диктовало время – время революции, духовного возрождения народа, ранее обречённого на вымирание, физическое и культурное истребление. Мы дышали воздухом свободы, пили его, как кумыс высокогорных джайлоо. Мы были счастливы. Счастливы впервые за сотни лет. И всё это рождало ощущение не только причастности великой эпохе, но и чёткое осознание, что мы являемся строителями нового мира. А это, в свою очередь, наполняло нас чувством ответственности, жадной борьбы и труда.

Что касается поэтического выражения этой темы, то она требовала поиска новых форм, языка, образительной пластики, потому что, оказавшись, её нельзя было поднять с помощью средств только акынской поэзии:

её традиционная поэтика словно бы распалась под высоким напряжением эпохи. Отглядываясь назад, сегодня видишь, что нечто подобное происходит и с поэтикой 20–30-х годов, которая в совокупности своей превращается в своеобразный «эпос», который служит материалом для сегодняшних поэтов. Грустно ли мне от этого? Не знаю. Но знаю, что в своё время эти стихи «отработали» честно. А лучшие из них стали фундаментом современной киргизской поэзии.

В.К. – Тема, однажды обретенная поэтом, не есть, надо думать, нечто застывшее, если она – судьба. Стало быть, она направляла Вашу жизнь, вела не только через радость, но и сомнения, и трагедию. И всё-таки каждый настоящий поэт остаётся верен ей: отказываясь, даже помылить отказываясь, – значит, думаю, обречь себя на безысходную тоску, творческое бесплодие. Как преображается эта тема в Вашем сегодняшнем творчестве, как влияет на его характер?

А.Т. – Последнее дело таить обиду на судьбу. Что бы ни было в моей жизни, я считаю себя счастливым человеком, который на взлёте своей жизни, в пору юности, обязан был стать взрослым, нести на своих плечах груз понимания смысла происходящих на наших глазах событий, чтобы иметь моральное право говорить о небывалом времени, жизни, человеке. Да, конечно, и тогда хватало мальчишеского максимализма, резкости в решениях. Но, смею думать, что наш характер сформировался под высоким давлением... как алмаз.

А порой странно и удивительно, что в некоторых своих произведениях тех лет я кажусь себе куда взрослее, чем даже сейчас. Что это – парадокс времени?

В.Т. – В самом деле, удивительно: по общему впечатлению, Вы, Аалы Токомбаевич, как бы обрели новое дыхание в поэзии: оказалось – Вы тонкий и оригинальный лирик. Почему я называю это удивительным? Во многих исследованиях Вашего творчества, даже в последних, эта сторона Вашей поэзии не замечается. Вероятно, действует сила инерции, когда Вы воспринимались только как поэт-публицист. Между тем, как мне известно, многие Ваши лирические стихи покоятся как народные песни. Песни о любви. В чём тут, на Ваш взгляд, причина?

А.Т. – В молодости я стеснялся своей лирики. Это казалось не только мне, а всему моему поколению киргизских поэтов как бы и неуместным, даже вредным, уводящим в сторону от магистральной классовой борьбы. Нам казалось, что писать подобные стихи не менее стыдно, чем, например, носить галстук. Теперь мы можем улыбаться своим ошибкам, но молодость всё-таки и тогда брала своё: втайне мы изливали переполнявшие нас чувства на бумагу. И не моя вина, а большая беда, что огромное количество рукописей пропало. И счастье, что некоторыми моими

песнями молодые люди и сейчас объясняются в любви. Наверное, поэт не уйдёт до тех пор, пока он не всё скажет. И, наверное, я не случайно пишу сейчас о любви, потому что переживаю в своих снах и фантазиях те чувства, которые мы не успели пережить: нам было некогда – строительство, война, непрекращающаяся борьба... Кажется, я объясняюсь в любви своему ушедшему времени, тем, кто не услышал самых необходимых слов.

В.К. – Не значит ли это, что Вы откладывали, так сказать, все эти чувства на потом, когда будет время и досуг? И всё-таки... риск был очень велик: можно не успеть, можно забыть.

А.Т. – Я не думал, что снова смогу стать молодым; оказывается, молодость иногда, как перелётная птица, возвращается в своё старое гнездо. И тогда мы боимся её спугнуть и очень нежно относимся к ней.

В.К. – Вероятно, это чувство продиктовало Вам такие стихи:

*Не зови меня, старость, не надо,
Не спуреножь моего скакуна,
Это отблеск цветущего сада
На висках у меня седина...*

– Значит, сад всё-таки цветёт?

А.Т. – И в нём ещё, к счастью, живут птицы...

В.К. – Чем Вы платите за такое поразительное ощущение возвращающихся молодых сил?

А.Т. – Все мы по-своему Фаусты. Но если он волей волшебного таланта Гёте мог вернуть себе молодость и пережить её со всей полнотой и страстью, то мы сжигаем сейчас свои мудрые годы на костре своей юности...

В.К. – А Вас, Аалы Токомбаевич, не пугает, что этот «костёр» Ваша жизнь? И чем ярче пламя...

А.Т. – ...тем я счастливей! Да, именно так. Не страшно пылать, потому что в этот момент ощущаешь вкус жизни, её остроту, её вечную молодость, любовь. Страшно другое: а вдруг бы не огонь, а чад, пытайся я заговорить языком поэзии?

Ну, а вообще я иногда позволяю себе думать, что моё сердце могло бы меня лег на тридцать.

В.К. – Не думаете ли Вы, что «возраст поэта» – это особое неповторимое мироощущение, которое он сам г о т о в и т, надеясь жить долго?

А.Т. – Наверное, так; но мне кажется, коль скоро речь зашла о мироощущении, эта проблема имеет отношение не только к поэтам, а к людям вообще, ибо что иное – мироощущение, как не духовно-нравственное содержание личности человека, суть его восприятия жизни, времени и пространства? Сегодняшний человек, я уверен, иначе воспринимает всё это.

чем даже его недавние предки. Разве это не естественно, если учесть, что человек – модель Вселенной, что в нём, стало быть, не просто отражаются, но и совершаются те поразительные процессы, о которых мы вчера не подозревали?! Революции – социальные, научно-технические, культурные – они ведь происходят вне человеческой души, а именно в ней. Возможно, биологи знают, что ритм эпохи и кровообращение взаимосвязаны, что организм реагирует на небывалые явления в духовной сфере общества, каким-то образом перестраивается, чтобы выдержат напряжение, напор жизни, её впечатлений, её новейших и будущих открытий.

В.К. – Если попытаться подключиться к Вашей мысли, мне кажется, что современный человек должен быть поэтом больше, нежели вчера. Почему я так считаю? Поэт – тот, думается, кто способен не просто принять к сведению н о в ы е явления действительности, но перевести их в особую форму духовного бытия. «приручить» их, так сказать, то есть одушевить, одухотворить; иначе они навсегда останутся чем-то чужеродным его сознанию и... даже могут предстать в будущем опасность.

А.Т. – Вот-вот... Не этим ли объясняется, что мы сегодня столь напряжённо ищем с о ё место в мире, ищем себя? А искать себя – это, в первую очередь, не бояться выйти в неизведанное, вызвать, может быть, огонь на себя и, кроме того, быть готовым к встрече с чем-то, что никак не укладывается в прежние наши представления.

В.К. – В чём опасность таких встреч, что мы, люди, должны всё-таки предвидеть заранее?

А.Т. – В том, по-моему, чтобы не испугаться: от страха можно незначительной натворить много глупостей, за которые придется расплачиваться нашим потомкам.

В.К. – Что Вы, Аалы Токомбаевич, имеете в виду – может быть, то, что тревожит некоторых фантастов, программирующих в е т р е ч у с инопланетными мыслящими существами, которые могут предстать перед нами в необычном облике и формах?

А.Т. – Нет, встречу с самими собой. Порой мне кажется, что всё пережитое было вовсе и не со мной, а с каким-то другим человеком! Неужели я был юным?..

В.К. – Не этот ли вопрос – причина Вашей сегодняшней поэзии?

А.Т. – И ещё другой: где она, куда уходит, как продолжается во мне моя молодость? Я хочу, услышав её эхо, пойти за ней, вернуть заново то потрясающее ощущение новизны мира, которое владело мной когда-то.

В.К. – То есть, я понимаю, вернуться в юность, в прошлое Вам необходимо, чтобы осмыслить и утвердить себя, сегодняшнего, не как песчинку, затерянную – в пространстве, но как мыслящую личность, слитую

с историей, со всем человечеством в его многотрудном и прекрасном пути к звездам, к будущему?

А.Т. — Я убеждён, что самая большая драма или даже трагедия, которую переживает отдельный человек, да и всё человечество в целом, — одиночество, **о т ч у ж д ё н и о с т ь** от всеобъемлющей, всепроникающей сущности бытия. Смысл человеческого существования — он, смею думать, в стремлении к единству, к объединению в общем порыве познания братьев по разуму.

В.К. — В чём это, по-вашему, выражается конкретно?

А.Т. — В историческом мироощущении современного человека, который хочет знать свою духовную биографию. И тем самым расширить своё нравственно-поэтическое пространство личности, пережить таким образом, я бы сказал, миг бессмертия. Чем иначе объяснить наш интерес к прошлому, к истокам, к затерянным в глубине времён мифам, легендам, преданиям? Вероятно, мы, люди XX столетия, создаём (пусть чаще инстинктивно) себя продолжателями великой человеческой традиции, эволюции, благодаря которой и в процессе которой развивалась духовная культура.

В.К. — Я бы добавил к сказанному Вами относительно исторического мироощущения и чувство оптимизма, без чего человек едва ли будет способен на такой образ жизни, мышления и чувств, благодаря которому он решится смело взять на себя ответственность за будущее.

А.Т. — Вы правы. Испытание будущим — одна из главнейших нравственно-философских проблем нашего времени...

В.К. — Как она отражается или, вернее, должна бы отражаться в современной поэзии?

А.Т. — Если не ошибаюсь, Горький выразился в том смысле, что поэт — эхо мира, а не нянька собственной души.

Советская поэзия, и прежде всего в лице Маяковского, с огромной энергией и страстью выразила подлинно революционное возрождение Человека, одухотворенного великими идеями социальной справедливости и гуманизма. Образ нового человека, человека-творца, человека-художника, созданный советской многонациональной литературой, и поэзией в том числе, тем более впечатляющ, что в нём нашли конкретное воплощение черты подлинного героя, героя народного эпоса. Самое поразительное здесь, на мой взгляд, в том, что советские поэты открыли в простом, обыкновенном, как принято говорить, человеке такой необыкновенный мир чувств и мыслей, который прежде являлся привилегией идеального, что ли, героя.

В.К. — Чем Вы объясняете это?

А.Т. — Тем, конечно, что та к и е люди стали живой реальностью, обнаружившись в самой жизни, как бы стряхнувшей с себя пелену уныния и безысходности.

Чтобы, например, возвести Магнитку, воздвигнуть Днепрогэс, нужно было прежде, чтобы в человеческой душе родились небывалые чувства, человек должен был пробудиться к подвигу, к творчеству. А творчество — это результат революции духа. Создавать новое могут только очень счастливые люди...

В.К. — ...и влюблённые.

А.Т. — Да, именно так. Потому что человек, истинно влюблённый в жизнь, в мечту, в труд, бессмертен: он забывает себя ради всеобщей жизни, прошлое и будущее пересекаются в его сердце, способном в эту минуту вместить весь мир, всё бытие.

В.К. — Не противоречит ли такой Ваш взгляд форме поэзии, которую Вы обрели, — лирике?

А.Т. — Ничуть. Напротив, мне кажется, что именно лирика сегодня, как никогда, олицетворяет главное направление движения поэзии. И потому, прежде всего, что мы, люди, стремясь к объединению, постигли одну величайшую истину: ценность и неповторимость человека как личности.

Победить эгоизм, тоску, отчаяние — это значит, по-моему, опущаясь всеми силами души неизбежную погрешность пережить, испытать драму человечества, устремлённого к торжеству высших идеалов. И ради этого, если хотите, вступить в поединок со смертью.

В.К. — Эту, по-моему, мысль Вы выразили в поэме «Старый беркут» — о могучей птице, поднявшейся в свой последний полет:

Но радость владения миром

Печали развела в пыль...

И дальше:

Глаза мои старые зорки.

Но нет тебя, смерть, в небесах.

Не ты ли трусливым мышиным

Мельнула в далёких кустах?

Прими же обличье птицы —

Начало сраженью пою!

Неужто же смерть побойтся

Поглохнуть в свободном бою?!..

А.Т. — Кроме того, я думаю, что смысл поэзии ещё и в том, чтобы утвердить для будущего такой уровень и накал чувств, который поможет завтрашним людям легче преодолеть любые препятствия на их пути.

В.К. — Как Вы представляете свою Музу? У Джамбула, например, Муза мужского рода — тигр. Когда тигр ушёл и не вернулся...

А.Т. — ...поэт умер. Да, это паразитично. Что ж, если моя птица не вернётся...

В.К. — Кажется, мы увлеклись грустной темой.

А.Т. — Почему грустной? Смотреть правде в глаза — это и есть счастье. В счастье — радость, за которую я благодарен судьбе. В конце концов, становишься философом, перестаешь бояться... жизни, подарившей тебе самый прекрасный дар природы — способность видеть душу вещей и явлений, свою дорогу, ощутить себя птицей или рекой...

Чего же мне грустить? Жизнь продолжается. Жизнь вечна...

Беседа с Владимиром КОРКИН

Всё держится на правде...

Размышления о времени и о себе

А. Токомбаев — Трудно представить себе трагизм, вывавший на доло моего народа. В 1916 году киргизы восстали против произвола самодержавия. Восстание было потоплено в крови. Тысячи киргизских семей ушли в горы, за китайскую границу. Среди беженцев оказалась и наша семья. Голод был страшный. Отец и шестеро братьев умерли вдали от родины. Мы с матерью решили возвращаться домой, но по дороге она скончалась. Я остался один среди гор, и лишь инстинкт самосохранения помог мне вернуться в родное Кеминское ущелье.

Однажды в аил к нам приехал гость. Он рассказал, что есть такой великий человек Ленин, который помогает бедным, и что скоро у нас все люди будут равными. Я поверил в это. От приезжего узнал также, что в Ташкенте специально для сирот открыта школа, где можно научиться читать и писать. Напросился в погонщики скота и через два с половиной месяца прибыл в светливый и спокойный, но такой милый сердцу город.

Сначала закончил курсы ликбеза при партшколе, а затем был зачислен в Среднеазиатский коммунистический университет имени В.И. Ленина. Университет состоял из трех групп — русской, интернациональной и туземной. Я понал в туземную. Так как никакого больше, кроме родного, языка не знал.

С. Романюк — Аала Токомбаевич, как получилось, что именно ваше стихотворение явилось первым опубликованным произведением на киргизском языке?

А.Т. — Обучаясь в университете, я начал писать стихи. Печатали их в стенной газете, которая называлась «Интернационал», а также в вузовском журнале «Первый шаг». Стихотворение «День рождения Октября» я отправил в газету, выходящую в Алма-Ате на казахском языке. Просто казахский и киргизский очень сходные, и я надеялся, что там меня хотя бы прочтут. Уже потом я узнал, что как раз в это время принято решение открыть первую в истории киргизов газету. Создавали её на базе казахской, и все материалы были переданы новому изданию. Среди них оказались и моё стихотворение...

С.Р. — Вам пришлось пережить годы и события, когда выдвигались и возмвигались в абсолют ложные истины и под давлением их ломались судьбы целых поколений. Я имею в виду тридцать сельской, три года тюрьмы, в том числе пять месяцев в камере-одиночке, и год пятьдесят второй, когда не по своей воле пришлось надолго уехать из республики. Что испытываете вы, вспоминая это время?

А.Т. — Не буду кривить душой — было горько. И вспоминать не сладко. Но я всегда верил в силу и справедливость ленинских идей. Правда не всегда держит верх, но мир всё-таки держится на правде, и во все времена были люди, готовые и способные её защитить. В тридцать сельском от меня требовали одного: назвать врагами народа десяток-другой товарищей. Я не назвал. В пятьдесят вторым требовали другого: молчать, когда кругом безобразия. Я рассказал о них с трибуны партийного съезда.

Не заблуждайтесь и не думайте, что сегодня время проще. Нет. В республике происходят процессы по накалу борьбы не менее драматичные. Перестройка, я так понимаю, — это утверждение ленинских принципов в нашей жизни, которые в последние годы были изрядно попорчены.

С.Р. — Аала Токомбаевич, раз уж речь о драматизме сегодняшнего дня. То не обойти стороной состояние интернационального воспитания в республике.

А.Т. — Не обойти... События на алма-атинской площади так ярко осветили наши проблемы. Я все думаю: да, семьдесят лет — это эпоха. За это время моя республика перенагнула целую социально-экономическую формацию, преодолела путь из феодализма в социализм. Такой гигантский шаг немалым был без помощи и поддержки русского народа.

В то же время в крае происходили иные, менее заметные процессы. Возникают идеи национальной исключительности, обособленности. Это сильно тревожит. И как ни печально, речь идёт не о единичных фактах.

Я мог бы привести немало примеров — они известны в республике, — когда на лекциях в университетах в открытую призывали к национальной розни. Понеслась русская нация, представители других национальностей. Когда в институте физкультуры педагог предлагал «всем русским

уехать на Урал и там диктовать свои условия», когда в Омском педагогическом роль глашатая национализма взял на себя член парткома вуза. Проще всего ограничиться конкретными примерами и посмотреть за ними явление. Я не согласен с теми, кто предпочитает молчать. Ядовитые семена не так легко вытравить из сознания молодых людей. Здесь требуется постоянная и многолетняя работа, основанная не на словах, а на конкретных поступках.

С.Р. — Кстати, какого мнения вы о дискуссии, которая ведется сейчас на страницах республиканских газет и журналов?

А.Т. — Почему-то страсти разгорелись в основном вокруг языковой проблемы. Она существует. Думаю, будет правильно, если курс на двуязычие станет реальным делом. Это ведь действительно ненормально, что часть юношей и девушек киргизской национальности плохо владеет или вовсе не знает родного языка. Нужно всячески помогать представителям других национальностей, ощутившим необходимость изучать киргизский.

Но всё же кое-какие акценты я бы расставил иначе, чем это делают некоторые представители национальной интеллигенции.

Киргизский язык — и, думаю, не только киргизский — переживает непростое время. Он засорён. Но никак нельзя согласиться с тем, что повинно в этом широкое распространение русского — такое мнение у нас тоже будет. Ещё ни один язык в мире не пострадал от взаимовлияния и взаимообогащения. Думаю, подобная точка зрения вряд ли имеет что-либо общее с идеей интернационализма. И тем не менее...

Муссируется, скажем, мысль о расширении сети детских садов с воспитанием исключительно на киргизском языке. Цель вроде бы благородная — привитие навыков родной речи с самого юного возраста. Представим себе, что мы будем последовательны в этой логике. Тогда нужно открыть такие же учреждения для узбекских, дунганских, уйгурских, немецких ребятнишек. А не станет ли это началом отчуждения малышей по цвету и разрезу глаз именно в то время, когда человек особенно восприимчив к идеям интернационализма?

С таким же уклоном обсуждается и вопрос о национальных школах. Он поставлен однозначно: нужно количество таких школ увеличивать. Согласен, нужно. Во Фрунзе только одна школа, где обучение ведётся на киргизском языке, занятия идут в три смены. Но сколько нам сегодня нужно киргизских школ? Три? Десять? Никто не знает. А ведь узнать очень просто. В августе учителя школ проводят обход семей с целью выяснить, какой будет набор первокурсников. Разве трудно заодно спросить родителя? Но сделать это никому не приходит в голову... Во время последней переписки треть киргизов назвали русский язык вторым родным.

Не учитывать этих объективных обстоятельств — значит, заниматься передергиванием фактов, искусственно обострять ситуацию.

С.Р. — Вопрос, подказанный читательской почтой. Речь идёт о проблеме русского языка в армии. Плохое владение им затрудняет овладение сложнейшей современной техникой...

А.Т. — Русский язык — средство межнационального общения, тут спорить не приходится. Тем обиднее, что вновь и вновь к этой государственной проблеме мы вынуждены обращаться. Вот и в прошлом году около трёхсот ребят местной национальности не смогли стать из-за плохого знания русского курсантами военной училищ. Языковой барьер становится непреодолимой преградой для талантливых ребят, которые могли бы учиться в ведущих вузах страны.

С.Р. — Итак, расставим акценты в проблеме двуязычия.

А.Т. — Я люблю свой народ, всю жизнь стремился быть достойным его сыном. У меня много друзей, и по национальным признакам я их не делю. Многие из них изучили киргизский без каких-либо постановлений и настоятельных рекомендаций. По житейской необходимости. Я — за такое двуязычие.

Но нельзя же, ратуя за равноправие языков и жонглируя на этот счёт всевозможными цитатами, утверждать: если ты уважаешь мой народ — говори на его языке. Я не знаю украинского языка, но я люблю этот народ, его историю и культуру. Именно поэтому одного из своих сыновей назвал Парасом — в честь поэта.

Мы живём в многонациональном крае, где киргизы не составляют абсолютного большинства. Их даже меньше половинны от общего количества населения республики. Выдвигая теорию двуязычия, говорить лишь о киргизском и русском языках, напроць забывая об остальных нациях, не уважительно по отношению к ним. В республике проживают свыше ста тысяч немцев. Многими тысячами исчисляется дунганское, уйгурское, корейское население. Как быть?

Убеждён, двуязычие должно быть делом сугубо добровольным, в то время как знание русского, государственного языка в масштабе всей страны уже по этой причине обязательно для всех. И в этом тезисе не следует искать какого-то национального ущемления.

С.Р. — В заключение хочется спросить: какой главный урок вы вынесли из прожитых лет.

А.Т. — Когда наше время проходит, народ вспоминает нас по трудам нашим... Хочется, чтобы осталась память добрая о себе.

Беседа вел С. РОМАНЮК

Тугельбай Сыдыкбеков

Все мы — ученики истории

Помню, как однажды (тогда мне едва исполнилось четыре года) что-то резкое оборвало мой сладкий сон, заставило открыть глаза... Ночь. Шум, крики. Казалось, что вся долина наполнена ими. Мычали коровы, надрывно ржал жеребенок. Тоскливо завывали собаки. Где-то рядом — рыдание женщины, бесильно жалующейся богу, предкам своим, и слабый детский плач. Но самое странное было слышать печальные, тихие голоса невесть куда спешащих мужчин. Вот этот последний факт мое сознание никак не могло вместить в себя...

Вскоре кочевье тронулось с места, заколыхалось — груженное выюками. А мне почудилось, будто подо мной земля поплыла... Я уже в седле, в луке седла у эне — матери. Она крепко обняла меня... Но что же вокруг происходит? Зачем? Почему все это? Нет, не понимал я тогда. Только был удивлен. Испуган. Так и замер в объятиях у мамы — мой взгляд устремился в небо. Оно было усеяно огромными мерцающими звездами. Они висели так низко, что, казалось, стоит только протянуть руку — и сможешь дотронуться до них. Я, глядя на звезды, незаметно снова заснул безмятежным детским сном...

Проснулся я, когда солнце уже осветило своими лучами гребни гор. Наше кочевье двинулось по высокой седловине хребта. Впереди — котловина, похожая на выдолбленное деревянное корыто, буквально кишевшая выючным скотом, людьми и... белоснежными цветами: то были элечки — белые тюбаны, которые носили женщины на голове...

Не выходя из памяти у меня слова дяди Туменбая, сказанные им много лет спустя после тех событий:

— В год уркуна котловина Табылгыты была прямо забита элечками. Э-хей, не прошло и года, а многих из них унес голод...

Да, в то время мне было четыре года. Отчего мне пришло на ум это тяжелое воспоминание? Наверное, оттого, что я на своем личном опыте убедился в истинности слов: страшное народное бедствие может в одночасье заставить повзрослеть и ребенка, не познавшего к тому времени опасностей плавания по волнам жизненных невзгод...

Я, будучи еще мальчиком, почувствовал, что несправедливая власть, побоища, резня приносят одни несчастья, особенно кочевому народу. В моем детском сознании в те страшные годы свило гнездо убеждения: великодушные, мудрость, сострадание, единение дают народу добрые плоды, и наоборот — несправедливость, притеснение и угнетение со-

стороны захватчиков унижают его. Уже тогда вошли в меня такие понятия, как Народ, Земля, Судьба...

Обо всем этом вели речь между собой в неторопливой беседе голубые, кое-как одетые и часто вовсе не обутые взрослые, и мне сказанный мир тысячелетнего кочевничества, несмотря на его нелегкий, мучительный образ жизни, казался могучим и необычайно интересным.

Да, мои глаза тому свидетели — как мальчишка мужал в седле, а девочка не только хлопотала по хозяйству, вышивала, становилась матерью, но и наравне с мужчинами, оседлав коня, выходила на ратное поле. «О-о, и она, как и мы, оставив родное пепелище, стала кочевым воином», — понимал я своим неокрепшим умом...

Когда голубые сородичи начинали разговор о земле предков, отчизне, судьбе, счастье, — мне почему-то чудилось, что впереди нас ждет какая-то удивительная благодать, которая осчастливит народ. «А-а, значит, человек достигает благополучия, пройдя, как и мы, голод и нищету, — думал я. — Пусть в кровь разобью свои ступни — лишь бы дойти быстрее!», — стараясь не отстать от взрослых, семенял я за ними.

Кто пешком, кто верхом — вернулись мы на родину летом 1918 года...

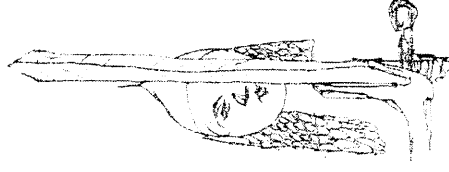
Но на нашей земле уже не было юрт, стоявших здесь испокон веков. Люди ютились в шалахах. Хлеб насыщенный — жмых да молоко, разбавленное водой. Опухшие от голода дети — даже глаз у них не видать. Взрослые с трудом добывали хоть какое-то пропитание...

Но вот в горах пронеслась весть: белого царя свергли. Новая власть пришла. Мудрец Ульянов-Ленин из бедняков. Он призвал объединиться всех, кто вчера еще был угнетен, он и людям Жети-Суу, восставшим против белого царя, указал путь к свободе!..

— Народ Жети-Суу получил свободу! — Каждый раз, когда слышал эти слова, я все яснее осознавал такие понятия, как народ, земля...

Шел слух, что обрели свободу не только киргизы, но и все жители Жети-Суу: узбеки, казахи, уйгуры, татары, каракалпаки, русские (пришлилые крестьяне и рабочие). А я рос и креп в своем понимании: «Значит, свобода приходит тогда, когда объединяются люди...»

Народ — высок народом. «Могуч человек, вышедший из народа», — говорил когда-то Сагай-аке. А теперь объединение народов — означает, видимо, что каждый наравне с другим могуч.

племени киргизов. Народ стал разбредаться. В последующем в течение семи веков тяжко жилось киргизам.

Продолжались столкновения между разбитыми племенами. Разыгрался аппетит у захватчиков, сражения переместились на земли Евразии – там разгорелась пламя войны. Тот факт, что воинствующие ханы кочевников извечно приносили горе беспощадным уничтожением не только своему народу, но и всему человечеству, не стал уроком; и то, что тот общественный строй не изменился до начала нашего века, – ставляет человека задуматься.

Еще вчера, во время объединения мелких разрозненных хозяйств в колхозы, можно было слышать, как спрашивали по дедовским обычаям друг друга путники, встретившиеся на дороге:

– Здравствуйте. Из какого народа будете? Кто у вас знаменитая личность? Кто вы сами?

– Здравствуйте. Мы с озера, народ у нас бугу. Знаменитая личность у нас тот-то. А сами вы?

– Э, мы чуйские солто. Возвращаемся из Нарына. Были в гостях у родственников жены...

Так издавна велось: многие племена называли себя «народом». Хотя составляли они все один народ – киргизский. – это впиталось в кровь и пот, а в последние десять-пятнадцать лет снова вспомнили об этом делении.

Несмотря на то, что, начиная с тридцатых годов, слово «род» не производилось совсем, в семидесятих годах создались благоприятные условия, и опять проснулся у нас «уруучулук» – деление на рода, как будто прорвался нарыв, который дождался своего часа. Он завладел людьми с узким кругозором, не имеющими за душой ничего, кроме ненависти – эгоистов, ура-патриотов, – погрузив их разум и понятия на уровень девятнадцатого века.

Уточнение родственных связей для погрязших в болоте «уруучулук», по правде сказать, и сегодня – как черная пропасть. Люманут головы над этим комиссия за комиссией. Тяжелым бременем легли на плечи самого «уруучула» такие понятия, как объяснение и понимание.

Если взглянуть на историю, то в средние века, когда укрепились союзы между племенами, то каждый из родов, принадлежавший, как ветви дерева, одному корню, считал себя «народом». Но в те времена спланивался великий союз меж племенами, и на долгие века здесь властвовали в порядке вещей – захватничество, грабежи, набеги, поражения.

До наших дней дошло, как славили война, который всю свою жизнь провел в селле.

– Октябрьская революция всем нам принесла свободу. Проснись, народ, ото сна! – Этот призыв разбудил и мое сознание...

Спешат друг за другом наперегонки годы, с возрастом растет мой интерес к своему народу, его истории, его пути из древности к настоящему, к тому светочу, что, возможно, ожидает впереди – все богатство опыта, накопленное прошедшими поколениями, зовет нас, как крылья птицы, вперед, к счастью, к познаниям, к открытию сокровенных тайн. Кстати, человека обогащает не только опыт добрых поступков, но даже ошибки, осознанные им, делают его мудрее. Ибо сложности исторических перипетий, трудности общественного развития, девятый вал жизни не только отражаются на судьбах отдельных людей, но и все живое становится забавой в руках у капризного случая...

Попробуем окинуть взором нашу многовековую жизнь.

Кочевник – это всегда был воин. Походы. Нашествия врагов. Погоня. Грабежи и насилия. Защита своего народа, своей земли от иноземных захватчиков. Обстоятельства того времени требовали усиления воли кочевников. Народ то бурлил, как горный поток, то замолкал, словно высохший ручей. Но все же он оставил после себя величественные дастаны, эпосы, легенды и мифы, которые оказались неподвластны ни огню, ни бурану, ни врагам.

Письмо, вырубленное на камне, поросло лишайником. Но дастан, выученный наизусть, свидетельствовал о неиссякаемой жизни народа. Он обогащал духовный мир людей, будил в них чувство собственного достоинства. Он учил быть сдержанным, терпеливым, мужественным, мудрым, широким, благородным и отзывчивым. И вообще – прославлял единение всего живого.

Наверное, оттого, что издревле горные пространства являлись местом обитания киргизов, они и характером своим были схожи с горами – такие же заточенные, сдержанные и мужественные. Киргиз, говорят, терпел, не шелохнувшись, если даже из его плоти вырезали кусок мяса. «К чему нам соперничать, если все подвластно одному Богу», – спокойно объяснял он свое всепрощение. Бывало, правда, если кто подлуживал его, то он выходил из себя, кипятился, словно напоролся на нож. Был и доверчив, как ребенок – баловень чистого воздуха природы. Довольствовался тем немногим, что имел. Палку – воспринимал как коня, а если видел голодных людей с протянутой за подающим рукой, гневался так, что стискивал зубы – считая: лучше смерть, нежели этот позор... Таким мой народ был и тогда, когда я был еще пленцом...

Среди давних трагедий, обрушившихся на голову моего народа, нельзя не вспомнить и эту: после великого курултая в 1206 году Чингизхан осуществил опустошительный набег, разграбив и уничтожив многие

— Много у древних богатейрей! Достоинств много у богатейрей! — Такие прославления учили потомков героизму, чистоте.

Советская власть дала народам свободу. Обновился уклад, установившийся веками, — народ перешел на оселлый образ жизни. В аилах, кишлаках открылись двери школ — мальчики и девочки с семи лет стали приобщаться к знаниям.

Если посмотреть в даль времен с высоты нынешнего дня, с новой точки зрения, то там не одни лишь недостатки. Сегодня ясно видно, что те древние богатейрей, обладавшие твердостью в выполнении данного слова, умением преодолевать трудности, чувством сострадания, жалостливостью, доверчивостью, гостеприимством, способностью прощать, — они веками воспитывали в душах молодых и старых людей стремление к добру и милосердию.

Уроки многовековой жизни предков всякого народа, их исторический опыт, являясь примером для потомков, словно свет лампады, — они сегодня освещают нашу дальнейшую поступь.

Кстати:

Народ — с народом народ

Корень народа — корень Земли.

Сын, кормящий свою мать, — прокормит и народ.

Молодец, заботящийся о своем народе, признан во всем.

Среди народа живет народ, тайна народа знает сердце.

Эти мудрые слова, передающиеся от отца к сыну, — уроки истории. Сегодня время перестройки, мы честно и правдиво говорим обо всех негативных явлениях — зная, что ложь имеет печальные последствия, — потому что их замалчивание привело к застою общественной жизни в области политики, и экономики, и культуры, к пустому урапатриотизму, восхвалению только одних, очковитирательству, солдафонству, к многочисленным преступлениям, даже к тому, что стали вбиваться клинья в дружбу между народами: разжигались шовинистические и расистские настроения.

Все планировал центр, не считаясь с особенностями регионов, например, приказывал с одного гектара хлопка «собрать в два раза больше урожая» или от ста овцематок получить «сто девяносто ягнят». Ложь подталкивала людей к совершению преступлений, приносила горе. На второй год после того, как правда восторжествовала над ложью, хозяйство наше постепенно стало выздоравливать от гнусной болезни очковитирательства.

Но как же нелегко нам ликвидировать тот урон, причиненный теми, кто, проводя в жизнь лживый сценарий, круто, словно камной, ударил по национальному достоинству народа! Ведь еще В.И. Ленин решительно выступал против обрусевших нигилистов, которые ради собственной выгоды, пытаясь понавредить русским людям, сводили на нет наследие своего народа, отрицали национальную культуру, историю, обычаи, утверждая, что мир народа «устарел», его надо «обновить».

Недооценка духовного мира человека, принижение роли наследия прошлого для последующих поколений, лозунговые декларации, не подкрепленные делом, в свое время отвергнутый, а не так давно вновь воспринятый «уруучулук» — все это губительно влияет на единство и моральный дух народа. И хотя, в отличие от пресловутой «Памяти», докатившейся в своей программе до пропаганды расовой исключительности, у нас ничего подобного нет, уверен все же, что перечисленные мною выше факторы изрядно отравляют людям сознание и разум, а значит — должны исчезнуть из нашего обихода.

Долгое время мы занимались переливанием из пустого в порожнее, чрезмерно восхваляли нашу действительность, прославляли друг друга, горворили лозунгами, не учитывая свои недостатки и уроки истории, не беря во внимание наследия, достойно передаваемого от старшего к младшему, обесценили тезис о воспитании нового человека, ставший для нас надеждливым, безвкусным и бесплодным, вроде шлода без зерен...

Не знаю, что скажут другие, но я, как только стал осознавать себя, взял в пример слова: «Глядя на старшего брата, воспитывается младший; глядя на старшую сестру, воспитывается младшая», — и до сих пор с уважением отношусь к тем, кто следует этому правилу.

Сила слова разрушает горы, растопляет лед. Художественное слово, говорят, раскрывает святыню народа — люди, прежде чем приступить к слушанию океаноподобного «Манаса», проходили омовение, но это было не признанием силы религии, а почтением к многовековой традиции нашего народа, высокой оценкой значения Слова — очистить душу свою от дурного, прежде чем выслушать «Слово предков». Такой подход с самого рождения учил меня чистоте, правдивости, сдержанности.

Вообще у киргизов десятки больших и малых эпосов: «Курманбек», «Жаны Байыш», «Эр Табылды», «Эр Тештук», «Саринжи Бекей», «Мендирман», «Кожожаш» и другие, повествующие о разных периодах жизни киргизского народа, о его борьбе и заботах, о соприкосновении с животным миром, — они показывают жизнь без прикрас, такой, какой она всегда и была.

Народ облекал свою жизнь, мудрость предков, предназначенную для последующих поколений, в форму стиха, передавал через устное

творчество — и это дорогое наследство и есть урок для исторической науки и духовная пища.

Исторические записи — вести о духовном мире нашего народа, сохранившиеся в далеких источниках — исторических уроках — у арабов, фарси, турков и, особенно, у китайцев, которые издревле близко соприкасались с жизнью кочевников Центральной Азии, — это истина.

Известия о древних киргизах, найденные в письменах Орхон-Енисея и Таласа, сделанные в средние века, имеют один корень с эпосом «Манас».

Путь, пройденный киргизами по землям Евразии, где прожывали древние саки, турки, хуны, можно найти в трудах ученых-историков, археологов, путешественников. Явные следы копыт коней киргизских воинов видны в исторических данных, и в устном народном творчестве, и даже — киргиз, рожденный в седле, питающийся на гриве коня, соревнующийся с летящей птицей — в свидетельстве... китайского императора: «Как ветер налетает; уходит, словно птица». Эти сведения, дошедшие с далеких времен до XX века, для несведущего — сказка, а для сведущего — поэзия жизни!

То, что детство человечества сохранилось в первоизданном виде, — это, как в сказке, интересно и дорого. Для невежды варвары, дикари — те, кто прожил жизнь в седле. Сведущему человеку ясно, что великая и мучительная жизнь нашего народа, чьи походы впамятены в песок и выбиты на камне, стала уроком для кочевников — она духовным своим свойством одного корня с гуманистическим миром народов Запада и Востока.

Здесь надо принять во внимание факты, что в то время, как оседлый народ в городах совершенствовал свои знания, занимался наукой, строил крепости, храмы, красивые дворцы, которые, словно в подарок, оставляли лотомкам, воинствующие кочевники совершали набеги, причиняя страдания тем или иным народам.

Да, походы были кровавы, войны каменели сердцем. И больше всего от этих набегов страдали сами кочевники. Заблудились в этом буране. Стали рабынями не только миловидные девушки и замужние женщины, но и жена кагана, талантливые мастера, силачи-богатыри познали рабство. В местах побоев осталось много трупов.

Эта трагедия — следствие закона, существовавшего в том общественном строе. То время принадлежало тем, кто точил мечи и жаждал войны. Достаточно было вздрогнуть воздуху от крыльев пролетающей птицы, как раздавались возгласы воинствующих крикунов: «Наши грабители нарушили враг! Седлайте коней!» — и вновь вспыхивал огонь вражды. Гибли целые племена, гибли ремесла, сделанные открытия. Будущие

мудрецы, которые должны были принести человечеству добро, умирали во чреве матери.

И что же? Сколько в ту пору воинствующих людей кричали в тревоге: «Мир, мир нужен!» — а сами, крепко сжав в руках топоры, нарушали мирный покой других народов?

И разве отказались от нападений последующие воинственно настроенные люди? Нет. Не отказались. Они моментально забыли о вчерашних сражениях, в которых кровь лилась рекой, и снова ввергли человека в страдания.

Оставим в стороне прошлое — тогда и людей было меньше, да и сожжено было в том великом сражении всего-то двести тысяч юрт. — и обратим свой взор к настоящему, XX веку. Сегодня научно-технический прогресс поднимал на небывалую высоту культуру человечества. Строятся красивые города, расцветают села, осваивается космос. Но только не уславиваются неразумные «вожди» во все времена, толкавшие человечество на кровавую бойню.

Если бы светлые и темные, радостные и печальные уроки истории были б для них поучительны, то они поставили бы свои подписи под истинно мудрой чистой. Но, к сожалению, эти «мудрецы» беснуются, как и раньше. Снова разжигают пламень войны. Нашли средство, чтобы сжигать человека. А сами? Какое место занимают они сегодня на черных страницах истории?..

Неужели человек, хоть он и не бессмертен в этой жизни и печальна его судьба, до сих пор не понял, что не сможет выбить «очко» в азартной игре в войну?

Что бы там ни было, но ведь цивилизация XX века вышла на уровень пика Эверест — это, наверняка, подтвердят и премьеры, и маршалы. Наверное, можно жить в союзе пяти миллиардам генеев на этой крохотной Земле, которая, словно яблоко, лежит на доброй ладони Природы, защищая и сохраняя и себя, и все живое вокруг себя?..

И если опять вернемся за примером к сложной и трагической судьбе многоплеменного кочевого народа, то вспомним, что и тогда люди занимались не только тем, что точили мечи, готовясь к сражениям. Они, когда вокруг наступало спокойствие и умиротворялась душа, плавил металл, жали хлеб, достигли небывалого мастерства в кузнечном и ювелирном деле, в ткачестве. И что радует: разве б ступила сегодня нога человека на Луну, если бы наши предки веками не занимались ремеслами, не делали гениальных открытий?..

Обновление человечества идет в последовательном развитии — обучая друг друга, народы движутся вперед. Это закон природы.

Стали осыпаться цветы в садах древней Азии, а в Европе сегодня человек запустил ракету в космос. Человек шагнул во Вселенную. Но Азия не была сторонним наблюдателем, а стала соучастником этого великого дела. Потому как люди, едва научившись ходить, стали друг для друга опорой, сокрыльями, единомышленниками, и развивались, обмениваясь накопленным опытом. Кто-то, например, приручил коня, другой придумал седло, третий – стремя. Их опыт переняли другие. На Западе и Востоке стали развиваться ремесла. Факт изобретения стрелы по нынешним меркам можно приравнять к запуску ракеты...

Кто знает, может, если бы люди не разрывали связей друг с другом, не было бы места сегодняшнему хвостовству, жульничеству, обману и хитрости?

Каждое новое открытие науки, которая словно выпускает очередного птенца с цветастыми крыльями, почему-то стало настораживать людей. Исчезало доверие друг к другу. Даже президенты двух великих держав, союзники, победившие в кровавой войне XX века, согласившиеся с тем, что больше в мире не должно быть войны, великодушно обещавшие заботиться обо всем живом, и те...

Один, косо глядя на своего партнера, говорил:

– У нас есть оружие, способное сжечь все живое!

У собеседника не дрогнули даже усы. Он прикинулся эдаким протестантом, мол, не слышал ничего. А сам уже принял решение: «Поручить это дело Курчатову...» Сделал хитрый дипломатический финт. Они вели себя так, словно и не было недавней кровопролитной войны, действовали наперекор своим словесным заверениям.

С того времени и по сей день обе стороны совершенствуют оружие массового уничтожения, которого еще не знала человеческая история.

Как это понять? Может, это ссызание -- во благо человечества? Или это -- демонстрация силы друг перед другом, как это всегда бывало в прошлом? Но ведь история уже в течение семидесяти веков свидетельствует, что тот, кто шел с мечом на другой народ, сам от меча и погибал. К сожалению, из этого никак не хотят извлечь урока. Или это не во власти человека, просто уж так устроена природа?

Если раньше наделись на быстроту своих скакунов да молились на лезвие меча, то разве сегодня не молятся люди на ядерное оружие, которое уже едва помещается на земле, и не говорят о мире с позиции силы?... В кровопролитных сражениях, в конце концов, всегда страдал народ...

Прекрасные предметы, созданные в мирные времена руками мастеров, хранятся в музеях как реликвии общечеловеческого наследия. В него свою лепту внесли все народы, в том числе -- и киргизский. Веле-

ние времени -- не только признать, но и сказать правду, что многие те драгоценные находки, свидетельствующие о нашей истории, до сих пор искажаются. Это правда -- большая опора великой дружбе... Жизнь предков, их наследие -- честь и достоинство народа. Нанести ущерб им -- значит не ценить духовного мира народа. Искажать -- нанести вред. Проявление глубокого невежества.

Изучение языка другого народа -- это, конечно, хорошо как открытые полога дружбы. Учиться на истории другого народа, правильно оценивать его духовное богатство -- значит равноправно сидеть за одним столом. Залог великой дружбы.

Древние киргизы не были дикарями. История свидетельствует, что они, как и хуны, усовершенствовали средства передвижения, влияли своим вооружением на кочевников Евразии и сами защищали Центральную Азию от иноземных захватчиков. Не гладко шло развитие общественного строя киргизов. Особенно в IX веке пострадало киргизское государство и его история, когда оно было в статусе «великой державы» Центральной Азии.

Возможно, французский поэт Пьер Жан Беранже в стихотворении «Киргизская песня» прославлял их:

Где мир?... Безжал. Тобой один я правлю. --

Смотри -- открыт в Европе старей путь;

Лети, лети -- и я тебя поставлю

В приют искусств в Париже отдохнуть;

Напьешься вновь из Сены ты строптивой;

Уж дважды кровь с себя смывал ты в ней.

Заржси, мой конь, встряхни надменной гривой --

И в прах втопчи народы и вождей!

Многочисленные племена, родственные киргизам, гордятся своими быстрыми скакунами, острыми мечами, со временем стали обесценивать. И были разгромлены. Но и тогда:

*«Чем больше их уничтожали, тем сильнее становились
они --*

Потомки Манаса.

С каждой смертью увеличивались

Смелого Манаса потомки...»

Но не могли уже больше резвить, как раньше, коней -- от озера Бай до Алая, Таласа и Иссык-Куля. Следы киргизов можно обнаружить

от монгольских земель до Тибета, от Индостана до Урума в оставленных ими названиях: «Киргизское озеро», «Киргизская вода», «Киргизская долина», «Киргизские могилы»...

Я не хвастаюсь, вспоминая расцвет своего народа. Бог свидетель. Наоборот, я помню призывный клич: «И в прах втопчи народы и вождей!», который обернулся горем для моего народа.

— У сущего нет дна. Есть дно у насилия — это позор, — так определили уроки истории мудрецы. Я хочу, чтобы в век расцвета культуры человечества люди были мудрыми.

Если бы мы помнили всегда, что городов, потребенных под землей в военные дни, больше, чем появившихся на земле в мирное время; если бы помнили, что вред, нанесенный пожаром войны не только человеку, но и животному миру, Земле, воде, не измерим, — то в наше время океанская живность не оказалась бы отравленной. Миллионы людей не голодали бы. Не были бы уничтожены свободные птицы.

Удивительно, что люди, говоря о перенесенных ими бедах и го-лоде, в то же время, стонг лишь насытиться желудку, тут же бросают на свалку бутерброды с маслом. Или же, на словах широко поддерживая дружбу, согласие, мир, по незначительному поводу скрывают зубами и сжимают кулаки.

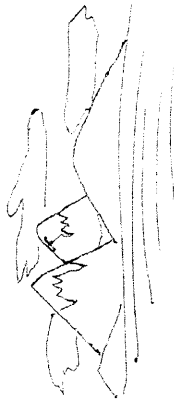
Хотите, я расскажу вам еще о судьбе моего народа!

Особенно в последние семь веков древний мой храбрый народ столько риз, оказываясь на девятом воле истории, выбрасывался на берег! Сколько раз он погибал и возрождался в конце прошлого века, когда наш народ терял силы под двойным гнетом, и его судьба лежала на лезвии меча, он дерзко выразил гнев свой против белого царя. Стойко боролся. Внес свою лепту в Октябрьскую революцию, принесшую национальную свободу угнетенным народам. Сегодня он в равноправной семье многонациональной страны, поднявшей знамя Октября. Цену знает только народ, испытавший это. Потому он не желает насыщая ни над собой, ни над другим народом. Ненавидит насилие. Народ, испытавший лишения, сочувствует народу, оставшемуся без земли и воды. Именно поэтому в «Манасе» широко описывается великодушие, по которому дают коня лишившемуся его, тулуп тому, у кого его нет; прире-вают оставшегося без семьи, без своей земли. Эту хорошую традицию предков наш народ никогда не нарушал. Киргизы дали землю дунганам, вынужденно покинувшим свой край в 1875 году, и переселившимся сюда немцам, проявили свою исконную доброту согласно поговорке: «в народе уживаются народы». В те годы киргизы дали пристанище и креп-стьянам, бедовавшим на Украине и в России.

Приехав на прохулившися телегах, истощенных лошадах, изну-ренные дальней дорогой, русские осели на удобных поймах рек, начиная с Каниды и Кара-Балты до Чон-Аксу (Григорьевка), Кичи-Аксу (Семе-новка), Тюпа, Кызыл-Суу (Покровка). Многоплодные села, процветаю-щие, богатейшие, в основном расположены на благодатных, удобных для земледелия ценных почвах по берегам рек.

Русский, украинский, сарт-калмакский, немецкий, молдавский, турецкий, казахский и другие народы живут бок о бок с киргизами. Це-

ли, думы, хозяйство у всех общее. Никто из коренных жителей не предъявлял претензий к прибывшим: мол, земля — наша. Напротив, шедрые душой горцы, несмотря на свою далеко не изобавленную от проблем жизнь, явили к ним сострадание и гостеприимство. Вот один только пример: в годы всена-родной подлинки на заем, когда некоторые русские колхозы не выпол-нили определенную им разнарядку, долю соседей, несмотря на трудно-сти, выплачивали киргизские села, я сам тому свидетель.

Самое коренное население в основном обоеновалось на не слиш-ком удобных для земледелия песчаных и каменных холмах. Причина этому — исторические обстоятельства роета киргизского общества и то, что мы несколько недополучили благ, уделенных широко всему населе-нию временем, обманувшись пустой гордостью: дескать, мой потомки геройского народа, выросшего в горах, гарцующего на лошадях; мы не горожане, чтобы позволить глине серых стен высосать из нас кровь, об-вестись нелетающими курами, неочучушими домами.

Да, сеяли хлеб, плавил руду. Развивали ремесла. Обогащали ду-ховный мир. Выдающиеся мелодии, мудрые искусные слова образно и широко повествовали об истории жизни всех времен. А землю не мери-ли саженьями и верстами. Потому как основное хозяйство — скотоводст-во. «У скотины — восемь ног», «Прежде зубов у скотины копыта пасут-ся», «Ночлег скотины — на пастбище, лежка зайцев — в камышах» — та-ковы были законы нашего народ о земле.

Сокращение земель, иссякание вод — понимали как признак конца света. Того, кто поджал землю, ненавидели как разлагателя народа. Бессовестного озорника, нарушавшего традиции, наш народ сравнивал с дурнем, мочащимся в ручей, из которого люди пьют воду. Когда в конце прошлого века землемеры стали мерить пастбища, облагать пастбищ-ными налогами по числу копыт, топливными — по количеству потреб-

языка. В своем словаре Кашгари считал, что киргизы, кипчаки, огузы, чигили, ягма, ийраки говорят на чистом тюркском языке, и, действительно, киргизский язык, один из них, сохранивший свое имя, очень богат синонимами. — общими для всех тюркских языков.

Придающий очарование национальной культуре, неиссякаемый родник общей культуры народа — это язык. Поэтому исследование «мертвых языков» народов, которые некогда создали высокую культуру, но исчезли в результате войн и стихийных бедствий, их познание вносят вклад в культурное наследие человечества.

Исследуем-ка словарь языков, называемых самыми богатыми. Сколько в этих языках слов, которые вошли из малы! Например, начинающая с названий местностей — таких, как Канада, Квебек, и кончая сельдью, — сколько живых слов внесли языки саами, эскимосов.

Однажды мне задал вопрос один уважаемый человек, избранный действительным членом нашей Академии наук:

— Понимают ли ваш язык другие народы?

— Казахи, узбеки, уйгуры, татары, башкиры, туркмены, киргизы свободно понимают друг друга. — Он не знал, что киргизский язык относится к тюркским. — Удивлю-ка я вас еще, — шутило сказал я. — Например, в русском языке нет ни одного исконного слова, начинающегося на букву «а», кроме междометия «ах». Не верите — загляните в словарь Даля и Ушакова. Ну, а слова арык, артамак, алтын, арча, архар, алмаз и другие перешли из нашего языка.

Тюркизмы до сих пор входят в русский язык. Сель, в форме селёного потока, вошел в русскую речь сегодня. И разве можно недооценивать «малые» языки? Да ни один нельзя! Все языки, на которых говорят люди, обогащаются за счет двух источников. Первый источник — собственный родник каждого языка. Второй — заимствования, с подчинением внутреннему закону языка. Известно, что 52% русских слов заимствованы — они, фонетически видоизменившись, стали родными. Это — особенность не только русского языка, а всех. Сегодняшний наш полувексвой опыт показал, что эту особенность нельзя, например, подчинить указам.

Всякое чужеродное слово должно подчиняться законам языка. И если оно не переходит в разряд живых, то, по моему глубокому убеждению, — над языком читится насиле. Например, в киргизском языке слово «область» произносится как «область», а ведь надо — облус, комсомолец — комсомол, суд — сот, билет — белет, Пишпек — Пишкек, бутылка — бетелке и т. д.

В средние века арабские завосватели говорили завосванными ими народам: «Арабский язык — это язык Корана, а тот — Аллаха, поэтому на

ляемого топлива, то народ, никогда прежде не сталкивающийся с чем-нибудь подобным, расценил это как большую опасность, сравнимую опять-таки с концом света...

Конечно, народ сразу не может отказаться от исторических привычек, превратившихся в характер, отпечатавшихся в течение веков в сознании.

Пока народы предвзятно будут оценивать национальные особенности, традиции друг друга, они будут наносить обиды и даже враждовать меж собой. Скажем правду — меньшинство не может унижить большинства, бессильный не может обидеть сильного. Следовательно, в многонациональной стране многочисленный народ мудр, когда он широк душой и может прощать. Сила мудрого — в великодушии! Хвастовство, зазнайство, грубость — это нож, разрушающий согласие. Этот нож во все времена разрушал многонациональные страны. К сожалению, многие из них не увидели примера в этих уроках истории. Наоборот, это разрушение ускорялось, коль скоро давалась дорога унижению другого народа, демонстрации своего превосходства.

Говоря откровенно, у нас, особенно последние 25 лет, не стали заботиться и об истории народа, и о наследии его, и о его духовном богатстве — на все это закрывали глаза. Ленинская национальная политика извращалась: «лякие», «полулякие» — такие вот «открытия», относящиеся не к одному человеку или племени, а к целому киргизскому народу, звучали с высоких трибун. Печатались в газетах и книгах. Да что говорить об оскорблении достоинства нашего народа, когда на глазах у всех стали отрицать его древнюю родину — Енисей, Алтай, Минусинскую долину, — и на ум не пришло, что мы тем самым оставляем безродным нашу двухтысячелетнюю материальную культуру...

Например, вместо того, чтобы оценить наше непосредственное родство с чагаташской культурой, вообще не учитывали то, что в то время был народ, называемый киргизами... В 1022 г. до н. э. в китайских источниках зафиксировано слово «кынарак» — плоский нож, сделанный вручную. В мемуарах одного из индейских вождей Мато Нажина «Мой народ сиу» даны понятия двум живым словам на языке индейцев: укрук — укурук, кораль — короо. Первое — орудие для ловли лошадей, второе — загон для скота. А кынарак — нож, которым сегодня наши бабушки режут войлок. То, что эти древние слова до сегодняшнего дня являются живыми в нашем языке, — не случайность, а историческая преемственность. Орхоно-енисейские, таласские письмены, нанесенные в средние века на камнях, а особенно живые слова, собранные в широко исследованном трехтомнике 11 века «Сборник тюркских слов» Махмуда Кашгари, составляют 70–80% живых слов сегодняшнего нашего родного

нем должны говорить и вы». Кто не читал молитву нараспев, того учили силой, а кто так и не научился – тому снимали голову. Это насильное обучение арабскому языку не достигло успеха.

Да, язык не терпит насилия, он нуждается в равноправности, о чем ясное ясно сказал в свое время Ленин...

Недостатки в хозяйстве и устройстве общества, имевшие место из-за односторонности подхода к ним, легко исправить. Да и извращения истории народа, как бы ни вредны они были, как бы ни задевали честь, они на много невинней извращений самого языка. Или, наоборот, терпимей. А по отношению к языку – очень больно задевают людей. Более того, ведь язык не является культурным наследием только того общества, которое говорит на нем, а – достоянием общечеловеческой культуры.

... Долно, предназначенную для захватчиков всех времен, получили и палачи XX века. Фашизм не осуществил свои черные цели, остался ни с чем. Если бы не руководствовались сердобольностью XX века, а были бы власти злой жестокости средневековья, то немецкий народ оказался бы раздробленным, лишился государственности.

Этому свидетель – трагедия последних веков киргизов, в свое время летавших, как птицы, прыгавших, как дикие львы, надевавшихся на свою высоту и силу, живших волноно, но, в конце концов, рухнувших, как скалы, шебень которых превратился в порошок.

Все мы – ученики Истории, послушные и строптивные, талантливые и не очень. И того, кто забывает ее уроки или не усваивает их вовсе, подстерегают в пути непредсказуемые опасности. Если человек в будущем намерен превратить родную землю в цветущий сад и жить в согласии с другими людьми, он не должен прятать за пазухой камень, помыслы его должны быть чисты, слух – обострен, чтобы уловить стук собственного сердца в общем перестуке миллиардов сердец на планете.

Пусть разум человека, запустившего в космос ракету, подскажет ему: как, улетев родимое гнездовье, продлить жизнь свою и всего человечества...

Ташим БАЙДЖИЕВ

Семетей – сын Манаса

«Семетей» – вторая часть эпической трилогии «Манас». В ней излагаются события от рождения главного героя Семетей – сына Манаса – до его гибели.

В «Семетее» продолжают события первой части поэмы как дальнейшее развитие сюжета. Он един с «Манасом» по своей идее и форме, художественным средствам воплощения, манере исполнения и музыкальной архитектонике. В «Семетее», как и в «Манасе», доминантой звучит призыв к единству киргизского народа, его независимости, приумножению славы и могущества, заботе и любви к родному Отечеству.

Герои первой части – Манас, Алмамбет, Чубак, Сыргак, Каныкей и Бакай – идеализируются во второй и далее в третьей части – «Сейтеке». Если Манасу удается во имя единой цели – борьбы с внешними врагами – преодолеть междоусобицы и распри, то в «Семетее» основное место занимают внутренние противоречия и конфликты, спровоцированные братьями Манаса – Абыке и Кобешом, предательством жены Семетей – Чачыкей, коварством близкого родича Кыяза и непримиримыми амбициями Уметей – наследника хана Кокчэ, погибшего в походе на Китай.

«Великий поход», повествующий о долголетней войне с китайцами, взятии города Бейджин, о гибели большей части киргизских воинов и самого Манаса, получил свое продолжение в битве Семетей с Конурбаем, которая происходит много лет спустя и в иных обстоятельствах. Если Манас шел в поход на Китай с целью восстановить и расширить границы киргизского государства, освободить тюркские народы от гнета китайского предводителя Карахана, то Семетей мстит Конурбаю за смерть народных защитников – Манаса, Алмамбета, Чубака, Сыргака, пытается восстановить былое величие и единство народа, вернуть завоевания отца.

Безусловно, сказание о Манасе и его сыне Семетее является единым произведением, имеющим общую сюжетную и художественную основу, но все же поэма «Семетей» намного отличается от поэмы «Манас». К примеру, переживания и страдания Бакая, Семетей, Каныкей; ностальгия по былой славе, тоска по идеалам богатейства, присущие Манасу и утерянные во времена его сына; яркая тема любви, ревности, мести сопернику; интриги борьбы за власть внутри рода и ханства – все это в совокупности привело к тому, что «Семетей» сложился в лирико-эпическую поэму. Если в первой части трилогии основным мерилом достоинства героев были доблесть, храбрость, верность идеалам дружбы и братства, патриотизм, что придавало им героико-эпический облик, то в «Семетее» на первый план выходят более интимные, психологические аспекты человеческого характера. Герои второй поэмы трактуются в более реалистическом ключе, приближенными к жизненной, подчас бытовой правде: углубляются и акцентируются личные взаимоотношения и конфликты персонажей. И тем не менее положительные герои «Семе-

тея» горячо любят свое отечество, стремятся соединиться с любимыми, воспитать детей, достойных своего народа, сохранить родовую дружбу, отомстить врагам за свои унижения и страдания.

Помимо фантастико-мифологических явлений, в поэме «Семетей» большое место занимают боевые действия. Однако следует отметить, что батальные эпизоды в «Семетее» дублируют описание сражений. Если в первой части поэмы Конурбай смертельно ранит Манаса и лишает его боевой мощи, то во второй части он гибнет от руки Семетей.

Здесь может показаться парадоксом тот факт, что могучий Манас, имевший великое войско, не смог одолеть Конурбая, а его сын Семетей всего лишь с двумя соратниками легко отсек ему голову. Но дело в том, что Семетей побеждает врага не по логике жизни, а по воле сказителя, продиктованной верой народа в победу и возмездие. Для эпических сказаний это вполне закономерное явление, о нем справедливо заметил академик В. М. Жирмунский: «Оптимизм народного творчества не терпит неразрешенных трагических диссонансов. Торжество коварных и злобных врагов над героем эпоса не может быть окончательным: за гибелью героя и временной победой его врагов должны последовать восстановление справедливости и месть насильникам и захватчикам. Долг кровной мести и восстановление законной, признанной народом власти лежит на сыне погибшего». Описание деяний сына, как правило, становится сюжетом следующей части народного эпоса, о чем ярко свидетельствует поэма «Семетей».

«Семетей» повествует о событиях того времени, когда кыргызы вновь разбиты, раздроблены и разогнаны, потеряли свободу и независимость, лишились военной мощи. Это дает нам право предполагать, что вторая часть эпоса создавалась в XVII–XVIII веках, т.е. Семетей моложе своего отца Манаса по крайней мере на несколько столетий. Вместе с описанием наиболее трудных в истории кыргызов событий XVII–XVIII веков в поэме «Семетей» отражены сознание и мировоззрение народа, начиная с древнейших времен до наших дней. Народный эпос, передаваясь из поколения в поколение, впитал в себя идеологию социальных формаций разных эпох, менял свою художественно-эстетическую философию согласно требованиям времени, вместе с тем бережно сохранял классические традиции устного поэтического творчества.

Сказители «Манаса», как правило, становились исполнителями и «Семетей», а затем и «Сейтека». Среди известных сказителей нет таких, кто, сказывая «Семетей», не знал бы «Манаса». Так, например, популярные манасчи Нооруз, Кельдибек, Балык, Акылбек, Чонбаш, Назар, Гыныбек исполняли всю трилогию. Знаменитый Сагымбай признавался, что «Семетей» знает лучше, чем «Манас». Жившие в советскую эпоху

выдающиеся манасчи Саякбай, Шапак, Баяши, Тоголок Молдо сказывали обе части поэмы в полном объеме событий

Не каждый сказитель, знающий сюжет эпоса, был способен привести свою интерпретацию, угадать желания и чаяния слушателей, развить канонический сюжет эпоса, украсить стиль своими образительными выразительными средствами, творчески отшлифовать рифму, найти более выразительную мелодику и архитектурнику речитатива. Такими способностями обладали только очень талантливые и вдохновенные акыны, жившие в вечном поиске, посвятившие свою жизнь исполнению эпоса. Их называли в старину «жомокчу» – сказочниками; они зарабатывали свой хлеб профессией сказителя, постоянно бродили от аила к аилу, собирали вокруг себя слушателей, которые тут же могли дать оценку мастерству исполнителя, принять или отклонить предложенную версию. Сам сказочник внимательно прислушивался к оценкам и замечаниям аудитории, постоянно совершенствовал свое поэтическое и исполнительское мастерство, обогащал художественное содержание, философскую мысль эпоса. В результате сюжет, стиль, художественные элементы сказки подвергались постоянному совершенствованию, а потому вариант каждого талантливого сказителя «Семетей» имеет свои ощутимые отличительные черты, свою неповторимую самобытность. Постоянными же оставались основная сюжетная канва эпоса, характеры и трактовка образов главных героев, их имена, клички коней, описания одежды, вооружения. Иначе говоря, существуют традиционные элементы эпоса, которые сказитель не вправе менять, но, тем не менее, есть такие компоненты, которые могут изменяться согласно требованиям времени и ситуации.

С прошлого века и до наших дней сказители повествуют эпос в следующей последовательности:

1. Детские годы осиротевшего Семетей в Бухаре и возвращение его в Талас.
2. Победа Семетей над Чыңкожо и Толтоем, его женитьба на Айчурек.
3. Битва Семетей с Конурбаем.
4. Гибель Семетей.

Завязка всех четырех частей начинается, как правило, с конца собитий «Манаса» и имеет свое дальнейшее продолжение с новеллистским завершением.

Эпизод поединка Семетей с Чыңкожо и Толтоем завершается женитьбой на Айчурек. Здесь доминирует тема любви и лирической романтики с мотивами боевой героики. Эпизоды сватовства и другие явления была насыщены описаниями народных обычаев и традиций, риту-

ли. А когда ее конь Тайтору приближался к финишу, звучал подлинный марш победы, и лица сидящих озарялись радостными улыбками: они искренне верили в подлинность происходящих событий.

Талантливые сказители неутомимо и скрупулезно искали наиболее действенную форму исполнения, как можно острее выстраивали интригу сюжетной линии, углубляли внутренний смысл повествования, передавали содержание эпоса с помощью жестов и мимики, выступая одновременно в качестве сказочника, композитора, певца и драматического актера. Трилогия «Манас» достигает вершин своей выразительности благодаря гармоническому сочетанию поэтического текста, музыки, вокала и пластики пантомимы. Когда сказитель исполняет эпос в традиционной форме, некоторые шероховатости текста, отсутствие стихотворной рифмы, нарушение размера строфы, повторы воспринимаются как естественный поток живой речи. Слушатель осязает буквально завороженным ходом событий, чувствует себя непосредственным участником, гневается и радуется, плачет и смеется вместе с героями. При перенесении устного текста на бумагу тут же теряется магия живого исполнения звука, мелодии, ритма, тембра голоса, зримого ощущения. Остается голый текст, который не всегда может удовлетворить взыскательного читателя. Саякбай Каралаев исполнял все три части поэмы, как правило, в состоянии вдохновенного экстаза. И это вполне закономерно, так как для того, чтобы сочинить грандиозный устный эпос из полумиллиона стихотворных строк в четкой канонической форме, сказителю понадобилось бы прожить не одну сотню лет.

Традиционную сюжетную канву, речевые обороты, постоянные элементы, мотивы и напевы каждый начинающий сказитель усваивал от своих учителей, месяцами и годами слушая их сказ во время сопровождения по кочевьям. Выдающийся манасчи Саякбай в юные годы сопровождал знаменитого иссык-кульского сказителя Чоюке, известного сказителя Шапак учился у акакала Бальыка, Сагымбай – у родного брата Алишера, Алмабек – у старшего брата Дыйканбая, Багыш – у знаменитого Гыныбека. Не было случая, чтобы манасчи не имел своего конкретного учителя. Художественная манера исполнения, лексика, стиль, мелодия, а порою даже жесты и мимика учителя перенимались учениками, а те в свою очередь передавали свои традиции грядущим поколениям.

Виднейший исследователь «Манаса» Мухтар Ауэзов справедливо заметил, что истинными сказителями эпоса становились те, которые не только переняли и выучили готовый текст, но еще имели поэтический дар акына-импровизатора, способного творчески переосмыслить сюжет, отшлифовать выразительные средства, сократить или расширить от-

альных церемоний, отражающих народные нравы, этику, феодально-родовое мировоззрение древних кочевников.

В образе Айчурек представлен идеал женщины. Семетей – воплощение настоящего богатыря, полного отваги, решимости, находчивости и преданности своему народу. В облике Кульчоро воспеваются храбрость, деловитость и преданность дружбе.

Кровополитные бои и поединки подаются не как горькая, безысходная трагедия, а как жизненная необходимость в борьбе за свободу, они полны оптимизма, веры в победу, изобилуют юмором и сарказмом. События преподносятся так, что слушатель, в конечном счете, остается удовлетворенным. Герои достигают своей цели, народ празднует победу – и на этой ликующей ноте заканчивается эпос.

Вторая часть трилогии основательно разработана многими крупными сказителями, в результате чего поэтическая форма «Семетей» более совершенна и изящна, по звучанию более музыкальна и ритмична, чем «Манаса». В эпизодах, посвященных любви главных героев, звучит подлинная лирическая романтика, поэтому «Семетей» более распространен и популярен в молодежной среде.

«Гибель Семетей» – самая трагическая часть поэмы – вызывает у слушателей искреннее сострадание. Предательство соратника Семетей Канчоро, который, вступив в интимную связь с его женой Чачыкей, творит подлости и бесчинства, достойно гнева и осуждения. Слушатели не любят эту часть поэмы, и семетейчи зачастую пропускают ее, в силу чего она осталась неразработанной, имеет целый ряд противоречий и недомолвок.

«Битву Семетей с Конурбаем» можно считать сюжетным повторением «Великого похода». То обстоятельство, что борьба двух богатырей заканчивается довольно буднично и примитивно (Семетей отрубает голову безоружному и пешему Конурбаю), не всегда удовлетворяет слушателей, а скорее, разочаровывает и в какой-то степени снижает рейтинг любимого героя. Вот почему эта часть поэмы не пользовалась такой популярностью, как, например, события, связанные с судьбой краавишы Айчурек.

Жизнь ослепшего Семетей в Бухаре и возвращение в Талас большинством сказителей исполнялись в традиционном плане, а порою скороговоркой, как сюжетная связка. Только выдающийся манасчи Саякбай Каралаев развил и обогатил эту сюжетную линию, введя в эпос новый эпизод – «Участие Каныкей в скачках». Саякбай исполняет этот эпизод с потрясающей выразительностью, перевоплощаясь в горемычную Каныкей. Могучий голос его скорбно дрожит, по щекам текут слезы, а вместе с ним опереживают и плачут сидящие перед ним слушате-

дельные эпизоды и таким образом способствовать сохранению и развитие легенды.

Словом, «Семетей» — это плод исключительно творческой фантазии не одного поколения сказителей. В фондах Киргизской академии хранятся десятки самостоятельных вариантов, принадлежащих разным исполнителям. Основными отличительными признаками этих вариантов принято считать следующие.

У сказителя Жаныбая после смерти Манаса его брата Абыке и Кобеш отправляют к овдовевшей Каныкей Серек и Сыргака, тогда как в других версиях Серек и Сыргак погибают в Великом походе, а на переговоры с ней отправляются Тазбаймат и Кыргылчал.

Одни сказители считают, что имя отца Каныкей — Карахан, а другие зовут его Темирханом. Саякбай повествует о том, как подростку Семетею о его истинных родителях рассказывает младший брат Темиркана Сарытаз; у сказителя Жаныбая эту миссию выполняют Жекетаз, Каратаз и Сарытаз.

По-разному представлены названия вооружений и боевых доспехов, оставшихся от Манаса, и история их приобретения. У Манаса было семь волшебных и чудодейственных вещей. В варианте Саякбая Каныкей рассказывает Семетею о двенадцати вещах: кольчуге Акколпок, ружье Аксельте, охотничьей собаке Куутайган, ловчей птице Акшумкар и других. Щенка, рожденного от синей птицы, Манас с Бакаем находят в пустыне Мединны и дарят Каныкей, которая вырастила и выучила его. Когда умирает Манас, Куутайган в скорби не лает, несколько дней не ест, не встает, а потом убегает в лес. Шесть мечей Манасу падают с небя. Акшумкар является детенышем птицы Куукумлай.

По варианту Жаныбая, кумбез Манасу воздвигает дева-воительница Сайкал. В Бухаре Каныкей совершает обряд посвящения Семетею в мусульманство. В большинстве других вариантов кумбез Манасу воздвигает сама Каныкей. Об обряде над Семетеем не рассказывается.

Саякбай повествует о том, что по исполнению Семетею двенадцати лет его дед Темиркан устраивает большой праздник, где юный герой в смертельном состязании побеждает сылача Теэбалбана. В других вариантах подобные события отсутствуют.

По варианту Жаныбая, Темиркан решает испытать храбрость Семетея, и когда тот отправляется в Талас, посылает вслед двести воннов, приказав напасть на юношу. Когда солнце палило так, что отряд не мог двигаться, вдруг на землю опускается прохлада, которая спасает его от явной гибели. В других вариантах такого эпизода нет.

У иссык-кульских и тянь-шаньских сказителей Джакыл пыгается отравить своего внука Семетея. У Жаныбая подобного случая нет, а жи-

тейские раздоры Семетея со своими родственниками он излагает прозой. Другие сказители от начала и до конца рассказывают «Семетея» в поэтической форме.

Большие расхождения встречаются в вариантах «Семетея» в описаниях поминков Кокетея. Иссык-кульские сказители ввели поминки Кокетея в «Семетея» как воспоминания Толтоя. Тянь-шаньские сказители (Саякбай, Тоголок Молдо, Шапак), как правило, рассказывают «Поминки Кокетея» в первой части эпоса «Манас», начиная с крылатой фразы: «Поминки Кокетея — начало большого раздора», т.е. Великого похода. Однако тянь-шаньские манасчи (Багыш, Акмат) данный эпизод рассказывали в контексте «Семетея».

Еще одно существенное отличие в вариантах «Семетея» причины того, почему родственник Манаса Чыңкожо стал Семетею врагом. Одни сказители мотивируют это тем, что отец Чыңкожо по имени Шыгай в свое время терпел притеснения от Манаса, поэтому его сын и враждует с сыном Манаса Семетеем. Другие сказители объясняют это тем, что Семетей женился на Чачыкей, в которую был влюблен Чыңкожо, и они враждуют как соперники.

Варианты «Семетея» разнятся также своим художественным стилем, поэтическими и языковыми особенностями. Варианты Шапака, Жакылыка и Багыша отличаются яркой образностью, динамичной и многоплановостью сюжета, четкой художественно-смысловой завершенностью, обилием лексических архаизмов, определенным историзмом. В вариантах Жаныбая, Алмабека, Молдобасана чувствуется вторичность, хотя стихи и мелодика в их исполнении более совершенны и изящны, близки к акынской импровизации.

Поэма «Семетей» впервые была записана выдающимся казахским этнографом Чоканом Валихановым, который в прозаическом пересказе изложил эпизод «Поминки по Кокетею». После него в 1862–1869 годах русский ученый академик В. Радлов записал «Семетея» объемом в 3005 поэтических строк и в 1885 году издал в своем труде «Образы народной литературы северных тюркских племен».

После Октябрьской революции первую запись произвели из уст Гыныбека Жаппева в 1924 году, а в следующем году эпизод «Сватовства Семетея Айчурек» вышел отдельной книжкой.

Интенсивная запись эпоса «Семетей» началась с 30-х годов. В фондах Кыргызской академии наук имеется более 25 000 печатных листов текста второй части трилогии. Это варианты Саякбая Каралаева — 210 тысяч строк, Молдобасана Мукулманкулова — 35 тысяч строк, Жакшылыка Сарыкова — 67 тысяч строк, Шапака Ырысмендеева — 45 тысяч строк, Акмата Ырысмендеева — 30 тысяч строк, Багыша Сазанова —

105 тысяч строк, Тоголока Молло – 40 тысяч строк, Жаныбая Кожекова – 100 тысяч строк, Алмабека Тойчубекова – 25 тысяч строк и др. От великого манасчи Сагымбая Орозбакова было записано 200 тысяч строк эпоса «Манас», но, к сожалению, из-за болезни и смерти сказителя «Семетей» и «Сейтека» записать не успели.

Если не считать общих сведений по эпосу «Манас», сделанных учеными прошлого века Ч. Валихановым и В. Радловым, то настоящее научное изучение всей трилогии начинается только с 30-х годов. Многие ученые, посвятившие свои труды эпосу «Манас» (М. Ауэзов, А.Н. Бернштам, К. Рахматулин, А.Н. Берков), в основном останавливаются на анализе первой части, о «Семетее» говорится вкратце и вскользь. Разумеется, эти отрывочные публикации не могли дать ясного и полного представления о содержании эпоса «Семетей».

Вторая часть эпоса «Манас» «Семетей», являясь наследием художественной культуры кыргызского народа, стала духовной пищей для многих поколений, пробуждая отвагу, доблесть и патристические чувства, служила своеобразной энциклопедией по истории, географии, морали, медицине, политике, международным делам и по сей день остается сокровищницей художественного слова, образцом устного поэтического искусства.

Полный вариант эпоса «Семетей», записанный от Саякбая Караева, состоит из четырех глав.

После смерти Манаса по наущению его отца Джакыла Кобеш (брат Манаса) посылает сватов к овдовевшей Каныкей с требованием выйти за него замуж. Каныкей в гневе прогоняет сватов. Тогда Кобеш с сорока дружинниками нападает на аил Каныкей, учиняет разгром, ранит Каныкей в грудь и увозит ее сестру Акылай. Чоро Ырчы-уул напоминает дружинникам о тех благах, которые они видели

от Манаса и его мудрой жены Каныкей, о том, как она по-матерински опекала их, провозжала в Великий поход, встречала при возвращении, оплакивала погибших. Ырчы-уул предлагает вырастить и воспитать Семетее настоящим воином, чтобы под его знаменем отомстить врагам за гибель отцов. Но дружинники не послушались и побили его.

Каныкей с маленьким Семетеем и матерью Манаса Чыйырды бежит в Бухару. В пути, оставив ребенка с бабушкой, она отлучается на

поиски пищи, а, вернувшись, видит, что старуха спит, а Семетее кормит своим молоком самка архара.

В Бухаре Каныкей живет у своего отца Темирхана. Брат Каныкей Ысмаил воспитывает Семетее до семи лет, учит грамоте. Семетей вырастает озорным безбожником, избивает священников. Чтобы остепенить внука, Темирхан устраивает большой той. «Для тех, кто знает, – это поминки по Манасу, а для тех, кто не знает, – той в честь Семетее», – говорит он и объявляет внука наследником хана.

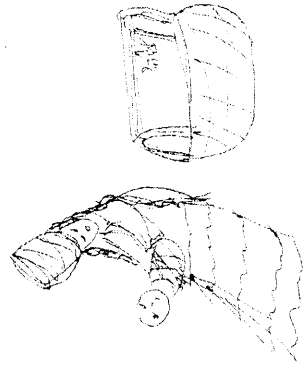
В спортивном турнире кокандский богатырь Тебальбан побеждает бухарского богатыря Акбалбана. Не выдержав позора поражения, Семетей вступает в борьбу с Тебальбаном и убивает его.

Каныкей, загадав желание: «Станет ли Семетей богатырем и займет ли место своего отца?», выставляет 64-летнего коня Тайтору на скачки. В мужской одежде она выходит на дорогу и подбадривает скакуна. Ысмаил, недовольный поступком сестры, приказывает Семетее расправиться с нею. Семетей, не знаящий своих истинных родителей, с дружиной отправляется устроить засаду и наказать Каныкей. Каныкей смотрит в подзорную трубу и видит, как ее конь идет последним. «Если Тайтору не придет первым, Семетей, не ведая, что я его мать, убьет меня из-за позора и за то, что, будучи женщиной, участвую в скачках, да еще со старым конем», – плачет Каныкей. Но тут святые духи Алмамбета, Чубака, Сыргака, подгоняя Тайтору, выводят его вперед, оставив позади шестьсот скакунов. Каныкей сопровождает Тайтору. Семетей в азарте помогает своей вдовой «сестре», и старый скакун первым достигает финиша.

Ханы, заметив богатырскую силу Семетее, решают убить его. Мать Манаса, 95-летняя Чыйырды, просит Каныкей показать ей внука. Каныкей приводит Семетее, передает ему одежду и доспехи Манаса. Семетей восхищен заботливостью «сестры». «Был бы я ее сыном», – втайне думает он. Узнав от нее о злонамерениях ханов, избивает и разгоняет их.

От живущего в лесу угольца Сарытаза Семетей узнает о своем происхождении и, потрясенный услышанным, не принимает пищу, ни с кем не разговаривает. Каныкей вынуждена рассказать сыну о Манасе, о его победах, о походе на Китай, о гибели лучших кыргызских воинов и его самого от руки Конурбая и просит вернуться на Родину.

Семетей едет в Талас, встречается с Бакаем, посещает могилу отца. Верблюд Каранар, лежавший здесь со дня погребения Манаса, переставший лаять Куутайган, улетевший сокол Акшумкар, конь Тайбурул – все возвращаются к Семетее. По наставлению матери Семетей приносит в жертву верблюда Каранара и снимает с него золотую узденчу.

Семетей встречается с кузнецом Белёкбаем, вдовой Алмамбета Бурулдой, его сыном Кульчоро и со своим делом Джакыпом. Джакып дает Семетею угощение с ядом. Но Семетей выкидывает пищу собаке, а сам отправляется к дядьям Абыке и Кобёшу. Абыке встречает Семетея с распоротыми объятиями и слезами. Кобеш ранит Бакая, не желая возвращать отнятое у Каныкпей добро, и начинает вражду с племянником.

По дороге в Бухару Семетей, не узнав сестру Манаса Кардыгач, вступает с ней в поединок. Бакай догоняет их и знакомит. По возвращении Семетей Темиркан женит внука на дочери Шаатемира Чачыкпей и всех вместе с Сарытазом провожает в Талас.

Народ с радостью встречает Семетея. Но дед его Джакып, дядя Абыке и Кобёш, бывшие дружинники Манаса, затаив злобу, готовы предать его в любую минуту. Семетей вынужден расправиться с предателями, оставив в живых только Кульчоро и Канчоро – сыновей Алмамбета и Чубака.

Старая Каныкпей в знак братания дает им свою материнскую грудь. Кульчоро высасывает из её груди молоко. Канчоро – кровь.

Семетей отправляет Бакая к Чыңкожу с просьбой вступить с ним в союз, но тот оскорбляет послов и отклоняет предложение.

Нареченную невесту Семетея, красавицу Айчурек, Чыңкожо решает выдать за своего брата Толтоя и осаждает город Акунхана. Айчурек, обманув Толтоя, превращается в белую лебедь, летит к Семетею, видит его в полете, влюбляется и похищает его любимого сокола Акшумшара. Семетей отправляется на поиски пропавшей птицы и знакомится с Айчурек. Узнав о случившемся, Чыңкожо с Толтоем готовятся к сражению. Толтой во время разведки встречается с Кульчоро, получает рану, бежит к Чыңкожу, рассказывает ему о Манасе, предупреждает, что они не смогут одолеть Семетея. Однако Чыңкожо, не послушавшись Толтоя, вступает в бой и погибает.

Семетей отдает Кульчоро свой боевой трофей – скакуна Суркоена. Канчоро обижен за то, что конь подарен не ему.

Семетей женится на Айчурек и возвращается в Талас.

Желея отомстить Конурбаю за смерть Манаса, Семетей, Бакай, Кульчоро и Канчоро уничтожают сторожевую лису, хитрую утку, горного барана, охранявших границы владений Конурбая. Семетей узнает, что Конурбай, оставив своего скакуна Алгара, пересел на другого коня. Карагул, главный конюх Конурбая, выдает себя за младшего брата Манаса, ранит Семетея в голову и сбегает. Семетей падает в воду, начинает тонуть, но конь его Тайбуурул, подав хвост, спасает своего седока.

Конурбай, собрав большое войско, нападает на Талас и ранит Семетея. Айчурек перешагивает через тело Семетея – и пуля выпадает из

раны. (Согласно верованию, такое бывает лишь в том случае, если жена непорочна и верна своему супругу).

Излечившись, Семетей преследует Конурбая и отсекает ему голову.

Кыргызское войско подступает к кыргайскому городу Бейджиноу. Навстречу выходит Кунжанжун, преподносит Семетею дары в тысячу слопов, груженых золотом, и тысячу красивых девушек. По совету Бакая Семетей принимает дары и возвращается в Талас.

Казахский богатырь Уметей – сын покойного Кокчё, не послушавшись народа, решает отомстить за смерть своего отца, погибшего в Великом походе. С большим войском он идет на Талас. Кульчоро, выехав навстречу, радушно приветствует Уметей, но тот говорит ему: «Пусть Семетей заплатит виру за смерть моего отца, отдаст мне коня Тайбуурула, а племя артынов – в рабство, иначе я истреблю кыргызов». Кульчоро сообщает об этом Семетею. Каныкпей с Бакаем говорят Семетею: «Манас и Кокчё были верными друзьями. Из уважения к духу славного Кокчё отдай глупому Уметею все, что он просит. Подружись, казахи и кыргызы – родные братья». Семетей отправляет к Уметею Кульчоро с напутствием: «Если он готов на дружбу, веди его сюда! Если скажет «нет» – принеси его голову!». Увидев Кульчоро, Уметей бросает клич «Кокчё!» и нападает на него с копьем. Кульчоро вынужден убить Уметей. Семетей, погрузив тело Уметей на Тайбуурула, отправляется к его матери – своей тётке Акэркеч.

Акэркеч, чтобы отомстить за гибель сына, сыплет в уши коня Тайбуурула песок, вонзает в копыта иглы и бросает его в глубоководную яму. Канчоро шипит Кыязу: «Семетей лишился своего коня. Теперь можешь отомстить ему за смерть своего брата Толтоя!».

В день, когда должен прибыть Кыяз, Канчоро уговаривает Семетея пойти на могилу Манаса: «Совершим молитву и принесем в жертву скот». Айчурек сообщает мужу о своем дурном сне, но тот, оттолкнув ее со словами: «Не загораживай путь мужчине!», – выезжает из дома.

Семетей с Кульчоро и Канчоро приносят в жертву кобылицу у могилы Манаса, читают молитву. В этот момент появляется войско Кыяза. Канчоро, перейдя на сторону Кыяза, стреляет в Семетея. Начинается жестокая битва. Кульчоро, потеряв коня, попадает в плен. Копье Кыяза смертельно ранит Семетея. Начинается сильный ураган и уничтожает войско Кыяза. Семетей исчезает из глаз...

Такова сюжетная канва поэмы «Семетей» – второй части трилогии эпоса «Манас».

В третьем части эпоса речь пойдет о внуке Манаса, сыне Семетея – доблестном Сейтеке.

Перевод М. Байджиева

Эссе

*Подле Эйфелевой башни
думы бродяют вдалеке.*

*Жить — это постоянно решать,
чем мы будем.*

(Хосе Ортега-и-Гассет)

*С тем и восходит наше солнце,
с тем и заходит...*

I

Чтобы потолковать о житье-бытье с интересующимися людьми, с полуслова понимающими, о чем речь, поговорить по-свойски, как это бывает, о происходящих событиях, о делах повседневных, причин для этого всегда хватает, тем более в наше весьма брутальное время конца века поводов тому предостаточно. Как говорится, на каждом шагу.

Наряду с этим, в побуждениях такого рода дает себя знать и внутренний импульс наш всеглашней жажды искомой истины, интуитивный дозор, чтобы свериться, убедиться лишний раз что к чему, — действительно ли мир таков, каким он тебе представляется, и что скажут другие, действительно необходимо, наконец, доискаться. Сколько можно, черт возьми, все ее ищут, а она всем хвост показывает. И так всегда.

Разумеется, исчерпывающе ответить на все интересующие вопросы в таком ракурсе даже невозможно, и такого не бывает. Но процесс своеобразной «самонсповеди» в какой-то мере приближает мысль к действительности, к ее подлинной реальности.

В этот раз поводом для таких размышлений послужило то, что один знакомый журналист, годами, кстати, гораздо помоложе, сказал как-то при встрече:

— Вот вы однажды обмолвились, что ваше поколение пережило, как вы сочли тогда выразиться, шокую инкарнацию. Правильно я говорю? А если так, то, стало быть, вначале вы все в одночасье, ну, того самого, а затем, вроде, как, все сразу...

Я поспешил уточнить его мысль:

— Хочется сказать, что вначале мы все почли разом в бозе, а затем разом все воскресли в новом обличии? Не так ли? Об этом речь? Или о том, что такого в жизни быть — не бывает?

Журналист мой понимающе заулыбался:

— Ну, примерно об этом, — сказал он, веселея. — А то, что быть — не бывает, так чего уж тут такого, боже мой, чего, собственно, не бывает на свете! И к тому же, кому не хотелось бы воскреснуть, взять да воскреснуть! А! Похотят над Богом — глянь, мол, а мы вот, взяли да воскресли! Ни без каких санкций! А потому как инкарнация! Что, мол, скажите, о, Всемогущий, о, Всевышний? На кого мы походим?

— А оно так и есть, коли на то пошло, — отвечал я. — Да, мы теперь хохочем над собой. Не знаю, как на счет Бога, но над собой — да! Хохочем и спрашиваем себя между тем, а что же с нами приключилось, что-то такое, как по шучьему велению понашему хотению? Откуда мы такие свалились? Это мы изменили и поменяли эпоху или эпоха поменяла и изменила нас? Ха-ха-ха! Кто кого обдурил? И кто теперь всему этому судья, кто скажет кто мы такие теперь? Иные вон не знают, кого проклинать, кого благодарить. Перестройка виновата во всем, а не то бы жили, не тужили. А ведь мы это те, что при советах родились, «Спецконтингент 20 века», я так называю свое поколение в мысленных параграфах Евразии, а можно и шире. И надо понимать — это мы именно пережили экстренное перевоплощение, ту самую инкарнацию. Социальную, идейную, политическую, какую хочешь! И мы открыли путь, да-да, последующим и опять же через себя, через свои судьбы. В истории вряд ли бывало когда такое, коренной переворот и целое поколение проходит через самоотрицание, преобразая, переделывая тем самым эпоху, повторыю, на корню и без кровавых жертвоприношений...

— Это верно, такого не бывало. Пожалуй, никогда, — согласился мой собеседник. — Но надо ли, однако, благодарить Бога за эту причуду? Что это он к нам так привязался? Вот опять новый, небывалый геополитический эксперимент нам предложил. А мы на собственной шкуре, рады стараться...

— Думайте, как хотите. Свобода на блюдечке не подносится, во всяком случае. А вы ее жаждали. И вы ее получили. Извините, нашей ценой, так сказать. А что дальше, думайте сами, мы свое сделали худо-бедно...

— Ну и что думаете теперь вы о случившемся случае. Сами то довольны?

— Это не казус. Это история. История в лицах и судьбах.

— Хорошо. История. Как обернулась эта историческая метаморфоза для вас, для вашего круга людей, для современников ваших по инкарнации?

— А это так важно? Не мы сегодня погоду делаем, а вы, ваше поколение.

— Да я не этого допытываюсь. Опять — отцы и дети! Я не об этом. Мне просто хотелось бы знать вашу точку зрения. Ведь все в жизни измеряется с точки зрения личного убеждения, от себя. Истины тоже измеряются, простите, на собственный аршин. И от этого никуда не деться. Наше эго никак не упрямее от себя. Я вот о чем.— И помолчав, он сказал вдруг ни с того ни с сего, как мне показалось. — А потом каждый из нас напоминает чем-то плывущего в море человека, то ли доплывает он до берега, то ли нет. А море бушует. Корабли выкидывает на берег. Вы плывете или тонете?

Уточнять не было резона. Я понимал, чувял нутром, откуда этот ветер порывистых суждений, от каких берегов — от сумбура и от отчаяния, царящих в умах и в душах наших в шальное время незадействованной сполна свободы. Свобода есть, а девать ее оказалось некуда. Оказалось свобода любит хозяина! Паралокс? Детерминизм? Открытие?

А тяга к самоанализу — тоже признак вечной маяты и всегдашней озабоченности нашей, преследующей нас до наипоследних дней земных (завтра умирать, так нет — как там?), потому, что постоянно требуется знать, необходимо убедить нас сколько и как справедливо, вот именно, насколько и как справедливо сложилась жизнь вокруг, как живут люди на деле, в особенности там, в верхах (прежде за стенами крепостей и дворцов), ныне, напротив, напояк в ослепительно-загадочных «Диснейлендах» олигархов постигают акции «богов» и «визируются» их личными подвизами судьбы и деяния тех, кои именуются социальными массами.

Вот так, сдается и смонтирован нынешний мир — «боги-олигархи» крутят аттракционы баснословных нажив, а кто-то тянет шею, заглядывает через забор, тоже лезет туда, ищет хода туда...

Припомнились к слову стншки одного «стихоскладчика»:

*... Не потому ли все грешины
И нет святых в подлунном мире,
И нет ответа — кто же прав —
Богач или обманутый бедняк,
Который тоже растет в богачи?..*

Посмеялись над «мудрым» стихотворцем в проницательности ведь не откажешь.

Поговорили о том о сём и разминулись до следующего раза. Но истинная суть проблем и искомого смысла, затронутых в нашем спон-

танном разговоре, осталась втууне, недосказанной, подразумеваемой в потенциале.

Ведь даже упоминание «шоковой инкарнации» было, безусловно, лишь приблизительной метафорой в обозначении нечто неопределенного. В подлинной мере объяснить что-либо таким способом, разумеется, очень трудно. Ведь намек, как известно, есть лишь предощущение силуэта...

В действительности же окольный разговор наш был стихийной попыткой перекинуться в двух словах о том, что случилось с нами, с нашей жизнью постсоветской, где мы очутились на фоне того эпохального грандиозного события, потрясшего весь мир и к счастью его, всего мира и прежде всего для нас самих, пронесшего 20 век через пропасть еще одной революции без ее кровавых натуральностей. Этого мы избежали с легкой руки перестройки. И тем не менее не переставали думать, не перестали спрашивать себя — кем мы были, кем мы стали, каков баланс обретенный и лишений, что грядет впереди? Куда мы идем? И т.д.

С этим вопрошанием исходит наш век и в прямом, и в переносном смысле...

Казалось бы, все мы (все наши суверенные страны) уже прочно вписались в контекст мировой демократии, т.е. демократия со всеми ее атрибутами назыву и самое главное — капиталистический рынок в действии, он на полном ходу, а насыщенной удовлетворенности происходящим процессом так и нет. Это же самое можно сказать о прогрессе в целом — реформы, реконструкции опустыленного прошлого идут, надежды то угасают, то загораются... Ощущение же такое, что угоразило нас в клиповую эпоху со скольжением по бешеному льду. Фантастичность ситуации в том, как раз-то, что мы видим в умопомрачительных клип-монтажах на экране и есть в натуре сама наша жизнь вихревая. А мы-то воспарились в мечтах с предвосхищением чуда века, новой эры человечества... А теперь трепыхаемся, как птица в сетях... Судьба, что ли, такая, опять же есть всему этому, безусловно, обстоятельство, толковые объяснения, научные тоже, конечно, но свое глубоко субъективное видение почему-то ближе к душе. Вот и думаешь, и терзаешься чего-то.

Как ни обмолвиться, к примеру, о том, что для всех нас самое чувствительное в «клиповой эпохе на бешеном льду» проявилось в столкновении со смерчеполобным вызовом времени, когда мы наивные и доверчивые предстали перед поистине всемогущим Богом планетарного рынка по кличке Деньго — Бог, давно и коварно поджидавшего нас, полудиках «сожварягов», уравнильщик за углом.

И вот мы предстали воочию, и Он схватил нас за шиворот, поднес к глазам и приказал, грозно и свирепо глядя в лица, приказал, не мешкая ни минуты, пуститься в бега напереронки с мировыми спринтерами, ес-

лавинные деньги в одночасье. Так что Майкла Джексона, к примеру, можно считать гениальнейшим шаманом 20 века! Такого еще не было и не могло быть в предыдущих докибернетических эпохах.

Сила массового искусства в наглядном и неотвратимом действии рыночного спроса-предложения. Рынок же всеисцелен по той простой причине, что его искусство, опять же с генеральной простотой и цинизмом, сумело прочно и навсегда оседлать коня с тремя головами коня исподних и базовых инстинктов, живущих в нас от животной стихии — голода, страха, сека ... со всеми их бесчисленными вариациями в различных жанрах и действиях. На том модернизм и на скаку, гремя копытами по миру...

Искусство же избирательное, «пошлущного» изделия, искусство глубинного художественного проникновения с потаенной философией благородства, предназначенное индивидуальностям, духу и интимности оказалось бессильно, затоптанное толпой... Иные из нас говорят — так тому и надо! Ударим по воротам и стадион вскричит и занемет в экстазе!.. А что еще надо!

Но это не выход из положения...

Если даже бравый Голливуд «голливузирует» весь мир, все части света, к чему он и стремится как «самомонополизирующаяся» сила рыночного экрана 20 века, с этим, иждивенчески услаждаясь, мириться трудно... Надо искать параллельные и партнерские пути «добычи своего хлеба» в торгах на том же базаре.

Да, массовая культура — есть рыночная «лоббистка». В этом ее сила и опасность. Да, перед лицом массовой культуры, национальные культуры имеют полное право на самосохранение, на самозащиту, чтобы не утратить присущие им своеобразия. И в то же время, чтобы выжить, местным культурам предстоит искать путь компромисса и взаимодополнения с вторгающейся массовой культурой эпохи либерализма и, по всей вероятности, такое положение вещей надо воспринимать как новый исторический шанс, как синтез традиций и модернизма в эру демократизма. Наиболее интересный процесс в этом смысле наблюдается в нынешнем Узбекистане. Примером тому может служить ансамбль «Ялла».

На Исык-Кульском Форуме эти размышления о национальных культурах проявились в еще одном чрезвычайно актуальном и сопутствующем аспекте. Речь зашла о религиозном факторе в современных условиях и не столько о самих религиях, как таковых, достигших своего апогея задолго до систем нынешнего мира, но в том плане, когда религия срашивается с национализмом и порождает очень сложный гибридный разрушительного этнополитического свойства.

там с соседями, а затем к неизбежному заложничеству, к мукам в плену реванша и кровной мести.

В этом смысле пристальное внимание к проблемам национальных культур и внутри, и извне сочетают в себе актуальную и ответственную миссию современных интеллектуалов и политиков. Для них — для тех и для других — здесь общая обсерватория, палата дискуссий и скамья подсудимых.

Куда последуют тенденции грядущих цивилизаций, насколько смогут быть совместимы национальные различия культур в едином контексте мирового многообразия, как достичь максимального единодвижения на этом универсальном пути духа и тем самым предпослать поступкам отдельных личностей стратегию совокупной деятельности человечества — во многом будет зависеть от эволюции сегодняшних национальных культур, от степени их единства в многообразии.

Каждая культура требует своего места под солнцем, свой выход на свою сцену, свои возможности творчески реализоваться, но в то же время она не может быть только сама по себе. Опыт свидетельствует, любая культура полноценно развивается в том случае, когда она соприкасается, взаимодействует, взаимообогащается в партнерстве с другими культурами и из того складывается то, что принято называть общечеловеческой мировой культурой.

В параметрах нынешней истории этот процесс все больше осложняется, подвергается изменениям и мутации в связи с тем, что местные культуры попадают под жернова такого глобального явления, как массовая культура второй половины 20 века. Я не хотел бы утверждать, что масскульт нечто совершенно чуждое, далекое от подлинных ценностей, это не совсем так. Тут сирավелливо применять иные измерения. Массовая культура есть комплекс рынка и новых «технологий» искусства, порождение современных коммуникаций и благодаря тому, массовая культура, особенно в западном ее варианте, обладает оглушающей силой и супервлиянием на духовный мир человечества в параметрах всего земного шара, желаем мы того или нет. Я бы даже представил массовую культуру, как современный «шаманизм», как магический дух электронно-лазерного экстрасенса. Поразительное явление — языческий шаманизм воскрес в 20 веке в преобразенном облике и нашел свой момент истины, свою новую ипостась, когда техническая оснащенность действий способствует взрыву энергии, единовременному скоплению и соучастию в сеансах массакульты десятков тысяч, а через телевидение сотен миллионов людей. Есть, конечно, разница между природным, колдовским, ритуальным шаманизмом, движимым бескорыстным служением духу внутренних стихийных побуждений, и нынешним электронным шаманизмом, несущим

Примеров тому предостаточно – от Таджикистана до Алжира, от Боснии до Ирландии, от Афганистана до Ближнего Востока и т.д.

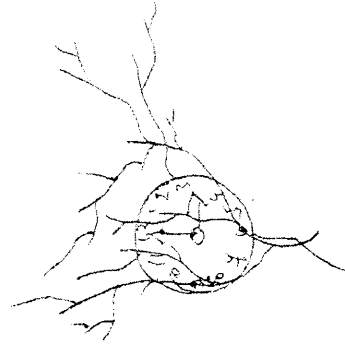
Иначе говоря, как только религия включается в политику, не сумев возвыситься над греховной сутью нашей, а безгрешных политидеологий не бывает, так стоит опасаться последствий такого альянса. На мой личный взгляд, религия не должна призывать к борьбе непосредственно с кем-то, с чем-то, и по большому счету, у религии не должно быть врагов в привычном понимании этого слова, врагов, с которыми она вела бы политическую схватку, находясь лишь на стороне своих приверженцев, религия не должна быть орудием борьбы одной части населения против другой.

Казалось бы, известные истины, и пусть для кого-то спорные, и тем не менее современным религиям не хватает в этом смысле божественного потенциала быть над людскими страстями, быть действующей моделью наивысшей морали, нравственности, гуманизма в понимании любви к людям через любовь к Богу, ибо любить Бога, если переступить через абстракцию, значит любить его творения – людей, род людской, пусть даже очень далекий от совершенства. Но на то и религия, на то и культура, которым ниспослана миссия духовного «локомотива» – постоянной тяги, продвижения человеческой сущности через падения, срывы, взлеты, ренессансы эпох, через грехи и покаяния к высотам совершенства... Дух человеческий в этом измерении космос...

III

Но персонально время нам строго отмерено. На Эйфелевой башне в Париже, почти на высшей точке этой знаменитой конструкции, установлено огромное электронное табло со светящимися четко и строго цифрами, видными отовсюду с набережной Сены, отмеряющими ежесуточно дни приближения к 2000 году, к 21 веку, к третьему тысячелетию.

Сегодня, допустим, светится цифра – 707, а завтра будет – 706, потом 705 и т.д. и наступит пора, когда тем, кому это приведется, будет отсчитывать оставшиеся дни, что называется, на пальцах рук... Вот осталось 5 дней, вот 4–3–2... и стибашь последний палец...

А пока подле Эйфелевой башни жизнь пребывает своим ходом. Всюду людно. И, насколько хватает глаз, вдоль берегов Сены и поперек через мосты не иссякают движущиеся автопотоки, заключающие в себе не уместимых ни в какие суперкомпьютерные файлы образ мыслей и побуждений едущих в машинах куда-то и зачем-то, а толпы парижан и прибывших повидать сей град Эйфелевых паломников заполняют тем часом площади, скверы, примыкающие улицы и аллеи, им всем потребно пребывать тут сейчас и здесь собственной персоной, и над всем этим пространством сверху глядит с электронного табло на мир очередная цифра приближения к 2000 году... Завтра сменится еще один день ожидания...

Итак, чего мы, особенно, хотим, чего мы так ждем, почему мы так заклинились на этой дате? Ждем прибытия 21 века. Мы ждем или, простите, нас ждут? Складывается впечатление, что там впереди что-то есть, что в грядущих днях нас кто-то или что-то ждет, уже не интеллантне ли, и мы томимся ожиданием и готовимся к этой встрече душой и телом и поэтому мы подводим транснациональные итоги минувшего бытия, анализируем, обобщаем, прогнозируем, составляем каталоги историй, пусть не всегда нас украшающих, спешим предстать в предвидениях, в переключках и уточнениях, чтобы всем достойно предстать, когда нам отворятся двери нового века. Вот, мол, мы здесь, здравствуйте! Кто вы будете? А мы!..

Прекрасная иллюзия! Посмеемся слегка сами над собой. А впереди, ведь ничего нет. Абсолютно ничего и никого, ничего кроме встречного движения физического времени, что от нас опять же абсолютно не зависит, слава богу. И, однако, существуют те, что ждут нас всерьез, они есть, те, что явятся к нам навстречу с открытыми объятиями – это мы сами! Такие, какие мы есть и такие, какие мы сможем быть завтра. Это и будет 21 век. И если отвлечемся от объективных моментов, определяющих историю и цивилизацию таких, как общественные и государственные системы, уровень производительности труда и совершенствование технологий, уровень наук и прочих слагаемых, то лик нового века уже в нас и с нами, т.е. в субъектах коим предстает обозначить новый период календаря, и поднять за собой новые поколения.

Но пока суд да дело, прикинем приблизительно, поглядывая на Эйфелевое табло, какими мы смогли бы быть, что привнесем мы с собой в наших классических натурах в новый срок истории, а именно – в достижениях и преступлениях, в познаниях и предрассудках, в войнах и примирениях, в искусстве и халтуре, в правде и лжи, в религиях и ересях, в любви и ненависти, в конкуренции и зависти и т.д. и т.п. О, боже, конца и краю нет тому, что мы несем в себе по жизни во всех проявле-

ниях добра и зла, света и тьмы, это и ждет нас, это и будет 21 век? Другого не дано.

Стоит ли гадать-предсказывать. Какие мы исходим на корню, какими мы сумеем стать в развитии тому и быть. И это касается, разумеется, всех нас, вместе взятых на планете. Дело тонкое, вообщем...

Но вот думается между тем, так ли уж изменимся мы в новые времена? Насколько к лучшему, насколько к худшему? Преобразимся? Возвысимся? Воспарим в духе? Приблизимся, склонимся к Богу, включимся истинно в Его деяния бесконечного совершенствования человека и, стало быть, мира всего или бешено запляшем в дискотеках Дьявола, давя, сокрушая, насиливая, обрывая провода традиций, связующих века и эпохи?... И почему так устроено — без Дьявола нет что ли Бога! Зачем он нужен Богу, гнал бы его куда подальше, и нам бы легче стало, а то ведь все отирается рядом... Кому судить что так, а что не так?

Размышляя в этом ключе, невольно думается и все-таки, какими мы предстанем перед собой в предвосхищаемом всеми 21 столетии? Вопрос не праздный для любого, кому доведется пребывать и проживать в ту пору. Да и тем, кому такого не будет дано, тоже не безразлично. У каждого может быть свое видение. К примеру, очень хотелось бы, чтобы так и свершилось, что так и будет, сбудутся прогнозы и программы научной футурологии, предсказывающей новый подъем либеральной цивилизации в странах, что принесет экономические и социальные улучшения в обществах. Нынешнее состояние мира тому гарантия.

Но вместе с тем я испытываю свои опасения. Иные читатели на здешних конференциях по Евроле спрашивают меня — почему я такой пессимист и высказывают мнение, что я человек трагического мировосприятия. Я не спорю, возможно, таким уродился.

Так вот то, что меня тревожит прежде всего в пределах родимо-постсоветских, так это шагкость, каверзность человеческого бытия, когда деньи космически всеильны, никакой дьявол, никакая идеология сравниться с ними не могут. На что социализм, претендовавший на мировую революцию, пытался одолеть деньги, а получилось наоборот. Да, понимаю, самоорганизация человеческого общества не возможна без денег ни дня, ни часу.

И вот возникает запрос к истории — сможем ли мы в новом столетии (задача для потомков) хоть как-то сбалансировать, вернуть, скорректировать влияние и силу денег в сторону откровенно бескорыстных, идеалистических приоритетов бытия, добиться, изыскать формы и методы служения тому капиталов или будет продолжаться прежний крен ко-рабля — все большей порабощенности живого духа сим абстрактным владетелем мировых ценностей потому необоримым титаном? Я уже не говорю, допустим, о роли и диктате денег в таких унифицированно зави-

мых сферах как наука, искусство, включая и литературу, гуляющую ныне по базарам даже без мини-юбки, о том же киноискусстве, возгоняемого в глобальный супербизнес с телевидением на подхвате, не об этом пока речь. Уверяют, что со временем, все перемелится, все устроится, вообщем, культура выживет, оклемается и т.д. Дай-то, Бог!

Да и что там культура и около того, когда другие жизненные горизонты охвачены нылающим пожаром коррупции, мафиозности, грабежей и бандитизма, насилия и попрания законов, кидальщиками то и дело на лопатки беззащитную, покаленную демократию, и что все это, якобы, проявления неизбежной детской болезни пока не устоявшегося общества... Можно и это понять с горечью и отчаянием, надеясь, что перейдем и такую беду.

Но то, что меня потрясает и с чем я никак не нахожу внутреннего примирения, так это то, с каким беспрецедентным цинизмом, с какой лихостью и одновременно деловитостью и широчайшей «макдональдзовской» рекламой процветает ныне бизнес торговли оружием. Существуют уже громоглазные корпорации, занимающиеся таким исключительно доходным делом, оперируя на суше, на море, в воздухе и, конечно, в «спренсподне»... (Простите, опять деньги...)

Понимаю — конкуренция на мировом рынке оружия, понимаю — отсележиваются колоссальные сделки, а раз так, то все остальное, всякие там мелочевки насчет «мира во всем мире» напрочь отбрасываются. Понимаю, наконец, мы все, весь род людской, все как один заложники «Бог-та война», а он таки существует тресклятый от дней сотворения... И вот сейчас в угоду ему происходит на земле усиленное взаимоворужение. И мы все на удочке, одни продают оружие, другие покупают, вооружаются и дают деньги на продолжение эскалации, на гонку эпидемии этой пагубы и гибели.

И тут всееленский абсурд — или мы с ним, принося ему, богу войны, кровавые жертвоприношения, а беспричинных войн нет, тому миллионы причин и оправданий, или мы без него и значит без оружия — и тогда мы как без рук, и тогда мы беспомощны, обречены сгинуть, не умеем жить в мире. А думаем ли мы о том, чем компенсировать отсутствующие войны, если такое вдруг приключится? Никто не знает. А потому оружие всегда было прежде хлеба... Трагично, действительно, трагично и безысходно.

Но ведь было же уже на нашем веку, ведь недавно еще, только сошедшая со сцены эпоха послевоенных и перестроечных лет, если и внесла что-либо великого и уникального в мировую историю, в летопись 20 века, то это был как раз тот удивительный порыв человеческого духа, всемирное движение за мир, преодолевшее немислимое, непреодолимое в веках — парадигму необходимости и обязательности войны, как тако-

вой. Спасение совершилось. Но коротка наша грешная память. Теперь это миф, отснявший пылающей кометой над человечеством, озаривший триумф разума. Сама фраза «борьба против гонки вооружений» начисто исключена ныне из употреблений и политиков и бывших борцов за мир, ее обходят издали, да поскорей, потому, как все больше обвешиваемся мы самым разнообразным оружием, пусть не атомным, хотя и это где-то под вопросом, мало ли таких, что хотели бы иметь его в запачке, и теперь бряцание оружием это как бряцание монетами в пригоршне. И то и другое взаимосвязано... так получается. Чем больше продашь оружия, тем больше оно производится.

И все больше напирает, наглеет торговля оружием в мире... Зло радуется, торжествует, мстит за недавний мораторий века...

Понятно, что проблема неразрешимая, человечество пока вынуждено производить оружие, и те sloи, что заняты этим делом на то и живут, хотя и впустую вгоняя и труд, и энергию, и средства в необратимое бесполезное действие.

И снова вернулись мы оптом на круги своя, интеллигенция почему-то молчит и на Западе, и на Востоке, видите ли, национальные интессы, а их можно истолковать, кто как умеет. Оказавшись превыше и важнее всего эти перипетии с «национальными интересами» и это крупнейшее противоречие в роду и судьбе всего человечества. Беда на круг. А по отдельности каждый по-своему прав и полагаются в случае чего на оружие, на войну... Вот так мы устроены люди грешные и простые смертные, повинные в собственных бедах, понимающие и страдающие от собственных фетишей, гибнущие на войнах и снова воюющие... И все больше накапливающие оружие, оружия, оружия! А раз так, гони деньги, клади в карман, возносись на хребте капитала, торжествуй, триумфствуй, безумствуй... Демократия все выдожит, свобода всему даст волю. И добро и худо...

И если, действительно, Бог сотворил человека по своему подобию, как утверждают великие религии, то не очень-то, позавидуешь и Ему. Мог бы придумать что-нибудь поинтереснее, во всяком случае, что-то более логичное... Но что есть, то есть...

Простите, вот такой я несемист, не зря читатели упрекают меня в том...

И не мне бы казалось, многие лета уже позади, сильно терзаться, глядя на таблю Эйфелевой башни, отмечающее ускоряющееся приближение нового захода истории, 2000 года и последующих дней земных, несущих в себе тайну будущего детей наших, ведь апогей моего поколения уже позади. Это было недавно и уже давно, когда мы боролись за мир во всем мире. Кому-то из нынешней олигархии покажется теперь смешным. Пусть. Но это мы преодолели тоталитаризм, это мы вышли к

демократии. Вот и думается, часом, как и насколько творчески преобразят свою эпоху молодые поколения?

Старт приближается... История наготове... Слышится отдаленный колокол нового тысячелетия... Вы слышите?

Стоны заблудившихся лебедей, или Тайна медуз

Долго разносился над горным ущельем полный отчаяния и обреченности плыч Кожажаниа, проклинавшего свою безмерную жестокость, безжалостность и несправедливость, которые привели его на этом роковой утес и обрекли на неминуемую позилель. И всякий, будь то человек или зверь, слыша этот горестный вопль, содрогался от ужаса и страха...

Но что пользы от самого горького раскаяния, если оно пришло слишком поздно...

*Издревле к песне человек привык,
Всяк на свой лад всю жизнь ее поет.
А стой в горах,
и чудо — через миг
Бесстрастно эхо голос твой вернет.*

*Мир справедлив, он этим и хорош.
Посещь зло — и горе соберешь.*

*Спасенья в том и либели удел,
Что все добро, творимое тобой,
И зло твобю совершенных дел —
Минует срок — и жизнь вернет с лихвой.*

Ч. Айтматов. — Однажды Всевышний сказал человеку: «Отдаю тебе во власть все живое на земле. Вот тебе бескрайние равнины, высокие горы, глубокие моря, прозрачные озера, дремучие леса. Будь властителем и всей животной твари. После меня ты второй, кто будет в ответе за все. Станет ли прекрасной земная жизнь или пойдет прахом — зависит от тебя. За все ответ будешь передо мной держать ты». Так человек удостоился великой чести и безграничной власти.

Думая о том, сколько живого еще существует на земле и сколько загублено рукой человека, становится не по себе от возникающих неведомых мыслей...

У кыргызов есть одна удивительная древняя легенда про знаменитого охотника Кожажаша и его трагическую судьбу. В свое время я рассказывал ее видному японскому философу Дайсаку Икэде. Впоследствии я заново переписал народную притчу, дополнив ее новыми историями.

Много-много лет тому назад на исконно кыргызской земле с ее необъятными степями и высокими горами жил молодой охотник по имени Кожажаш. Он был метким стрелком, легко попадавшим в глаз пугливой дикой козе, стремительным, как птица, когда гнал и заваливал волка, отважным храбрецом, покорившим не одну горную вершину. Его добычей кормились не только близкие и дальние сородичи, но и весь аул. Кожажаш, единственным желанием которого было убить любого попавшегося на глаза зверя, ощущал себя хозяином этой земли, был важен и самодоволен.

Как-то раз, приготовив в подарок выделанные роскошные шкуры барса и лисы, шерсть которых была пушиста и нежна, он отправился со сватами к любимой девушке-красавице и договорился о дне свадьбы. Было ясно, свадьба потребует больших затрат. Но все, чем был богат Кожажаш, он добыл лишь охотой. И пришлось ему еще чаще выбираться на охоту и убивать еще больше разного зверья. Ничего не жалел он ради красавицы-невесты и потому, не зная покоя ни днем, ни ночью, не шадил охотник ни зверя, ни птицу, что попадались ему на пути.

И вот однажды, рыская по окрестностям в поисках добычи, охотник вдруг наткнулся на семейство нутрий, в котором отмечали проводы невесты. Темной ночью при лунном свете нутрий, словно люди, веселились на свадебном тое, а затем с песнями и плясками повели невесту в соседнюю нору к жениху. Увлечшись весельем, зверьки позабыли о привычной осторожности. Навстречу невесте из норы вышел счастливый жених в окружении сватов. Встретившись друг с другом, обе стороны с удвоенным весельем продолжили свадебный той. Молча наблюдая за всем этим действием, Кожажаш вспомнил о своей невесте и о предстоящей свадьбе. Шкурки нутрий представляли собой немалую цен-

ность. Красивей и дороже их трудно было бы что-то найти. Если пойти сейчас всех этих красивых зверьков, это ли не богатая добыча? Кожажаш быстро скинул с себя тулуп и тут же, накинув его на весельящихся и ничего не подозревающих нутрий, принялся душить их одну за другой...

Так же безжалостно он перестрелял многих горных коз, загнанных им в горную расщелину. Уцелевшая Серая Коза подошла к охотнику и сказала: «Такого меткого охотника, как ты, способного попасть в глаз дикой козе, наверно, нет больше на всем белом свете. Но всему есть мера. Похоже, ты об этом забыл. Прошу тебя, — Серая Коза заплакала, — прояви милосердие, не трагай больше нас. Из всего нашего племени в живых остались только я и Серый Козел. Дай нам возможность продолжить свой род».

Однако ответ Кожажаша был коротким. Меткий выстрел напавал сразил Серого Козла. И тогда разъяренная Серая Коза вскричала: «Ты убил продолжателя рода теков. Твоя пуля уничтожила все наше племя, не оставив надежды на потомство. Будь ты проклят, Кожажаш! С этой минуты ни один твой выстрел не сразит ни единое живое существо! Если не веришь, попробуй, выстрели в меня!»

Упрямый и самонадеянный охотник презрительно рассмеялся в ответ — на эти слова Серой Козы. От этого громкого, раскатистого смеха с гор посыпались камни. Но слова Серой Козы оказались ящими. Недрогнувшей рукой Кожажаш выстрелил в нее, но ни первая, ни вторая, ни третья пуля не попали в животное.

— Ну что ж, тогда я догоню тебя и зарежу ножом! — вскричал разозлившийся охотник и бросился за Серой Козой. Но она быстро и легко взбиралась вверх по каменистому ущелью, перепрыгивая с камня на камень, со скалы на скалу. И также стремительно и неотступно преследовал ее Кожажаш и не заметил, как оказался на самой вершине утеса, где никогда прежде не ступала нога человека. Опомнившись, он оглянулся и увидел вокруг себя лишь отвесные голые склоны. Обратного пути не было. И тогда Серая Коза сказала:

— Вот и пришла расплата за бесчисленных истребленных тобой зверей. Сколько слез было пролито нами из-за тебя, поплачь же теперь и ты в свой последний час!

Долго разносился над горным ущельем полный отчаяния и обреченности плач Кожажаша, проклинавшего свою безмерную жестокость, безжалостность и несправедливость, которые привели его на этот роковой утес и обрекли на неминуемую гибель. И всякий, будь то человек или зверь, слыша этот горестный вопль, содрогался от ужаса и страха.

Но что пользы от самого горького раскаяния, если оно пришло слишком поздно...

Принявшая на себя столь тяжкий удар судьбы, невеста Кожакаша отправилась в горы на поиски Серой Козы, чтобы вымолить у нее прощения. В этих поисках прошло много лет, но Серая Коза куда-то исчезла. Невеста охотника состарилась, превратилась в старуху. Измученная горем и страданиями, женщина однажды набрела на нутрий, праздновавших свадебный той. Была темная ночь, ярко светила луна, и в ее свете радостные зверьки пели песни и плясали, провожая к жениху счастливую невесту.

Видя это, невеста Кожакаша горько и безутешно заплакала:

Отчего судьба не дала мне хотя бы немного такой радости, как у этих зверьков!..

М. Ш. — Пригича о Кожакаше — это высшая степень человеческого страдания. Человек оценивает ситуацию с разных точек зрения, по-разному понимает ее, но единственный путь к пониманию лежит через трагедию.

Ч. А. ... Однажды в Люксембурге ко мне приехали немецкие кинематографисты и сказали, что хотели бы снять обо мне фильм.

— Как вы хотите его снимать? — спросил я их.

— В Вашем кабинете, где мы и будем беседовать.

— Это будет повторением прежнего. Есть одно место особенно любившееся мне. Идемте, начнем наш разговор оттуда. ... предложил я и повел кинодеятелей за собой.

Мы пришли к скоростному автобану, протянувшемуся по линии Брюссель — Люксембург — Триер — Ковпец — Франкфурт. По этой магистрали днем и ночью на огромной скорости мчатся в шесть рядов в оба направления разные автомобили. Вдоль автобана с обеих сторон на сотни километров протянулись прочные металлические ограждения. И эта бетонная лента рассекала горы, поля, леса и озера. Животные, оставшиеся по разные стороны магистралей, лишились возможности перебраться на противоположную сторону. Нарушилась целостность природного пространства. И что же придумали люди, чтобы решить эту проблему? Через каждые десять километров над автобаном перекинулись специальные мостики для оленей, кабанов, зайцев, скорпионов и змей. В нашем же отечестве, не говоря о животных, даже для людей построить такие красивые навесные мостики — непосильная задача.

Подойдя вместе с кинематографистами к этому уникальному мосту, я сказал:

— Вот пример победы человечности над эгоизмом, сочувственного отношения к природе.

Я взойшел на воздушный мостик и начал свой рассказ для будущего фильма. Позднее его съемки были продолжены здесь, в Кыргызии, на земле Таласа. Многие из молодых и старых, которых ты видел в аиле Шекер, попали в этот фильм. Но дело не в этом. Главная проблема — в ответственности каждого человека за экологию.

— Сколько бы мы ни призывали не истреблять волков и лисич, медведей и белок — толку от этого мало. Самое главное — воспитывать в людях сочувственное, доброе отношение ко всему живому, желание помочь ему и изменить ситуацию к лучшему.

Эти мостики, которые я видел в Люксембурге, словно говорят животным: «Простите нас за это грубое вторжение в вашу тихую жизнь, за нарушенный покой и испорченную природу. Эти мостики для вас, пользуйтесь, пожалуйста!» Как нам этого не хватает! Много мы проносим хороших слов по этому поводу, но все так словами остается.

М. Ш. — В Вашем романе «И дольше века длится день» верблюд Едигея Каранар каждой весной, срываясь с привязи, мчался в степь, рыскал по окрестным аулам и разездам и, утолив накопившийся за двенадцать месяцев голод атана, возвращался к хозяину исхудавший и обессиленный. Да и сам Едигей хорошо знал норов Каранара и, выпустив из загона самца, не утруждал себя его поисками, а ждал его возвращения. Если вдуматься, у этого Каранара было собственное «я». Обладая могучим инстинктом, он был способен смести любую преграду, возвращающую на его пути.

Как-то мне довелось посмотреть весьма познавательный фильм о жизни диких оленей. Очень интересно было наблюдать за тем, как эти обычно смиренные и кроткие животные, обычно дружно выбирающиеся отбе подходящие пастбища и места для водопоя, вместе защищаются от хищников, вдруг собираются на открытой поляне и начинают меряться силой. В период случки самки оленей, теснясь и дрожа всем телом, выкаются неподалеку в кучку, а самцы, грозно направив друг на друга ветвистые рога, бросаются в бой. Сцепившись в хватке, они затем отходят назад и, разогнавшись, снова сталкиваются лбами. В этот момент кажется, что рога их не выдержат столь сильных ударов и разлетятся во все стороны.

Был среди этих самцов один рослый красавец, могучего сложения, который годом раньше в такой же хватке победил всех своих соперников и стал обладателем двадцати с лишним самочек. И в этот раз он легко и быстро разделался с восьмью рогатыми самцами. Казалось, от сильных ударов мощных оленьих рогов вспыхивали искры. Победленные самцы, поникнув, отходили в сторону. В конце концов на поляне остались прошлогодний победитель и молодой строптивый самец.

Схватка между ними затянулась дольше обычного. Никто из двух бойцов не думал сдаваться, не желая признать себя побежденным. Отважно доказывая свое превосходство, молодой олень собрал все силы и нанес сопернику сокрушительный удар, оглушив его, затем боднул напоследок под ребра и прогнал прочь с поляны. Самки, с трепетом наблюдавшие за происходящим, тут же сгрудились возле победителя, покорные его воле...

Что значит борьба за место под солнцем...

Ч.А. — Инстинкт продолжения рода у животных развит очень сильно. Разве не заложена великая закономерность самой жизни в этой битве самцов-олений в брачный период? Суровый закон самосохранения и выживания требует от животных естественного отбора, продолжателями рода должны быть самые здоровые, сильные, храбрые. И этот бой оленей не что иное проявление их ответственности за будущее поколение.

Не зря говорят: «Что Аллах отцу дал, то и сыну даст». Эта поговорка — подтверждение того, как в природе в бескомпромиссной борьбе происходит естественный отбор и обретается право на воспроизведение потомства. Ведь естественно, что большие, ослабленные олени породят таких же неполноценных особей, которые не смогут выжить в суровых жизненных условиях и будут обречены на гибель.

М.Ш. — Судя по результатам научных исследований, не только животные, но и растения, цветущие весной и засыхающие осенью, обладают только им присущим «нравом». С помощью ультразвуковой аппаратуры ученые-биологи провели с листьями растений следующий интересный эксперимент.

Внедрив в стебель растения специальный прибор, ученый протягивал руку, чтобы оторвать листик от растения. Едва рука задела лист, как тут же на экране возникло дрожание, отождествляющее, по мнению исследователей, чувство страха. Дальнейшее состояние растения специалисты расшифровывают так:

— Осторожно! Возникла опасность!

— Погибну я или буду жить?

— Меня схватили!

— Я погнбаю!

И едва лист был сорван, как с экрана тут же исчезла тревожная дрожь, что говорило о том, что оборвалась чья-то судьба.

Насколько же удивительна природа, что дает даже самым обычным, неприметным и, казалось бы, безжизненным листочкам столько разнообразных чувств и ощущений. Ну а мы тем временем истребляем не только листики, но и целые леса.

Ч.А. — Как-то я прочитал о том, какие любопытные наблюдения были проведены над растущими в саду гвоздиками. Если над ними склонялись молодые красивые девушки, цветы раскрывались и будто радовались этому. Если к ним подходил неприятный человек, то они недобольно съеживались. Ну а стоило приблизиться к цветам накурившемуся или хмельному человеку, они тут же закрывались. Разве это не удивительно?

Да, у всего живого на земле есть свое «я». Что же касается животных, то их сознание сформировано на определенном уровне. И поэтому они не лишены таких чувств, как симпатия или антипатия. Мало того, порой среди животных можно наблюдать проявление таких благородных чувств и поступков, которым можно поучиться и людям.

Например, лебеди, которых в народе считают благородными птицами, еще совсем юными соединяются в пары и весь свой век живут в очень тесном союзе. Многим не раз доводилось наблюдать, как лебедь, у которого погибла спутница жизни, взмывал ввысь и камнем падал на землю, не вынеся разлуки, или же отказывался от всякой пищи и добровольно обрекал себя на голодную смерть — так сильно бывает лебединая любовь.

Думаю, в целом большинству живых существ, обитающих на земле и в воде, присущи чувства симпатии, жалости, злости и ненависти. Некоторые гайцы, живущие в Гималаях, говорят молодоженам такие слова свалебного напутствия:

Желаем вам такой же любви, как у китов, и верности, как у собак. Более высокого благословения у этих народностей, говорят, не существует.

Всякому владельцу собак известна их верность, но о любви китов я ничего не знал и часто по этому поводу задавался вопросом. И лишь недавно, прочитав в одном из печатных изданий об истории, случившейся в районе Калифорнийского залива, я нашел ответ на свой вопрос.

Китобойное судно «Аторранте», занимаясь своим промыслом, встретило в водах пролива пару кашалотов. Смертельно ранив самку и подцепив добычу, судно потащило ее за собой. Решив, что его подруга попала в плен, самец последовал за ней, пытаясь как-то помочь выбраться на волю. Долго кашалот кружил рядом, неотступно преследуя судно, и, наконец, понял, что его подруга мертва. Обуреваемый яростью и отчаянием, кит ринулся в атаку. Он бросился на судно всей своей огромной массой и тут же опрокинул «Аторранте». Не успела команда порадоваться удачному лову, как сама оказалась в беде. К счастью, всем членам экипажа удалось спастись.

ком маленький аквариум, мы благополучно уничтожили многочисленные виды животных, обитавших в нашем регионе.

Чике, не зря говорят: «Не ценится то золото, что носится». Как-то Вы говорили, что у некоторых народов принято предлагать самым почетным гостям в качестве деликатеса мясо сайгака. А ведь в Горгайской области в 1988 году погибло около миллиона сайгаков. Возможно, это произошло вследствие испытаний на Семипалатинском полигоне либо из-за деятельности центра закрытых испытаний бактериологического оружия «Возрождение», который располагался тогда близ Аральского моря. Тем не менее, ни одного виновного или ответственного за эту страшную трагедию так и не нашли. Сколько мы ни били тревогу, сколько ни писали в различные инстанции – все было напрасно. Я, например, лично встречался в качестве Президента Международного комитета «Арал – Азия – Казахстан», а также в качестве народного депутата Верховного Совета СССР с Президентом Горбачевым, Министром обороны СССР Язовым, Министром здравоохранения СССР Чазовым и вручил каждому из них письма с требованием проведения расследования этой национальной трагедии.

В ответ на это обращение мне заявили, что сайгаков внезапно постигла какая-то тяжелая, заразная болезнь. С этой лживой отпиской меня и отправили восвояси. Вслед за этим произошел развал Союза, и этот вопрос так и остался открытым.

Ч.А. – В наше время кожажи стали гораздо сложнее и хитрее. Не так ли? Их не так-то просто поймать за руку.

М.Ш. – По телевидению как-то показывали беседу с человеком по имени Жума Жумаев, которого в младенчестве украли волки, среди которых он и вырос. Многие годы он прожил подле волчицы вместе с ее волчатами и уже совсем одичал, когда его случайно обнаружили охотники. Сначала им пришлось погоняться за диким юношей, прежде чем удалось его поймать и посадить в железную клетку.

– Когда люди посадили меня в клетку, моя мать (так он называл волчицу), рискуя жизнью, отчаянно пыталась освободить меня. Она кушала железные прутья клетки, кружила вокруг, пытаясь проникнуть ко мне. К сожалению, охотники застрелили ее. Живя с волками, я не видел ничего плохого. Они очень справедливые. Но среди людей такие добрые отношения и помощь я встречал очень редко, – рассказывал Жума.

В Вашем романе «Плаха» волкам отведено особое место...

Ч.А. – Прежде чем писать об Акбаре и Тасчайнаре, я изучил характер, повадки, саму жизнь волков прочитал много разных книг. В целом, жизнь волков подчинена строгой дисциплине и очень интересна.

Главная ошибка человечества, думается, лежит в полном игнорировании чувств и ощущений, собственных другим представителям живой природы.

М.Ш. – В словах великого Циолковского о том, что вмешательство человека несет в себе печаль, а земной шар стареет все быстрее, кроется большой смысл. Недавно узнал из зарубежной печати об одном интересном случае, который заставил задуматься о многом. Некий 26-летний Фрэнк Чарней, страстный любитель всевозможных рыб, поймал в реке сома, принес домой и запустил в аквариум. Шло время, сом рос и через год аквариум стал для него тесен. Рыба уже не только не могла плавать, но даже и просто повернуться. Однако хозяин ухаживал за ней, хорошо кормил, а иногда они даже вместе смотрели телевизор.

Все испортила возлюбленная Фрэнка, однажды рассорившаяся с ним. Желая отомстить, она от «имени» сома пожаловалась известному защитнику прав животных Эдвигу Кренку. В результате проверки Фрэнка признали виновным в том, что он не создал для сома надлежащих условий, посадили на пять часов в тюрьму и оштрафовали на крупную денежную сумму.

Обращаясь к Фрэнку, защитник прав животных с возмущением заявил:

– Я впервые встречаюсь с таким проявлением жестокости. Если бы Вас самого вернули в шубу, лишив движения, каково было бы Вам? Кто может утверждать, что рыбы бесчувственны? Значит, мы не вправе делать их несчастными. Вы заслуживаете более сурового наказания, Фрэнк!..

Ч.А. – Некогда один коренной житель Алтая рассказал мне такую историю: как только в предгорьях поспевали малина, яблоки, груши, смородина, туда немедленно устремлялись горожане. И хорошо, если бы они спокойно собирали ягоды и также спокойно удалялись обратно. Так нет же: как правило, люди варварски обдирали кустарники, калечили растения, ломали ветки деревьев, доставая плоды, жгли по ночам костры, пили водку, громко распевали песни, спугнув таким образом всех животных, обитавших в этих краях. Лишившись привычного лакомства и покоя, однажды медведи спустились с гор и накиннулись на людей, которые едва успели попрыгаться. Затем, словно в отместку человеку, звери устроили погром на улицах и перевернули несколько машин.

После этого случая горожане как будто осознали свое чересчурвольное обращение с природой и стали более дисциплинированными.

М.Ш. – В то время как за границей сломанная ветка дерева воспринимается почти как личная боль, а хозяина сома штрафуют за слиш-

К примеру, волки никогда не нападают на скот, находящийся на занятой ими территории, если только зима не выдастся чересчур суровой и их не одолеет голод. Напротив, они не подпускают сюда других волков – чужаков и таким образом охраняют свою местность. Волки одной стаи каждую ночь по очереди следят за своей территорией, повсеместно обозначая ее границы своими испражнениями. Особенно усиливается такое дежурство, когда у волчицы появляется потомство. Стоит только на территории стаи появиться чужому волку, как его тут же прогоняют, понимая при этом, что если чужак загрызет или покалечит скот, хозяин увидит в этом вину местных волков и кара может пасть на невинных волчат. Какова логика у этих хищников!

М.Ш. – До сих пор помню рассказ, услышанный мною в далеком детстве. Неподдалеку от двора дома, где жил один чабан, охотилась волчица. Чабан занимался своим делом и не трогал волчье семейство: волки жили сами по себе, не причиняя ему беспокойства. Так они тихо и мирно соседствовали друг с другом долгое время.

Не раз аульные джигиты вознамеривались забрать волчат у волчицы, но чабан и близко не подпускал их. Нет на свете злее зверя, чем волчица, у которой отобрали волчат. Случись такое, и она незамедлительно перегрызет всех баранов в загоне. Да и волки – отец и мать семейства – тоже верно охраняли отару своего соседа, не подпуская своих дальних сородичей. И тут случилось неожиданное. Вылезшие из норы волчата, резвясь и играя на солнышке, нечаянно загубили одного ягненка. Это увидел и чабан. На следующий день, выйдя посмотреть, как же теперь ведут себя волки, он с изумлением обнаружил в своей отаре незнакомое белого ягненка с болтающейся на шее веревкой.

Любопытно то, что волки, «устыдившись» проделок своих волчат, в ту же ночь проникли в чужой загон, выкрали оттуда ягненка и «подарили» его соседу-чабану.

Ч.А. – В жизни животных немало интересных историй. Проблема, однако, в том, что мы смотрим на животных только как на животных и не пытаемся понять их внутреннее состояние.

М.Ш. – Мы привыкли относиться к природе по принципу «все вокруг наше, что хотим, то и творим». Строгие статистические данные говорят о том, что в течение последних 90 лет только в Алматы и ее окрестностях количество зеленых насаждений уменьшилось на 57 процентов. А ведь лишь одно семи-восьмилетнее дерево выделяет в сутки столько кислорода, сколько необходимо двум людям для дыхания. Выходит, губя природу, мы рубим сук, на котором сидим, то есть фактически укорачиваем себе жизнь.

Мы часто забываем о том, что вода, воздух и земля – наше бесценное богатство. Нарушится биологическая связь между ними – ухудшится жизнь. От обитающих в воде одноклеточных до огромных китов, от растущей на земле тростники до густых лесов – все, кто способен, наслаждается этим природным даром. Но двуногие и четвероногие существа могут подвергнуться физиологическим изменениям и психологическим аномалиям там, где нарушено естественное состояние природы.

Ч.А. – Уже прошло много лет, а память моя хранит два случая, наделавших некогда немало шума на страницах периодической печати.

Одна сельская жительница Красноярской области собрала летом в лесу грибы, засолила их в стеклянных банках и оставила до зимы. Ранней весной, почувствовав запах грибов, хранившихся в погребе, она спустилась вниз и, о ужас! – увидела прямо перед собой раздутое, вспухшее чудовище. Чудовище вцепилось ей в ногу, и бедная женщина дико закричала не своим голосом. Когда она огромным, нечеловеческим усилием вырвала ногу из страшного «капкана», то на пальцах уже не осталось мяса, торчали лишь обглоданные кости.

Ученые исследовали это неизвестное ранее бесформенное существо и решили, что это – мутант, появившийся в результате воздействия на грибы радиоактивного излучения. И теперь вопрос об уничтожении этих мутантов, растущих с кажлым днем, обладающих невероятной прожорливостью и легко прогрызающих железо и бетон, становится очень большой проблемой.

Другое чудовище XX века зародилось в недрах Бермудского гротульника. Какая загадочная сила могла превратить обычную сорокасантиметровую безобидную медузу, мирно обитающую в морях и океанах, в опасное, сиючасеющее вокруг себя гибель существ? Подумавай хорошенкочко, можно вспомнить о том, что некогда в районе Бермудских островов потерпела аварию советская подводная лодка с ядерным оружием на борту. В результате этого в районе аварии в воде распространилось большое количество вредных радиоактивных веществ. Под их воздействием медузы начали быстро увеличиваться в размерах и превратились в огромных и страшных мутантов длиной до шестидесяти метров.

И сейчас эти чудовища, пренебрегая крупной рыбой и даже дельфинами, нападают на лодки и небольшие яхты, попадающиеся им на пути. Длинные красновато-синие щупальца, расстущие из этого безобразного туловища, едва касаясь жертвы, обжигали ее и тут же выпускали смертельный яд. За короткое время мутанты явились причиной гибели более двадцати моряков. На сегодня число жертв быстро увеличивается и приближается к двумстам.

Таким образом, хрупкий гриб, который может слух с места сильный порыв ветра, и беспомощная морская медуза, подвергшиеся воздействию радиоактивных веществ, явили собой, новую смертельную угрозу для человечества. Что же будет, если радиоактивными мутантами станут такие крупные представители животного мира, как львы, слоны, крокодилы, киты и акулы? Можно ли представить масштабы бедствия, которое они могут причинить окружающим?

Думаю, каждый образованный человек должен задуматься над словами Циолковского, который в свое время предрек: человек совершил насилие над природой, и теперь должен ждать насилия природы над собой.

Об этом же говорит и неожиданный (и просто пугающий) предположение ученых о том, что жизнь на земном шаре до нас повторилась четырежды.

Если верить этой гипотезе, то конец всему живому на Земле сначала наступил во время глобального землетрясения, потом в результате тотальной кровавой войны, затем вследствие изобретения сверхмощного оружия и, наконец, во время всемирного потопы. А причиной всех этих катаклизмов является нищание человеческой души, алчность и безбожность людей, толкающие их на истребление природы. Вот где кроется истина!

Мы — представители пятой цивилизации на Земле, главная наша проблема — сможем ли мы в будущем уберечь земной шар от катастрофы или нет. Существует предсказание, что если люди не изменят своего бездушного отношения к природе и друг к другу, человечество погибнет в огненном вулкана. И каждому останется лишь уповать на милость Всевышнего. При этом говорят, что перед концом света земля разверзнется у нас под ногами.

Говорят, Бог сказал: «Я все отдал человеку, только желания оставил себе». Верно. Вся проблема в наших желаниях и стремлениях. Не обретя духовности, мы никогда не достигнем благополучия.

Говорят, развитая цивилизация — враг природы. Это ошибочное мнение. Главный виновник здесь — сам человек, который не способен мудро и рационально пользоваться благами созданной им самой цивилизации. Не говоря уже об остальном, многие ли из нас могут взять да и посадить хотя бы одно деревце весной? Скорее всего, нет. Думаю, трудно найти более яркий пример нашего бездушия.

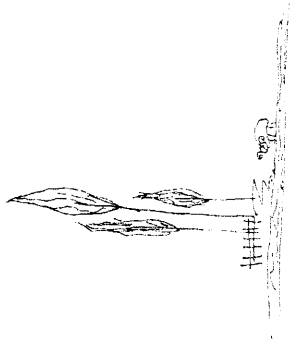
М.Ш. — Если бы каждый из нас посадил для своего ребенка или любимого человека по деревцу, это было бы так прекрасно! Жаль, что такие качества у нас не воспитываются.

Как-то весной в Бишкеке был устроен большой городской субботник. На этом субботнике мы, послы разных стран: Метин Гокер

(Турция), Рам Сваруп Мукиджа (Индия), Яо Пэй-Шень (Китай), Ален Малой (США), Михаил Романов (Россия), Назар Аббас (Пакистан), Мортеза Тавассоли (Иран), Александр Тумор (Белоруссия), мэр города Бишкек Борис Силаев и я посадили по деревцу на небольшой красивой площадке. В будущем это, безусловно, станет лучшей памятью о тех, кто здесь работал и жил. На том субботнике я посадил еще одно деревце в честь моей дочери Айчурек.

Конечно, одним-двумя саженцами не исполнить сыновний долг перед нашей землей. Но разве не из малой благодарности вырастает большая доброта?

Ни для кого не секрет, что атмосфера Земли отравлена различными газами, пылью и радиацией, что порождает огромную опасность для нашей планеты. В связи с тем, что воздух во многих городах мира с миллионным населением отличается особенной загрязненностью, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) пришла к мнению, что в такой среде нельзя находиться детям до 8 лет. В списке этих городов числятся и Алматы...

Ч.А. — Помню, как около десяти лет тому назад Токио с населением более 13 миллионов человек из-за большой загрязненности воздуха столкнулся с серьезной проблемой. Скопление жилых домов, учреждений, различных предприятий, бесчисленное количество заводов и фабрик, непрерывный шлейф выхлопных газов автомобилей и автобусов поставили этот гигантский центр великой культуры и новейшей технологии на грань катастрофы. Дошло до того, что многие горожане, спасаясь от смога, вынуждены были надевать на лицо маски, наполненные чистым воздухом.

Как, по-твоему, решили эту проблему трудолюбивые японцы?

Сначала они объявили конкурс на должность мэра Токио. Было решено — кто предложит самый лучший и быстрый проект по очистке городского воздуха, тот и станет мэром. В итоге из нескольких тысяч претендентов выбрали одного, предложившего лучший научный способ решения проблемы. Этот человек и возглавил городскую власть. Следуя данному обещанию, новый мэр в течение шести месяцев добился того, что Токио был причислен к самым чистым городам мира. Думаются, такой человекный и волевой руководитель, избранный в жесткой конкуренции

рентной борьбе, был бы полезен в любом городе, ставшем центром развития и прогресса.

М.Ш. ... В последнее время наши ученые все чаще бьют тревогу по поводу уменьшения озонового слоя Земли. Это происходит от большого количества выделяемых в атмосферу вредных отходов промышленного производства, в частности, сажи. А изменение природного равновесия между этими двумя важнейшими составляющими любой жизнедеятельности означает нарушение биологической связи между всем сущим на земле, живой и неживой природой.

Вероятно, Вы помните фантастический роман Александра Беляева «Продавец воздуха», где говорится о том, как на Земле стало не хватать чистого воздуха, и тут же появился предприниматель, который на этом основал свой бизнес. При этом богачи с тугими кошельками с избытком скупали необычный товар, запасаясь им на долгое время, а бедные люди, не имеющие достаточных средств, ползали по земле, припадая к каждому кусту в поисках глотка воздуха, и в страданиях владели свое жалкое существование.

Как бы эти небылицы, рожденные творческой фантазией писателя, не стали в будущем жуткой реальностью.

А разве весь земной шар не стал в XX веке огромной ареной борьбы за технический прогресс?

При этом, по сравнению со средними веками, количество разрушительных землетрясений, уносящих сотни тысяч человеческих жизней, и столь же губительных наводнений увеличилось в несколько раз. Быть может, это протест самой природы против безжалостного отношения к себе людей, их ненасытности и беспечности.

Безмерна круглосуточная добыча нефти и газа, угля и других полезных ископаемых, когда человек, даже и не доходя до земного ядра, полностью высасывает из земли все содержимое и превращает ее в пустую скорлупу. В целом, признавая, что в природе нет ничего лишнего, мы расписываемся в том, что в весьма вульгарной форме нарушили равновесие в ней.

Простой пример: после извлечения из земных недр нефтяных или газовых запасов место выработки остается фактически пустым. (Только в последние годы стала использоваться технология заполнения таких пустот водой.) И эти опустошенные выработки, как выяснилось, не только сейсмически опасны, но и оказывают вредное воздействие на живую природу в целом.

Разумеется, это не означает отрицания необходимости извлечения полезных природных ископаемых. Задача в том, чтобы использовать при этом новейшие способы разработки месторождений, дабы не раскати-

ваться впоследствии в непоправимых ошибках, зная, что раскаяние пришло слишком поздно.

Ч.А. ... Несколько лет тому назад, поздней осенью, огромные стаи лебедей, гусей и уток, летевших из Казахстана и Кыргызии в теплые края, сбились с пути, прилетели в студеную Якутию и там погибли.

Специалисты утверждают, что птенец, вылупившийся из яйца, например, на берегу Иссык-Куля, впоследствии каждой весной до конца своей жизни безошибочно будет возвращаться в родные места. И так все перелетные птицы, улетающая перед зимними холодами в Африку, Индию, арабские страны или на Цейлон, они возвращаются тем же путем обратно, с точностью следуя воздушным потокам.

В чем же причина роковой ошибки несчастных птиц, погибших в морозной Якутии? Предполагается, что тому виной содержащаяся в воздухе с превышением всех норм радиация, которая повлияла на снижение чувствительности пернатых. Так может ли обойти двуногое население планеты эта радиация, уродующая жизнь птицам в воздухе и животным на земле?

М.Ш. ... В своем романе «Гавро Кассандры» Вы неоднократно описывали китов, которые в нарушение всякой логики, по необъяснимым причинам вдруг устремлялись к берегу и выбрасывались на него, обрекая себя на неминуемую гибель. В этом странном самоубийстве самых крупных обитателей планеты кроется своя тайна. Однако пылливый читатель должен понять кроющуюся здесь тревогу за будущее человечества, протест против агрессии людей по отношению друг к другу.

Помню, Вы писали, что нарушение небольшой биологической связи на Земле повлечет за собой нарушения во всем единстве системы Человек – Солнце – Вселенная. И для того, чтобы наступил конец света, вовсе не обязательно непременно взорвать атомную бомбу или дождаться всемирного потопла. То, что мы знаем о заблудившихся птичьих стаях, о массовом самоубийстве китов, созвучно этим размышлениям.

Ч.А. ... В природе нет ничего лишнего. От самого разумного на земле существа, каким мы считаем человека (а это вопрос спорный) до самого низкоорганизованного – червяка и насекомого – все являются равноправными членами живой природы. Их единство и взаимосвязь представляют собой огромную биологическую систему. И стоит выйти из строя одного из ее механизмов, как неизбежно нарушится отлаженная деятельность одного из звеньев системы.

К примеру, в одной из приморских местностей решили, что чайка поедает слишком много рыбы, и сочли необходимым их истребить. Задача была выполнена, но спустя некоторое время в море началась эпидемия некоего заболевания. Оказалось, что жертвами чаек становятся

главным образом большие, ослабленные рыбы и таким образом происходит естественная дезинфекция водного пространства. Выходит, что чайки фактически играли роль санитаров.

М.Ш. – В свое время в Китае, в период культурной революции приняли специальные постановления, предписывающие полное уничтожение мух, комаров, мышей и воробьев. По этому поводу Чрезвычайный и полномочный посол Китайской Народной Республики в Кыргызии Яо Пэй-Шень поведал мне интересную историю.

– В январе 1958 года, – рассказывал он, – в Китае было обнаружено государственное постановление о мерах борьбы с четырьмя видами вредителей, причинявших китайскому народу огромный материальный ущерб и наносящих здоровью людей не менее значительный вред.

Весь народ, от мала до велика, должен был воспринять этот документ как грандиозный шаг на пути строительства светлого будущего.

Это движение к «весне» превратилось в массовое, всенародное мероприятие. В то время я учился в школе в небольшом городке Ляохэ близ Шанхая и тоже принял в нем самое активное участие.

Ежедневно наши уроки начинались с отчета каждого ученика о количестве пойманных мышей, убитых мух и комаров. Некоторые из школьников, самые хвастливые, приносили в школу связки дохлых мушкетей и спицы с наколотыми на них мухами и комарами. И тот, у кого было больше уничтоженных «врагов» нации, считался лучшим учеником, достойно выполнившим важное государственное задание.

Следом пришел черед воробьев. Соскочив с постели чуть свет, мы хватали в руки ведра, тазки, бамбуковые палки, барабаны, словом все, что могло производить шум и грохот, и собирались у школы. Затем учителя представляли нас по постам – одних отправляли на крыши домов, другие забирались на деревья, третьи рассыпались по дворам, по углам улиц и вдоль дорог. У других горожан тоже были свои, заранее намеченные места. Все были готовы, и тогда в городе раздавался оглушительный грохот, стук, дробь и скрежет, который дополнялся криком, визгом и криком осипших от усердия людей.

Воробьи, ошалевшие от этого дикого шума, кружили еще какое-то время над городом, но, устав от бесконечного полета, устремлялись прочь, на дальние просторы. Мы же, наивные, надеялись, что уставшие летать над нами птицы вконец обессилят и рухнут к нашим ногам. Самые неутомимые и настойчивые бросались влогонку за птицами и преследовали их сколько было сил...

Ну, а жители и школьники Пекина, Шанхая и других крупных городов были счастливей нас: они просто гонялись толпами за воробьями по

всем улицам. Вся периодическая печать того времени оценивала эти действия как героические и регулярно в подробностях освещала происходящее.

Откуда нам было знать, к чему приведет эта смехотворная и необдуманная широкомасштабная охота. В стране развелось множество мелкой и порой опасной мошкеры, от которой раньше людей благополучно избавляли, оказывается, те же воробьи.

При этом надо сказать, что в отсутствие воробьев урожай зерновых отнюдь не стал выше.

Вот еще один урок, который преподнесла людям природа.

Ч.А. – Порой чей-то собственный эгоизм при соответствующих условиях порождает государственственный эгоизм. Сколько из-за него удивительного утеряно нами в природе.

Но что пользы от запоздалых раскаяний?

Расскажу любопытную притчу. Одного инопланетянина, прилетевшего на нашу планету, спрашивают: «Как выглядит Земля сверху?» «Земля похожа на хрустальный дворец, в котором люди напоминают беспечных рогатых бычков», – ответил он.

Как метко сказано, не так ли?

Азбуку экологического воспитания мы должны начать преподавать с детского сада и школы. Детям необходимо с ранних лет понять, что бездушное и легкомысленное отношение к природе порождает большие беды.

Сказывают, будто и Солнцу, льющему свое благодатное тепло на Землю, суждено погаснуть. Выходит, состарилось оно. Не говоря уже о нас, ведь и Земля имеет свой век. И досталось ей на этом веку немало. А помочь ей, спасти ее может лишь человек, его любовь к ней и милосердие! Только это может уберечь всех от возможной трагедии.

В нынешнее время государственный эгоизм, о котором я уже говорил, особенно распространен. Он заявляет о себе по принципу: «На моей земле я сам хозяин, что хочу, то и творю: хочу – высушу реки и озера, захочу – обрашу поля в пустыни, вырублю леса и роши, а то и спалю их вовсе – никто мне не укажет!» Такая неразумная политика уже навредила окружающей среде и продолжает губить ее. Не надо забывать о том, что если в одном месте высохло озеро, это обязательно скажется на климате другого места и на флоре третьего.

Поэтому одной из главнейших обязанностей, стоящих перед человечеством обществом, является создание глобальной всемирной программы по защите природы.

Иначе наш хрустальный дворец может рухнуть, а все человечество уподобится Кожашу. проклинающему свое бездумье, жестокость и самонадеянность.

Дар истории

Одним из впечатляющих событий Международного конгресса «Русский язык в сообществе народов СНГ», состоявшегося в марте 2004 года в столице нашей республики, явилось выступление всемирно известного писателя, государственного и общественного деятеля Чингиза Айтматова. Его вступительное слово, обращенное к участникам, стало своеобразным камертоном, определившим во многом интеллектуальную и эмоциональную атмосферу, в которой проходила работа этого форума.

Чингиз Торекулович поделился своими соображениями о роли русского языка в многоаспектных исторических процессах, совершающихся в современном мире, в Содружестве Независимых Государств и, в частности, в Центральной Азии. В этом контексте русское слово, по одной из характеристик писателя, выступает в качестве «лингвистически своеобразного инструмента, который аккумулирует и излучает высочайшие духовные ценности, содействуя взаимоближению и живому общению народов и цивилизаций. Первая «пилотную» роль во взаимодействии культур в условиях «постсоветской Центральной Азии», оно способствует и новому этапу сбалансированного развития национальных языков нашего региона — ныне уже в глобальном измерении. Такая миссия позволяет великому писателю определить русский язык как дар истории нашим народам.

Ниже мы знакомим читателей с некоторыми опорными положениями выступления Ч. Т. Айтматова.

Уважаемые участники Международного конгресса по русскому языку!

Позвольте приветствовать Вас на нашей земле, по нашей традиции, — то есть от имени аксакала! И позвольте в этой связи отметить, что подобное соборное, ключевое мероприятие в одной из столиц стран СНГ, посвященное исторической и культурной роли и миссии русского языка, не только актуально и жизненно важно в процессе нашей современной действительности, но и в перспективе, в переживаемых всеми нами общими эпохальными конверсиями и вызовами XXI века — оно в значительной мере предопределяет наше культурное и лингвистическое будущее как энергонесущий мировой компонент, прежде всего, во взаимодействиях и сопряжениях двуязычных культур Евразии.

Разумеется, по этому поводу и по многим другим вопросам, касающимся повестки дня, будут изложены соответствующие доклады и выступления присутствующими здесь видными учеными-лингвистами, а также российскими и региональными представителями интеллектуаль-

ных сфер. Собственно с этой целью и задействован наш конгресс в Бишкеке. Я же хотел бы, воспользовавшись данным случаем, коротко высказать для начала нашей работы и свои личные взгляды и убеждения, возможно несколько общего характера, по поводу феномена слова и языков народов.

В этом аспекте, поскольку русский язык для меня — мой второй родной язык; я вижу его в процессе творчества, что называется — изнутри. Так вот, в моем понимании русский язык — одно из стратегических, стержневых достояний человечества. Язык, обладающий, образно выражаясь, лингвантенными свойствами. Иначе говоря, это — лингвантенна, вызывающая и прерывающаяся в окружающий мир из ресурсов языковой стихии наиболее глубокие и действенные формы выражений и мышлений в мире общения современников. Тем самым русский язык, будучи носителем колоссальной самоценности своих великих традиций, волею судьбы оказался и одним из ведущих мировых языков, что связывает и обличает окружающий мир. А это, в свою очередь, послужило и служит формированию целого ряда самодетичных национальных лингво-сфер как в определенных зонах партнерства, так и в развитии общих задач цивилизаций.

Жизнь указывает: рядом существующие и действующие языки должны избегать противостояний, с тем, чтобы непременно способствовать взаимному возрастанию полнотности каждого из взаимодействующих языков. Ибо, естественно, каждый язык самобытен, каждый язык жаждет признаний и у каждого свои проблемы и задачи. Так было и впредь быть тому. В ходе насыщенных деяний общечеловеческого бытия на планете языковой фактор в мире будет отражать и представлять повседневную жизнь человеческого рода в глобальном соизмерении. Процесс глобализма, кстати, уже на дворе человечества, со всеми своими плюсами и минусами.

В этой связи следует иметь в виду, что какие бы достижения цивилизации ни поражали своими эффектами, нет на свете ничего превосходящего ценность и значимость слова как здания. И каждый язык, развивая свой потенциал, включается в совокупности — в языковое мироздание. Это — реальное положение вещей, ибо каждый народ, каждая нация стремится к увековечению своего языка. Ведущие мировые языки должны играть здесь пилотную роль и способствовать достойному хождению рядом действующих древних местных языков. Именно таким пилотным языком мы воспринимаем русский язык — в пределах, подчеркнем, постсоветской Центральной Азии.

Мы будем хранить, ценить, использовать и культивировать русский язык как дар истории, как сопридательную энергию наших нацио-

нальных языков, достигших государственности, включаясь в контексты мировых языков и компенсируя тем самым всеми нами пережитую опрделенную отстраненность от активной деятельности и динамичного развития национальных языков, что имело место в советские годы на протяжении почти полувека...

Но вот история преобразовалась, со всеми своими достижениями и проблемами. Все это далеко не простой период. Однако, решая текущие и очередные задачи в экономике, политике и в социально-культурных сферах, наше внимание наряду с этим сосредоточивается, фокусируется ныне и на конкретных языковых вопросах. В данном случае мы воздаем должное миссии русского языка в сообществе народов СНГ – в контексте национальных государственных языков.

Николай ЧЕКМЕНЕВ

Экспедиция в Центральный Тянь-Шань и Ферганскую долину (июль–август 1939 г.)

Балькчи

9 июля

Наконец-то мы на пути в Центральный Тянь-Шань. Наш маршрут довольно сложный. Первый пункт, где мы должны остановиться это Кочкорка, затем вернуться в Джумгал, после этого – Атбаш – Кугартский перевал – Джалал-Абад – Ош – Узген – Суфи Курган – Дараут Курган. Последний пункт нашего путешествия на самом юге Киргизии. Затем мы должны вернуться во Фрунзе по железной дороге через Ташкент.

Я отстал от своих товарищей на целые сутки, и в Рыбачье приехал вчера в полдень, найдя их в гостинице. Усей Бактыбаев еще не приехал из своего аила, и мы ждем его здесь, чтобы тронуться в путь.

Боомское ущелье, о котором я раньше слышал много «страшных» рассказов, оказалось мне давно знакомым, я представлял Боом гораздо поэтичнее, чем это оказалось на самом деле. Прекрасная шоссейная дорога, быстрый ход машины устранили все трудности, которые прежде встречались на пути. После 80 километров пути вдоль бурливого Чу скалистые безжизненные горы раздвинулись, и перед нами открылась равнина, вся усыпанная мелкими камнями. Слово когда-то гигантская камнедробилка искрошила скалы в мелкий щебень и разбросала его по всей долине. Но дальше за серой и бесплодной равниной открылся взору

темно-синий Исык-Куль и за ним светло-голубые вершины Терской Алатоо с кудрявым караваном облаков.

Вот оно знаменитое киргизское море. Навстречу нам дует легкий Санташ. Мы подъезжаем к Рыбачьему, белые мазанки в лучах солнца приветливо бегут к нам навстречу, а на озере цвета темной густой берлинской лазури то здесь, то там взмываются белые гребни волн. Издали, кажется, что это белые лебеди, играя, то ныряют, то взлетают над волнами и снова исчезают и снова возникают – это волна гонится за волной. У пристани слегка покачивается небольшой баркас. Вдали на глади озера одиноко взмахивает крыльями двухвесельная лодка. Берег почти безлюден. Несколько рыбаков сидят на пристани, улят мелкую рыбу. К слову сказать, в Рыбачье нет рыбы, а водный спорт здесь также слабо развит.

Лара сказала, когда мы встретились в гостинице, что она уже успела покататься на лодке по озеру. Пригласила Мураталиева, но он отказался, очевидно, из-за боязни, и когда я предложил именовать Мураталиева Манасом, она рассмееялась и сказала:

— Нет на Манаса, он не похож. Он – трус. Манасу шили штаны из девети бараньих шкур.

В Нарыне мы должны быть через 10 дней. Так началась моя новая жизнь. На пути несколько перевалов, некоторые из них выше 4000 метров над уровнем моря.

14 июля

Всю дорогу мы шутили и смеялись. С нами ехали два иранца (перса), два года тому назад перешедшие из Ирана в СССР. Теперь они едут на угольную копь, на работу. Напротив нас уселась молодая женщина с братом и племянницей. Разговорились, и я узнал, что она окончила I курс Казахского университета и теперь едет к отцу на рудник, где ее отец работает бухгалтером. Фамилия ее Токарева, она на филологическом факультете и, оказывается, знает моего племянника Толю Соловьева. Приятно было сознание того, что куда бы ни поехал, в какую глушь не забрался бы, везде встретишь или знакомых или знакомых, своих знакомых, или обретишь новую дружбу.

По дороге произошла трогательная встреча. Студенты, брат и сестра, встретили своего отца, которого не видели полтора года. Встретная машина стояла на дороге без горючего и отец сел в машину к своим детям.

Когда мы приехали в Кочкор, первым делом решили побывать на родине знаменитого киргизского акына Кылыча Шамыканова.

Наша экспедиция снаряжена для изучения диалектов киргизского языка и сбора фольклора, но наряду с этим мы не могли пройти мимо та-

кого выдающегося факта из жизни дореволюционной Киргизии. Здесь мы нашли жену Кылыча, сына Кылыча и его сноху.

Родина знаменитого акына Кылыча Шамыканова предстала перед нами просторной долиной, окруженной со всех сторон цепями гор. Река Кочкор протекает здесь в зарослях чичирганака и тальника. Местами болюгистая пойма поразила меня обилием растущего здесь чая. Это растение я видел в Голодной степи Бет-Пак-Дала в 1920 году, когда я покинул свою голодную родину, и вот теперь довелось вспомнить былую картину Голодной степи.

На выступах террасы за поймой еще издали была видна группа мавзолеев. У самого подножия могильного кургана раскинулась зеленая пойма реки Суек. Тут бьют из-под земли и весело журчат студеньные ключи. На зеленом лугу пасется колхозное стадо коров, а неподалеку нестройной толпой на зеленом ковре поймы стоят юрты и там кое-где мелькают белые платья женщины. Это колхозники айла Бетель по извечной привычке выехали на летовку, оставив свои дома. А дома были тут же под горою в окружении топей. И хоть велика сила привычки, но древняя стоянка рода Сарыбагиш за последние годы изменила свой облик. Здесь началась оседлая жизнь. Здесь в течение нескольких последних лет вырос большой айл, построено шестьдесят жилых домов, скотные дворы, через айл пролетела дорога на угольные копи; по ней взад и вперед бегут автомашины. А по соседству с кумбезами (мавзолеями), свидетелями селой старины, выросло белое веселое здание школы-семилетки. В школе айла учителя сто тридцать детей и учат их молодые люди, окончившие педагогический институт в городе Фрунзе.

Наша машина остановилась около селы, и в толпе окруживших нас колхозников сразу нашелся охотник проводить нас на ночлег. Колхозник привел нас в дом Бейши Караева, но в нем уже остановился районный прокурор, и мы устроились на ночлег в юрте. В доме Бейши Караева мы увидели живое свидетельство недавнего перехода на оседлость. Потолок его дома был сделан из ууков (каркас юрты), плотно подогнанных и уложенных на перекладине. Эти остатки юрты еще сохранили кирпичевую окраску и характерную резьбу. Большинство колхозников, имевших дома, не ломают юрт. Летом они предпочитают жить в юртах.

Нас пригласили на ночлег в одну из таких юрт, стоящих неподалеку от жилых построек колхоза. Хозяйка угостила нас айраном, но отдохнуть нам не дали. Вскоре из соседних юрт пришли любопытные, набилась детвора. На закате солнца пришел с работы хозяин юрты Куйбю Койбашев. Он с приветливой улыбкой поздоровался со всеми и, не спрашивая нас, кто мы, откуда и зачем приехали в их края, достал из-за голенища сапога азиатский нож, взял брусок и начал точить лезвие. За юртой мы уже

слышали беспокойное бляение жертвы. Пойманный баран словно чувствовал свою гибель и его истошный крик перекрывал все звуки. К этому времени юрта была переполнена народом. Сюда пришли подростки, пришел и старший семидесятичетырехлетний Арык Темирчилов, знаток местного края и прошлого долины, пришел комузчи Мисирхан Сарманов.

Вместе с наступлением вечера в юрте Койбашева загорелся костер, и на железный треножник две женщины водрузили огромный казан. Над казаном началось магическое превращение барана в нарын, излюбленное блюдо тьяншанских жителей.

Пока хозяйка магически орудовала над казаном, комузчи Мисирхан Сарманов удивлял нас своим искусством. Мелодии Токтогула – «Кербез», «Гоктогулдун абаны», народные песни «Шыгыр ама», «Джа толго» и многие другие текли непрерывно звонкой горной рекой из-под мастерских рук Мисирхана. Его репертуар очень богат; он играет и старинные народные песни и ку Токтогула, играл свои красочные импровизации, мелодии Малдыбаева и, наконец, поразил мастерским исполнением камаринской, барыни, гопака и даже сараговской «матани». Около часа непрерывно играл комузчи, сменяя одну мелодию другой под одобрительные возгласы окружающих. На смену комузчи выступили певцы: смуглый черноусый Куйбю Койбашев и длиннобородый Джумагул Элебаев спели песни на слова Кылыча.

Только после того, как баран был уничтожен, колхозники спросили о цели нашего приезда. Когда они узнали, что мы поклонники таланта их земляка – Кылыча Шамыканова, лица всех оживились, все заговорили друг, перебивая друг друга:

– О, Кылыч, Кылыч!

– Знаем Кылыча!

– Помним Кылыча!

– Куйбю, – обратился к хозяйке Арык, – спой гостям песнь Кылыча.

Хозяин очага Куйбю охотно исполнил просьбу. Держа на коленях льнущую к нему четырехлетнюю дочь, Куйбю запел «стихи о верблюде».

Какова была радость, когда мы узнали, что в айле живет родной сын Кылыча, причем оказалось что его юрта стоит по соседству с той, в которой мы остановились. К огню, на свет, немедленно был посажен сын Кылыча – Тобокед. Он был одет в скромный халат, на голове его была белая войлочная шляпа с черной окантовкой. Когда его попросили запеть песни огня, он снял эту шляпу, поправив на голове зеленую тюбетейку. Все затихли. Молодой певец с грустью посмотрел на догорающее пламя костра. В карих глазах блеснули горячие искры волнения, и смуглое лицо в тревожных вспыхах догорающего пламени казалось само горело. И вот из уст сына Кылыча полилась любимая всеми народная мелодия «Зар-

В этот день мы услышали любопытную историю. Торогельды в первой половине XIX века являлся национальным героем, дрался с Кенсарой и теперь над его могилой возвышается мавзолей. Сын Торогельды Шамыкан стал знаменит акын Киргизии. А от Кылыча родился Тобокел – будущий знаменитый акын Киргизии. А от Кылыча родился Тобокел, в гостях у которого мы сейчас находимся.

Прадед Тобокела был знатным манапом, предводителем киргизских родов, населявших Кочкорскую долину и берега Иссык-Куля, он прославил свое имя в военных походах и схватках, а правнук его Тобокел – колхозник, один из передовых людей колхоза, на досуге слагающий песни о радостной жизни, о любви и прочих вещах, волнующих душу молодого человека.

Этот день нам принес богатый материал. Мы записали биографию Кылыча, целый ряд его песен.

Вечером снова, но уже в юрте Тобокела, повторился импровизированный концерт, в котором участвовали почти все присутствующие. И даже старый 74-летний Арык напомнил народную песню и спел ее беззащитным голосом. У нас на глазах соревновались в исполнении три поколения.

День 16 июля дал новый интересный материал. С джайлоо был вызван старый друг Кылыча Исак, который рассказал красочную биографию Кылыча. Тобокел записал и передал Ларе свои стихи.

К вечеру мы собрались выехать из айла Бетель. Два дня проведенные в айле Бетель навсегда остались у нас в памяти. И когда мы уезжали, колхозники собрались нас проводить, тепло прощались, трясли наши руки, просили не забывать их, приезжать почаще. Подали лошадей, запряженных в бричку, и Тобокел, так обрадованный нашим приездом в айл, взялся отвезти нас в Кочкор. Вместе с нами сел в бричку комузчи Сарманов, которому надо было ехать на окружную олимпиаду искусства в Нарын.

Вскоре, как только мы выехали из айла, наступила темнота. На небе загорелись яркие звезды. На середине пути нам довелось заночевать на траве под открытым небом. Ночь была холодная, и так как одежды у нас было мало, хотя мы тесно жались друг к другу, сильно продрогли. Как только забрезжил рассвет, Тобокел запряг лошадей, и мы снова тронулись в путь. В Кочкор приехали в 7 утра. Напились кумыса, плотно позавтракали в ашхане, и нам быстро удалось найти попутную автомашину в Нарын. С нами вместе сели в машину сказители, ырчи, комузчи, едущие на олимпиаду в Нарын. Шоссейная дорога повела нас в горы по притоку Чу – Джон-арыку.

заман». Поэзия Кылыча не умерла, она жила перед нами. Сын хранил ее в своем сердце. Окружающие после каждого пропетоного куплета восторженно и громко вскрикивали, а затем мгновенно затихали, когда Тобокел продолжал песню.

Удивительно задушевный и милый тенор Тобокела проникал в сердце, волновал, как может волновать мастерство артиста.

– Посмотрите на него внимательно, – шептал сидящий с нами старик, – он похож на своего отца. Я помню Кылыча молодым. Тобокел – это Кылыч.

Тонкие черты лица, горбинка на носу и загаенная грусть в черных сверкающих при свете огня глазах, это все было от Кылыча, каким его помнили в молодости старики.

Вечер в юрте превратился в радостный той. Один за другим пели колхозники и старые и молодые, то грустные тоскливые старинные песни, то радостные мелодии Малдыбаева, современные советские песни. Здесь я услышал «Кызыл-атчалар» Маликова и песни Уметалиева. Их исполнили двенадцатилетние школьники под одобрительные возгласы присутствующих. Хозяин пел шуточные песни, веселил всех. 74-летний Арык Темирчиков рассказал интересную историю о местном герое Торогельды (Торогельды) Овалдаеве, жившем в Кочкорской долине столетие тому назад. Историко о том, как знаменитый кочкорский манап Торогельды, правнук которого Тобокел сидел теперь с нами в юрте, вел борьбу с Кенсарой и родом богу.

Поздно ночью закончился импровизированный вечер самодеятельности, и нас уложили спать в юрте, всех троих под одним одеялом. Наверху через тонючку на нас глядели из темноты неба светлые точки звезд. Вокруг был слышен сонный шорох расположившихся под открытым небом коз.

На другой день 15 июля мы горячо взялись за работу. Но к моему несчастью в айле не оказалось ни одного человека умеющего говорить по-русски, а товарищи мои были заняты. Поэтому, чтобы не терять напрасно времени, я занялся рисованием. Набрал профиль старика Арыка Темирчикова, сделал наброски портретов Тобокела, сына Кылыча, и жены Тобокела.

Беседа с Тобокелом в его юрте длилась три часа. Мы с Ларой узнали, что сам Тобокел пишет стихи. На мотив «Секетпая», народной песни, вчера он пел свои слова. Меня это очень обрадовало. Сын продолжает дело отца. Причем когда он спел нам свои стихи, то мы восхитились их звучностью. Усей и Лара утверждают, что стихи Тобокела очень хороши и ему как молодому поэту обеспечено будущее. Для нас это стало находкой, мы заинтересовались судьбой Тобокела и решили ему помочь.

Нарын

Меня удивило, почему бурную, полноводную реку назвали «Джон-арык». Оказалось, в переводе это означает «толстый арык» или «поток». Джон-арык стремительно и бурно прорывается сквозь скалы, а великолепная шоссейная дорога, ведущая нас вверх по течению реки, открывается перед нами все новые и новые красоты горного пейзажа. Дарьяльское ущелье я знал только по фотографиям, но временами мне казалось, что это безымянное ущелье, по которому беснуется Джон-арык, имеет много общего с Дарьялом. Мы вначале сидели спиной к кабине, было неудобно смотреть. А затем отодвинули скамейку и все четверо повернулись навстречу свистящему ветру. Ветер и солнце обжигали наши лица, но нам было очень приятно так сидеть, ощущать быстрый бег машины и видеть, как на нас надвигаются громады гор. Затем река раздвоилась, дорога нас повела вправо по одному из притоков — Сары-булаку. Начался подъем на Долон.

Долонский перевал имеет значительную высоту — около 3 700 метров над уровнем моря. Крутой подъем заставил машину работать напряженно, весь ее корпус дрожал, гулко рычал мотор, и ход машины значительно уменьшился. Только отглядываясь назад, мы ощущали набираемую нами высоту, а вперед все та же гладкая дорога. Но вот начались замысловатые петли. Горный поток превратился в слабый ручей, мы подъезжали к истоку. После нескольких круглых поворотов вокруг двух возвышенностей мы, наконец, выехали к истоку реки. Перед нашими глазами открылась солнечная в яркой зелени ложбина, а над нею снежные вершины Долонского хребта. Близость снега во впадинах, яркая зелень и горячее солнце (мы сидели в одних пиджаках и не ощущали холода) несколько поразили меня. Это был один из прелестных горных уголков — джайлоо, воспетых многими киргизскими поэтами. По всему джайлоо разбросаны юрты, кое-где вьется лымок, а на яркой зелени рельефно выделяются табуны кобылиц, теви от солнца несколько удлиняют их ноги, головы их опущены вниз, длинные хвосты горделиво и плавно размахивают из стороны в сторону.

Минова эту горную долину, дорога повела нас прямо к перевалу. Мы его увидели, как только миновали косогор, казалось здесь на небольшой седловине дорога, упершись в голубое небо, обрывалась. На самом перевале, на высоте, уже довольно ощутимой по недостатку воздуха, два киргизских мальчика боролись, кувыркаясь по траве. Они прекратили борьбу только тогда, когда мы подъехали к ним вплотную и стали с любопытством наблюдать за ними.

Машина на некоторое время задержалась на самом гребне перевала, вместо газа шофер включил тормоза. Спуск был гораздо круче подьем, характер пейзажа изменился. До перевала были обнаженные скалистые горы, а здесь склоны были покрыты тянь-шаньской елью. Глубоко синели темные впадины и ущелья, а вдаль мы увидели новый покрытый снегом хребет. Спускаясь по ручью, мы увидели огромную белую палатку. Это геологоразведочная партия. В прошлом году здесь, близ Кара-Ункурта, было обнаружено золото и вот уже создан золотой прииск. В Кара-Ункурте мы увидели новые дома, увидели группы старателей, промывающих вручную речной песок. В горах найдены золото, серебро, свинец, уголь и многие другие ископаемые. Но это еще только начало. Неисчислимы богатства таят эти огромные мало исследованные горы.

Быстрота и удобство передвижения на автомашине по шоссе имело в себе ту отрицательную сторону, что мы по маршруту Кочкорка — Нарын не могли остановиться ни в одном пункте и пропустить наблюдения. Так мы промчались мимо конесовхоза № 53, который был расположен близ дороги.

Через пять с половиной часов, после выезда из Кочкорки, мы подъехали к Нарыну. Левее, к юго-востоку, высился снеговой хребет Нарын-тоо, а направо — его бесснежные скалистые отроги, покрытые лесом. Мы ехали среди безжизненных, голых гор, немилосердно выжженных солнцем, округленных ветром. Горы эти, окружающие нас, — остатки титанической работы ледников, местами явно видны слои глин, песка, камня, местами горы целиком из одной глины, вернее не глины, а светло-желтой земли, похожей на лёсс.

Порой казалось, что мы едем не между гор, а среди колоссальных песчаных дюн, ранее никому не известной пустыни.

Город Нарын как-то неожиданно оказался перед нами; пустынные горы оборвались, мы спустились в узкую долину реки Нарына. Город удивил меня своими маленькими размерами. Он расположен на левом берегу Нарына, его теснят с юга крутые склоны Нарын-тоо, а с севера желтые обрывы высых гор. Здесь неизменно душно, как в жарко нагретой бане. Группа домов казарменного типа на переднем плане и скудная зеленая поросль делали Нарын похожим на совхоз, внезапно возникший в дикой глуши, а на деле Нарын был основан около 60 лет тому назад.

Мы сотни километров проехали по великоленной дороге, но как только переехали мост через реку и свернули направо через городскую арку, так сразу ощутили резкую разницу: машина начала ковылять по ямам, за нами поднялись облака пыли, кузов машины жалобно крахтел, пыль лезла в нос, в глаза, в уши и солнце стало жечь наши спины.

В городе нет гостиницы, мы около двух часов с вещами сидели на улице пока Бактыбаев искал своего брата, который здесь работает заведующим горфо. В городе нет ни одной приличной столовой, последняя только строится. Но пустой желудок требовал своего, мы пошли в столовую спецторга, где как мы узнали, питаются интеллигенция города. Кромешей из прошлогодней кислейшей капусты и поджарки в столовой нам не могли ничего предложить, хлеб нам подали темно-серый, похожий на нарынскую печальную землю.

Скудные люди живут в Нарыне. Очевидно, окружающий угрюмый пейзаж и бытовые условия делают их такими. В Нарыне я встретил двух своих литкружковцев, которых видел во Фрунзе жизнерадостными, полными энергии, а здесь их обуяла лень, нежелание что-либо делать, к чему-либо стремиться. Оба они и поэзию, и литературу вообще забросили. Один из них — Николай Некрасов здесь на военной службе — политруком батальона, а другой — Борис Лимаренко работает заместителем редактора «Тянь-Шаньской Правды», окружной газеты. Лимаренко поэзию забросил, да и в газету ничего не пишет. Видимо нарынская обстановка его портит и развращает.

Два участника нашей экспедиции выехали в Атбаши. А мы с Бактыбаевым задержались на одни сутки. Он делал доклад о переходе на русский алфавит. Днем мы зашли побеседовать к секретарю окружного комитета партии тов. Зайцеву. Он принял нас очень любезно. С нами был и Тобокел, который по нашей рекомендации был прислан в Нарын на курсы. Лицо Тобокела сияло счастьем, мы его представили Зайцеву и попросили Тобокела спеть песню. Тобокел пел свой «Секетпай», пел «Эсимде» и еще одну киргизскую песню. Всем присутствующим очень понравилось. К нашему удивлению в районе кто не знал, что у Кылыча остался сын, и что он продолжает дело отца. Зайцев заинтересовался его судьбой и обещал, что поможет парню. Он тут же предложил включить Тобокела в состав участников олимпиады. Скромный молодой колхозник из аила Бетель, потомок хана Ормона, сердечно прошался с нами и не знал, чем сможет отблагодарить за внимание и заботу о его будущем.

Зайцев рассказывал:

— Работа у нас в округе по существу еще только начинается, край богатый ископаемыми, но мало еще изучен. Вы видели по дороге — начинается добыча золота. А что еще таят в себе эти недра? Мы рады всем приезжающим сюда работать, и мы стараемся создать все условия.

Я возразил:

— Для местных работников у вас очень плохие бытовые условия, товарищ Зайцев.

— Вы говорите про Нарын? Но вы посмотрели бы, что здесь было два-три года назад. Нарын существовал десятки лет, но благоустраиваться он начал только после того, как стал окружным центром. Вы видите по улицам молодые посадки — раньше этого не было. Мы начинаем мостить улицы; все дома, напротив сада, в том числе и этот, где мы находимся, — новые. Мы заканчиваем постройку столовой, строим дом для приезжих.

Из этих слов я заключил, что Нарын за последние два-три года вырос больше чем за 40 лет своего существования при царизме. Тогда он носил название укрепления. Но на крепость Нарын, расположенный в яме, никак не похож, тем более он не может являться укреплением при современной военной технике. Возникновение здесь поселения, очевидно, было продиктовано тем, что здесь скрещивались дороги — конные тропы, ведущие из Китая в Россию и обратно, а также тропы, ведущие в горные урочища Центрального Тянь-Шаня. Говорят, что слово «нарын» оставили калмыки, что в переводе на русский язык значит — солнце. Когда бежали из Китая люди, гонимые нуждой, в поисках лучшей жизни, здесь на реке они делали длительную перелышку, зная, что здесь они уже вне опасности и недосыгаемы для алчных китайских чиновников. И вот якобы с тех пор эта местность и получила такое светлое и теплое имя — Нарын.

Беседа с Зайцевым, а так же взгляд на прошлое, помогли мне увидеть Нарын со всех сторон, и тогда я понял, что все сделанное, построенное или начатое заслуживает везческой похвалы.

Так под впечатлением этой беседы мы и расстались с Нарыном. Председатель Окрисполкома Исмаилов дал нам свою машину, и шофер быстро доставил нас в Атбаши, куда мы приехали 22 июля и были устроены на квартире заведующего районным отделом народного образования.

Атбаши

Еще издали, примерно за пятнадцать километров, показалась гора, похожая своей формой на конский череп. Неподалеку от этой горы расположено селение Атбаши (голова коня). Позднее секретарь райкома Лутай рассказал мне легенду об этой местности.

Над голубой Атбашинской долиной, над полноводной рекой того же названия высится красивый с белыми снежными шапками Атбашинский хребет. Долина на высоте двух с лишним километров над уровнем моря, поэтому и белоснежные вершины гор кажутся здесь близкими и яркими на фоне голубого неба.

В жаркие дни в реке Атбаши можно купаться; вода быстро согревается от ярких солнечных лучей, но если пойдет дождь, становится очень холодно. ... в горах в это время бушует снежный буран. Долина Атбаши

очень плодородная, здесь растут почти все земледельческие культуры, но прививаются они пока еще плохо.

Я очень сожалел, что четыре дня пребывания в Атабаши мы убили на подбор и покупку лошадей и очень мало познакомились с районом. А секретарь райкома Лутай очень настаивал, чтобы в Атабаши мы задержались подольше. Здесь находится лучший в Киргизии и, пожалуй, во всем союзе скотоводческий колхоз Акдзар.

Этот край овеян легендами. Так, ходит в народе одна из легенд, что здесь в этих местах подвизался один из героев Манаса – Кошой.

Крепость, находящаяся в 15 км от Атабаши, часть полуразрушенных глинобитных стен, которая сохранилась до сих пор, носит название – Кошой-Курган. История крепости никому не известна. Мы были на этом Кошой-Кургане. Крепость воздвигнута в виде четырехугольника, одна сторона которого равна примерно 400 метрам. Высота стен, как можно предполагать, равнялась высоте трехэтажного дома. Я предполагаю, что крепость сооружена во времена Кокандского ханства, когда киргизы были под властью ферганских узбеков. Долина имеет забытое всеми, но интересное прошлое. В горах Атабаши в диком ущелье существовала другая крепость – Таш-Рабат. Туда мы поехать не могли, это было не по пути нашей экспедиции. Нам рассказывали, что каменные постройки этой древней крепости довольно хорошо сохранились до сих пор. Теперь эта местность всеми брошена и забыта. Но вокруг крепости сложилась легенда.

Река Атабаши в одном месте уходит под землю. Старики говорят, что сын Манаса Семетей, разгневанный на свою жену красавицу Айчурек за бесплодие, хотел здесь покончить с нею. Айчурек спряталась от своего грозного супруга в густых прибрежных зарослях бурной горной реки и вот с тех пор на том месте, где красавица Айчурек пряталась от своего мужа, река ушла под землю и до сих пор течет под землей. Через несколько сот метров река вновь вырывается из-под земли и шумит охлажденными струями по изрытому каменистому руслу.

Когда мы узнали, что в одном из селений района живет старик, которому в этом году исполнилось 117 лет, мы решили обязательно побывать у него в гостях.

Из аила Ачаганды нам прислали трех верховых коней, и мы через полчаса езды были на месте. Здесь так же как и в Кочкоре видны следы недавнего оседания. Киргизы сменили свои юрты на дома. В поисках старика мы совершенно случайно оказались в доме одного из его сыновей – Сыдыка, который угодил нас айраном и повел в дом старшего брата, где живет их отец. Старика мы застали сидящим на полу, на кошме, в стеганом ватном халате и теплой шапке с бараньей опушкой. Старик носит имя Темир, отец его был Рахмолло. Темир — железно. Действительно это был

железный человек. Он пережил четырех жен. Последняя четвертая – семидесятипятилетняя старуха живет теперь с ним, доживая свой век. От нее детей не было. От трех предыдущих Темир имел 32 ребенка, из которых только восемь остались в настоящее время в живых, а старший Темир все живет. Живет, переживая своих жен, детей и внуков.

Старшему сыну Темира 73 года. Это уже седой, дряхлый старик.

Мы с волнением следили за каждым движением престарелого киргиза, который родился в 1822 году, когда Пушкину было 23 года, и он еще только начинал писать «Евгения Онегина», когда в России царствовал Александр I, а Средняя Азия жила своей жизнью под властью кокандского хана.

На вопрос, где он родился, старший Темир ответил: «Говорят люди, что я родился в Атабаши, но сам я откуда могу знать, если был в животе у матери?»

Темир жил в семье среднего достатка. Был рогатый скот, были лошади и бараны, всего понемногу. Занимались также посевом ячменя и проса. Темир помнит, как в аил приезжали кокандские сборщики податей. Со ста баранов они брали в год одного барана или коня. С одного гектара земли – один мешок зерна. Когда Темир был молод, он несколько раз бывал в крепости Таш-Рабат, тогда постройки были еще не разрушены, стояли прочно, но он не знает, кто строил крепость, слышал только, что девушка была там, строила крепость, а брат ее бросал ей с горы камни. (Это второй вариант легенды). Больше о прошлом Темир ничего не знает.

По его словам, Атабаши построено русскими, когда они пришли сюда, разбив кокандские крепости. Раньше на месте Атабаши было только кочевье, но с давних пор эта местность была крупнейшим торговым пунктом. Сюда тысячами стоялся скот из тучных горных долин Аксая и Арпа, сюда ехали кунцы из Китая, из Ферганы, из России. С давних пор долина Атабаши славилась выносливой крепкой породой киргизских коней.

Из жителей аила Ачаганды теперь организован колхоз Ашан. Три года тому назад колхозники осели на землю и зажили новой жизнью, непонятной для престарелого Темира, ибо он доживает свой долгий век, не выходя из дома своего сына Ормона, которому сейчас 46 лет. Жена Темира Бурулкан вошла в дом и с беспокойством посмотрела на нас. Мы задали Темиру около пятнадцати вопросов. На последние вопросы он отвечал вяло, делая долгие паузы, и потом склонил голову в старческом полужабыти. Я предложил Бактыбаеву прекратить беседу, чтобы не переутомить старика. Беседа наша была закончена, но мы все еще не могли оторваться от Темира, хотелось прочитать во множестве морщин, которые избороздили все его лицо, через какие перевалы жизненных бурь и не-

взгод прошла эта крепкая голова, какие радости довелось испытать Темиру и что у него теперь на душе, когда он стоит у края могилы?

Мы стали прощаться с Темиром. Я сказал старику — «Рахмат, аскал» — и взял его руку. Она жилистая, узловатая, по-старчески теплая и мягкая, еще таила в себе былую крепость, по рукопожатию Темира я почувствовал, что в нем еще бьется и пульсирует кровь, давшая ему возможность прожить так долго. На прощание мне Темир сказал:

— Желаю тебе счастья, желаю жить спокойно и весело и прожить столько же, сколько прожил я.

Хозяева приготовили чай, но нам надо было возвращаться в Атбаши. С запада надвигалась дождевая туча, и мы решили до ее прихода быть в районе. В эту минуту я вспомнил своего прадеда, который прожил 100 лет и до последних дней ходил на ногах, а в день своей смерти сказал сыну:

— Созывай родных, сегодня я помирать буду.

Под впечатлением встречи с Темиром я весь день был занят мыслью о жизни и смерти.

В Атбаши мы жили на квартире у заведующего района. Сам хозяин был во Фрунзе в командировке. Его мать и младший брат заботились о нас все дни нашего пребывания в Атбаши. Это была исключительно культурно обставленная квартира. Чистота и опрятность убранства в комнате. На письменном столе я увидел рядом с чернильным прибором изящную статуэтку, среди книг — Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Островского, Фурманова — классиков марксизма. В стопе патефонных пластинок была не только киргизская музыка, но и музыка европейских классиков и советских композиторов, народные русские песни в исполнении хора имени Пятницкого.

Дорога Атбаши — Дюрбельджин

Утро следующего дня было прелестное. Трава была еще мокрой после вчерашнего дождя. Солнце, выйдя на чистое небо, начало свою обычную работу. По горам ползли белые кучевые облака. Бактыбаев с беспокойством спросил:

— Ну, как себя чувствуешь, можешь продолжать путь? Нам надо сейчас выезжать.

У меня было легкое недомогание, и я ответил:

— Чувствую себя хорошо. Едем. Если к вечеру повторится — значит, малярия.

Напившись чаю и выпив по пиале кумыса, мы отправились в дальнейший путь. В этот день — 27 июля — нам надо было проехать не менее 80 километров, чтобы добраться до следующего ночлега на джайлоо.

Мы ехали вверх по Атбашинской долине по направлению к долине Арпа. Конная тропа вела нас все вверх и вверх по ровному подъему. Сегодня я решил проверить своего карего на скаку, хлестнул его лозой, хлестнул иноходца Бактыбаева и наши кони, видимо привычные к байге, дружно ринулись вперед. Минут пять мы скакали рядом, далеко оставив позади своих спутников, затем отстал и Бактыбаев. Я остановил своего коня и дождался Бактыбаева, который заявил:

— Оказывается, ты неплохо умеешь ездить.

Я любил с детства верховую лихую езду, но вот прошло много лет, как я расстался с деревней, понятно все это время мне не приходилось иметь дело с лошадьми. По дороге нам встретились юрты, мы решили вернуться к ним, выпить айрана.

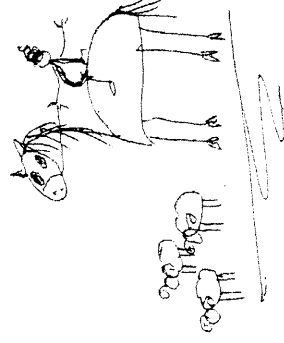
В полдень мы отдохнули возле арыка и тронулись дальше, а к вечеру пошел дождь. Мы начали подниматься на безымянный перевал. Когла тропа повела нас долом, меж двух гребней гор, ветер ожесточился и сек наши лица мелкими каплями дождя. К несчастью, меня снова начало лихорадить. Одежда, не просушенная со вчерашнего дня, теперь окончательно промокла. Мы торопили коней, ехали трусой. Меня трясло в седле, и я сам трясся, не попадая зуб на зуб. Когда перешли через перевал, ветер несколько утих, мы остановились передохнуть. Меня мучил озноб. Еле переводя дух, я спросил у Бактыбаева:

— Сколько километров до ночлега?

— Десять километров, — ответил он.

Исключительно теплое гостеприимство горных жителей спасло меня от возможной серьезной болезни. Как только мы подъехали к юртам, наших коней взяли под узды молодые парни, а нас пригласили в одну из юрт. Пока хозяйка разводила огонь, я снял мокрую одежду, разулелся, согрелся несколько у костра. Две пиалы крепкого горячего чая были для меня в это время высшим блаженством. Я их выпил с необыкновенным наслаждением.

Утро было туманное, сырое и холодное. Это был не туман, а облака. Ведь мы были на высоте 3000 метров над уровнем моря. С восходом солнца поднялся ветерок, облака стужились, поднялись. Прояснилось, и мы увидели, как этот туман стайей облаков начал перебежку по склонам гор.

Дальнейший наш путь был без приключений. Кони хорошо отдохнули и шли бодро. В полдень мы пересели через второй безымянный перевал расположенный рядом с перевалом Байбиче, который остался вправо от нас. Мы ехали теперь не на запад как вчера, а на север по реке Терек по направлению к Дюрбельджино. Когда мы спустились с перевала, над горами собрались гроззовые тучи. Яркое сверкали молнии и бил гром. Мы выехали на ровное гладкое плоскогорье, в это время поднялся вихрь нас начала наступать гроззовая туча. Мы надеялись уехать от дождя, так как впереди всего в трех-четырёх километрах ярко сияло солнце на вершинах гор. И мы действительно уехали от дождя, пустив лошадей вскачь, а затем крупной рысью бежали пять километров. Нас похлестало немного дождем и градом, а затем мы спустились в долину Дюльберджин. Где нас встретило ласковое солнце.

Центр Акталинского района – Дюрбельджин мы увидели за двадцать пять километров, когда спустились с горы. На закате солнца мы должны быть там. Я оглянулся назад. Хребет Джаман-Тоо выбелился свежим снегом, выпавшим полчаса тому назад. Гроззовые тучи прошли над перевалом, который мы прошли два часа тому назад, и теперь они бушевали над джайлоо, где мы провели последнюю ночь.

Дюльберджин

Детально не изучая карты Киргизии, я не знал, что существует под таким названием центр Акталинского района.

Слово «Дюрбельджин» калмыцкого происхождения. Говорят, что здесь в далекие времена жили калмыки и дали название этой долине, которая имеет вид четырехугольника окруженного со всех сторон цепями гор.

Родина великого акына. Потомок хана Ормона

– Эй, джигиты, довольню валаться по юртам, пить кумыс, есть баранину и спать с молодницами! А ну-ка садитесь на коней, берите в руки копы и сабли...

Так, подражая легендарному Манасу, глава рода Сарыбагиш сам первый бросался в седло и мчался вниз по долине к Ортоотокою, увлекая за собой соратников к теснинам, где бурная Чу клокотала пеной, прорываясь к берегам Иссык-Куля. Киргизы, населяющие берега озера, много перенесли невзгод от набегов сарыбагишцев, а иногда и сами громили своих врагов, громили юрты, уводили скот. Долгие годы шла упорная родовая борьба и в кровопролитных схватках гибла не одна горячая голова джигита. Но глава рода Сарыбагиш, всякий раз возвращаясь в родной Бе-

тель невидимым, приводил с собой караван добычи. Грозный владыка умело перенял всю премудрость правления от своего отца – хана Ормона. Это был Торогельды – мужественный батыр, искусный полководец.

В боях с богунцами Торогельды научился внезапными дерзкими налетами громить и обращать в бегство врага. И вот, когда казахский хан Кененсары пошел войной на киргизскую землю, во главе объединенных киргизских родов встал Торогельды. Хана Кененсару киргизы встретили в Чуйской долине на подступах к Боому. Кененсару в этой битве сложил своего голову на берегах бурливого Чу, а войско его было разбито и те, кому удалось спастись, бежали обратно в казахские степи.

Торогельды вернулись в Бетель прославленным героем.

Перед честолюбивыми взорами Торогельды, сына хана Ормона, рисовалось будущее – владычество над всеми родами киргизов. Вдохновенные певцы на шумных многолюдных тоях пели славу, величали его имя. Несметные стада Торогельды паслись на склонах гор, красавицы-жены в роскошно убранных юртах наслаждались его досуг, белопенный кумыс, как дар неба, лился рекой по долине. В окружении соратников могуч и непобедим был киргизский хан Торогельды. Но пришел в горы долины и другой более сильный властитель – Белый царь. Не сбавились честолюбивые мечты батыра Торогельды. Он дожидая свои дни в тиши родного анкла Бетель. А когда умер, сородичи вызвали из Гашкента искусного зодчего и по его указаниям воздвигли над могилой хана высокий кумбез – белый мавзолей.

Когда мы подъезжали к айлу Бетель, мавзолеем Торогельды был виден еще издали. Он стоял на высоком кургане, в окружении других полуразрушенных памятников былой славы. Купол мавзолея обрушился, вокруг валялись груды обломков плоских кирпичей, но стены его все еще гордо высились в голубое небо.

Нас было четверо участников экспедиции. Появление в горном айле четверых новых людей не могло не вызвать любопытства. Кроме меня в этой поездке был аспирант Киргизского педагогического института, сотрудник научного-исследовательского института языка и письменности, а также студент пединститута. Это представители молодой киргизской интеллигенции. Всех нас привело сюда одно желание – это не прошлое анкла Бетель и не слава Торогельды, а судьба человека, который был прославлен далеко за пределами Кочкорской долины. Здесь в айле Бетель в 1862 году родился знаменитый киргизский акын Кылыч Шамыканов.

По суровому кряжам Ортоотока бежали голубые тени. Это облака, как веселая стая лебедей, летели над горами. А в долине над могильным курганом томилась сердце знойная тишина. Только в поросли желтого искошеного чия жарко стрекотали кузнечики. Мы долго сидели около мавзо-

ля, словно желая понять, о чем верещали невидимые обитатели забытого кургана. Но вот перед нами как из могилы вырос древний старик. Несмотря на жаркий день, он был в телом стеганом халате, и древнюю голову прикрывала огромная шапка. Это был семидесятичетырехлетний Арык Темирчиков, на глазах у которого протекала почти вековая жизнь айла Бетель. Он тербел редкую седую бородавку и вопрошительно смотрел на нас.

Появление в айле четверых новых людей вызывало любопытство, но Арык Темирчиков ничего у нас не спрашивал, а сам начал рассказ о подвигах Торогельды.

— Торогельды... Торогельды, — повторял старик, — а вот кумбез его сына — Шамыкана. А внук Торогельды — Кылыч... Где его могила? Не знаю.

— Кылыч? — переспросил я. — Кылыч Шамыканов, внук хана Торогельды?

— Да, Кылыч — внук Торогельды, сын манапа Шамыкана, но сам Кылыч был бедным, не имел скота.

— Кылыч!

Ради него мы приехали в айл Бетель, и теперь на могильном кургане старый Арык поведал нам его родословную. Это давало красочную нить для дальнейшего раскрытия образа великого киргизского акына. Я был рад, как радуется геолог, нашедший золотой самородок.

Потомок хана Ормона — Кылыч Шамыканов родился в айле Бетель в 1862 году и двух лет от роду остался сиротой на воспитание своих родичей. Манапский род когда-то богатого хана Ормона разорился, и Кылыч, как бедный сирота, с детства пережил много лишений и невзгод. Только могила деда Торогельды осталась как память бывшего величия. Родичи Кылыча отдали сироту в мектеб, на выучку к молдо. Они хотели, чтобы Кылыч стал служителем Кудая, они хотели, чтобы Кылыч постиг всю премудрость корана и стал учителем. За четыре года пребывания в мусульманской школе Кылыч научился хорошо писать и бегло читать коран.

Чтение корана увлекло Кылыча на другой путь. Он стал слагать стихи и упиваться звучанием слов. Никто не мог угадать дальнейший путь будущего поэта. Кылыч полюбил уединение, часто уходил на курган и писал, писал. Кылыч полюбил природу, полюбил горы и долину, где протекала его молодость. Служителем Кудая он не стал. В стихах он славил не величие Кудая, а воспевал природу, красоту, любовь, мужество, — все то, на что коран налагал тяжкие запреты.

Творческая жизнь Кылыча началась, когда ему было 24 года, а через два года его имя стало популярным не только в Кочкорской долине, но и далеко за ее пределами. Тридцать лет творческой деятельности Кылыча дали народу огромное богатство. Кылыч не любил петь свои стихи

на ашах и тоях, устраиваемых баями и манапами, он слагал и пел их в своей бедной юрте и затем записывал их на бумагу, прятал и сохранял у себя все записанное. Но, несмотря на это, стихи Кылыча заучивались другими, передавались из уст в уста. Кылыч записывал свои песни на бумагу, чем и положил начало киргизской письменной поэзии. С годами все сильнее рос и зрел его сад поэзии. И узун-кулак разнес о нем славу далеко за пределы Кочкорской долины.

Кылыч Шамыканов стал известным национальным поэтом. Рукописи Кылыча были оставлены в айле Бетель в 1916 году во время бегства в Китай. Перед исследователями и литературоведами, изучающими творчество Кылыча, стоит сложная задача — восстановить наиболее полно все то, что сохранилось в записанном виде и в памяти певцов из богатого кылычевского наследства.

Наследие великого акына, его песни, записанные арабским шрифтом при помощи древнего чагатайского языка, бесследно исчезли в дни всенародного восстания киргизов против царизма в 1916 году. Мы не теряли надежды на родине акына в айле Бетель найти хоть небольшую долю утраченных записей.

Когда киргизы Кочкорской долины после разгрома восстания бежали в Китай, вместе со всеми бежал на чужбину пятидесятичетырехлетний акын. Дело всей своей жизни — рукописи поэм и песен он оставил в родной долине, спрятал и утаил ото всех печаль и радость своей многолетней жизни. Летом 1917 года Кылыч вернулся на родину, ноклада своего он не нашел. Убитый горем, изможденный и тяжело больной, Кылыч умер в лето семнадцатого года и унес в могилу тайну многих невысказанных песен. Ему не удалось увидеть своими глазами то, о чем он мечтал всю свою жизнь — свободный и счастливый киргизский народ.

Мы были благодарны старику Арыку Темирчикову за рассказ.

Легенда о крепости Таш-Рабат

В диком и труднодоступном ущелье Атбашинского хребта, там, где скалистые кражи теснят друг друга, круто обрываясь к реке Джэньшике, приходу Атбаши, до сих пор сохранились развалины крепости Таш-Рабат. Распространявшая окружающее население, мы не могли получить никаких сведений, кем была построена эта крепость. Выочная тропа, ведущая из Атбашинской долины через перевал Таш-Рабат в долину Аксая, с давних пор являлась одним из главных путей сообщения между жителями Центрального Тянь-Шаня и Китайского Туркестана. Крупные скотопромышленники, торговцы скотом прогоняли здесь тысячи голов скота. В долину Атбаши приезжали купцы из Ферганы, Кашгара, Уч-Гурфана.

В первой половине XIX века, в период существования кокандского ханства, возникновение крепости на реке Дженишке было необходимо для охраны рубежей, для сбора богатых пошлин и усмирения непокорных кочевников. Но возможно крепость возникла значительно раньше. В народе о крепости Таш-Рабат ходит такая легенда. В древности люди облюбовали необыкновенной физической силой. Каменную крепость Таш-Рабат строили два батыра – отец и сын. Отец дробил на горах скалы и бросал камни вниз. Сын ловил эти камни и складывал из них стены. Отец взял такой обет с сына, чтобы последний воздвигал стены: не оглядываясь по сторонам, иначе крепость не будет построена.

Так они много дней провели в упорном труде. Сын помнил долгий запрет и работал, не покладая рук, ни разу не делая передышки. Он был настолько вынослив, что ни голод, ни жажда не могли свалить его с ног, его сила была неиссякаема. И вот грозные каменные стены крепости росли не по дням, а по часам. Отец и сын знали, что за этими стенами они будут недосытаемы для врагов, а также будут страшны врагам, посягающим на их землю.

Однажды в яркое солнечное утро, когда солнце озолотило снежные вершины Атбашинского хребта, по склону горы шла молодая красивая девушка. Легкий ветер пронесся над сочными травами, он принес крепкий запах цветов. Девушка нежным голосом пела песню и с улыбочкой следила за работой молодого батыра. В это время сын забыл запрет отца и только на миг оторвался от работы, взглянув на девушку. Их пламенные взгляды встретились. Молодой батыр был очарован ее красотой и не мог продолжать работы. Утомительный труд, голод и жажда не могли повлиять на силы батыра, погубите его. Его погубило влечение к девушке, вскружила голову ее чарующая красота.

И так с тех пор крепость Таш-Рабат осталась недостроенной. Развалины крепости сохранились до сих пор на память потомкам, чтобы знали они, что красота женщины, которой увлекаются чрезмерно, может погубить большое дело, может лишить силы даже таких могучих батыров, какими были наши предки.

Записал член экспедиции

Института языка и литературы

Н.С. Чекишев

в Атбашинском районе Киргизской ССР

со слов Темира и Лутая

25 июля 1939 г.

Как возникло название местности Атбаши

(Голова коня)

Один торговец скотом гнал из долины Аксая крупную партию закупленного им скота. После того, как были преодолены высокие перевалы, скоту потребовалась передышка. На берегах полноводной реки купец решил сделать длительную стоянку. Он радовался прибыльному обороту дела и уже подчитывал свои крупные барыши, которые он получил с бедного люда. Много было у него скота, но чем больше у человека скота, тем больше он жаден и скуп. А здесь, в яркой солнечной долине, купец расшедрился, разрешил зарезать одну лошадь. Отдохнув, купец со своим скотом поехал дальше. А череп съеденного коня остался на месте стоянки на берегу полноводной горной реки как память купеческого торжества. С тех пор и долина, и река, и высокий снеговой хребет получили название Атбаши.

Легенда о красавице Ай-Чурек

Ай-Чурек пленила своей красотой сына Манаса – Семетея. Батыр Семетей долгое время мечтал о ней, проводя жизнь в походах и кровопролитных битвах с врагами. Но вот настало время, когда они соединились на брачной постели. Батыр Семетей стал единственным обладателем красоты Ай-Чурек. Но, несмотря на то, что уже не первый год она была его женой, Ай-Чурек не могла дать Семетею сына. Она была бесплодной. Семетей был удручен тяжким горем. Мысль о том, что от него, могучего батыра, не останется потомства, все время преследовала его и не давала покоя. В конце концов, его пламенная любовь к красавице Ай-Чурек сменялась глубокой ненавистью, и он решил убить свою бесплодную жену. О замыслах грозного мужа сообщили Ай-Чурек, и она в страхе бежала из стоянка Семетея и скрылась в зарослях чичирганака, которым густо покрыта долина реки Атбаши. Долгие, упорные поиски бежавшей Ай-Чурек не увенчались успехом. А затем и гнев Семетея остыл. Там, где скрывалась красавица Ай-Чурек, река ушла под землю, а затем снова, пройдя под землей, вышла на поверхность и так течет до сих пор, стремительно бежит по долине, сохраняя память в народе о страданиях красавицы Ай-Чурек.

Записал член экспедиции

Института языка и литературы

Н. Чекишев

Атбашинский р-н Киргизской ССР

27 июля 1939 г.

Конорчок

В аиле Конорчок Акталинского района живут киргизы родов монголор, басыз и саяк.

Долина Конорчок, как и весь Акталинский район, отрезана от остального мира высокими хребтами гор. Но, несмотря на это, даже сюда проникла бурная, кипучая жизнь наших дней. Веками, кочуя по горам, теперь жители района осели на землю. Между гор вырос в окружении зелени садов и огородов аил Конорчок.

Земля здесь очень плодородная, но острый недостаток воды сокращает возможности развития поливного земледелия. До сих пор основным занятием населения является скотоводство, а зерновые культуры и в особенности огородничество прививается очень плохо. В горах Конорчок обнаружены богатые залежи свинца, каменной соли, угля, но все эти богатства до сих пор еще никем не тронуты. Но вот по долине Конорчок уже проложена дорога, ведущая из центра округа Нарына в Тогуз Торуу. По дороге уже стоят телеграфные столбы, на которых пока еще нет проводов. А на дороге отпечатаны невиданные в этих краях следы автомашин, перебрасывающих из Нарына в отдаленные глухие районы промышленные товары. В новом аиле цветет колхозная социалистическая жизнь, а неподалеку от аила, как память о темном прошлом, в долине Конорчок сохранились развалины двух крепостей, построенных наместником Худояр-Хана.

В крепостях стояли отряды Худояр-Хана, которые держали в страхе и трепете окружающее киргизское население. Узбекские завоеватели жили праздной и пресыщенной жизнью, собирая налоги с населения и, время от времени, делая набег на непокорных кочевников. Так до сих пор сохранилась в народе память о нраве этих завоевателей. Проезжающий мимо крепости киргиз должен был за полверсты слезть с коня, следовать саям, и идти пешком, пока не удалится на ружейный выстрел.

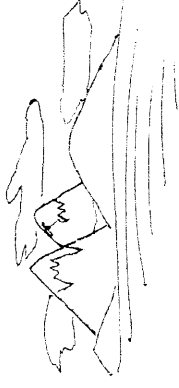
Бывали случаи, что, когда кочевник, не знающий такого правила, продолжал сидеть на коне, джнгиты Худояр-Хана немедленно открывали из бойниц крепости пальбу из ружей. После того как узбекские завоеватели были сменены русскими, стены покинутой узбеками крепости занял хищный манап Ходжой-Берды, который объявил себя властелином всего урочища Конорчок.

Потомки Ходжо-Берды долгое время продолжали господствовать здесь в глухом отдаленном районе. Это им принадлежит слава басмачества до самых последних дней перед коллективизацией. В 1932 г., когда был основан аил Конорчок, и беднота Конорчка объединилась в колхоз, последний из потомков Ходжо-Берды был выслан из района. В настоящее время в аиле Конорчок сто тридцать домов колхозников. Ушли в прошлое

тяжелые невзгоды. В горах на джайлоо, на приволье пасутся тучные стада Конорчка, а народ весь занят на сенокосе, готовит своему скоту сытую, теплую зимовку. В доме потомка хищного манала Ходжо-Берды теперь создана школа семилетка.

Узген

В эпоху караханидов, около тысячи лет тому назад, город Узген (Узгенд) был столицей огромного государства Мавераннаров, простирающегося на всю территорию современной Средней Азии. Древний мировой город Бухара, цветущие Самарканд, Фергана, Памир, Кашгар, Тянь-Шань —несли свою дань Узгену. Теперь Узген сравнительно тихий и небольшой городок, районный центр в составе Киргизской республики. Но памятью о крупном значении Узгена, как столицы Средней Азии в прошлом, здесь сохранились два мазара — султана Санджар-Мазы и султана Санджар-Илек.

Эти надгробные памятники-мавзолей, которым насчитывается тысяча лет, по своей архитектуре и высокохудожественному орнаменту на стенах представляют огромную ценность. Примерно в ста метрах от мавзолеев сохранилась башня тоже эпохи караханидов, по своей форме погребенная башне Бурана, находящейся близ г. Токмака.

Кроме указанных памятников, в Узгене сохранился еще один мавзолей Клыча Бурхан-Азиз. В Узгене существует легенда. Клыч Бурхан-Азиз был знаменитым батыром и защитником народа.

Знаменитый батыр побеждал всех врагов, кто мешал народу жить счастливо и радостно. Но вот в горах в одной из пещер поселился страшный дракон, которого Клыч Бурхан-Азиз долгое время не мог победить, этот дракон навел ужас на весь народ, пожирая плоды его труда.

В конце концов, батыр не вынес этого и решил выступить против смертельного врага. Он приказал приготовить ему молока, как противоядие, и вступил в битву с драконом. Герою Клычу удалось убить ненавистного дракона, но последний отравил его ядом. Клыч Бурхан-Азиз, тяжело раненый, попросил дать ему молока. Но молока не хватало, чтобы убить яд дракона, и защитник народа умер. На его могиле народ сложил мавзолей и до сих пор хранит о нем память, о своем защитнике и покровителе.

Записки член экспедиции института языка и литературы

И. Чекишев
6 августа 1939 г.

Легенда о Хазрет-Аюбе

Святой Хазрет-Аюб был человеком богатым, жил в роскоши и неге и стал забывать бога. И вот чтобы напомнить ему о себе, бог послал на него тяжкие испытания, отнял у него детей, послал на него и на его жену проказу.

Святой Хазрет-Аюб Пайгамбар не пал духом, он переехал в Ферганскую долину и здесь на склонах Ферганского хребта, обнаружив горячие источники, стал в них купаться, ежедневно творя горячие молитвы к богу. Купаться он заставил и своих пораженных жен. Бог услышал пламенные молитвы своего святого и наградил источники целительной силой. Молодая жена Аюба, Фатима, почернела от проказы, но, испавшись в одном из источников, стала белой и чистой, проказа исчезла. Источник этот получил название Ак-Булак (белый источник). Старуха Бурахан, первая жена Аюба, испулавшись в другом источнике, превратилась в молодую красавицу, и источник этот получил название Кыз-Булак (источник девушки). Сам Хазрет-Аюб купался в третьем источнике и совершенно исцелился от страшной болезни. И этот источник стал носить название Хазрет-Аюб. Так бог, услышав молитвы своего святого пророка, исцелил его от болезни, а горячие источники благодаря молитвам Хазрет-Аюба получили необыкновенную целительную силу.

*Записки члена экспедиции Института языка и литературы
Н.С. Чекинеев
со слов директора курорта Джаял-Абад т. Андреева
12 августа 1939 г. г. Джалал-Абад*

Легенда о Сулеймане

Сулейман Пайгамбар был послан от бога царствовать над всем миром, за три тысячи лет до Магомета. А с тех пор как был Магомет, прошло тысяча триста пятьдесят семь лет. А это значит, что Сулейман был в Фергане больше четырех тысяч лет тому назад и дал основание городу Ош. Вот какой это древний город. Сулейман был мудрым пророком, он знал язык птиц и животных. Ему подвластны были все силы и земные, и небесные. Его трон (тахт) мог передвигаться в любом направлении и по земле, и по воде, и по воздуху, и двигаться по ветру. Очутившись, таким образом, в долине, где ныне расположен город Ош, Сулейман Пайгамбар увидел, что долина прекрасна и плодородна и климат хороший. Только не было здесь реки и не было воды для полива. Увидев это, Сулейман решил провести сюда воду из Сыр-Дарьи и дать жизнь всей долине. Но водой Сыр-Дарьи владел другой посланник божий -- Хазрет Юнус. Замысел Су-

леймана не понравился Хазрет Юнусу, и он пожаловался богу. Тогда бог вызвал к себе Сулеймана и говорит: «Живите в мире. Ты мой посланник и он мой Пайгамбар. Чем сеять между вами вражду и распри, я лучше дам тебе воду прямо из гор». Сулейман согласился с предложением бога и вызвал великанов (доо), которые ехали прорывать гору, образуя глубокое ущелье. Из камней, которые были взяты из гор, великаны посреди равнины сложили гору, и гора получила название Тахт-и-Сулейман (трон Сулеймана). А по долине, через прорытое великанами ущелье, с гор хлынула вода. Так образовалась бурная, полноводная река Ак-Бура, и с тех пор долину стали заселять узбеки, а рядом с горой Тахт-и-Сулейман вырос большой цветущий город Ош. Когда Сулейман строил город у него советником, визиром, был его дядя Хазрет Асаб. Построив город и увидев, что в долине выросли, завели сады, виноградники, а в полях стали произрастать гучные злаки, Сулейман поднялся на свою гору и, говоря в народе, с тех пор его больше никто не видел, -- он ушел к богу, чтобы никогда больше не лишать себя небесного блаженства.

Каждый мусульманин считает своим священным долгом побывать на горе, как и Сулейман, помолиться здесь. Заветной мечтой каждого правоверного, это умереть здесь и быть похороненным на горе. Ибо смерть на таком святом месте -- верный путь для спасения души и искупления земных грехов. Те из мусульман, которые решают пойти в Мекку, должны побывать на Сулеймане. Без этого они не получат доступа на родину Магомета.

*Записки члена экспедиции Института языка и литературы
Н. Чекинеев,
со слов семидесятилетнего Курайбая, бывшего муллы на горе Сулейман.*

Суюнбай ЭРАЛИЕВ

Автобиография

Встречаясь с читателями, я часто слышу один и тот же вопрос: как я стал поэтом? Как стал... Иногда я и сам задаю себе такой вопрос, и, поверьте, ответ на него найти сразу трудно. Сказать, что с самого детства во мне прорезался чудный дар писать стихи, нельзя. Сказать, что я получил хорошее литературное образование, -- тоже. Что меня окружала поэтическая атмосфера, давшая толчок к творчеству, -- опять не то. Все было по-другому...

именуются в туристических справочниках Пушкинским кольцом. Мы шли через разрушенный Торжок, где не раз бывал проездом Пушкин, возле которого захоронена Анна Керн... «И для меня воскреснут вновь и божество, и вдохновенье; и жизнь, и слезы, и...» – всплывали в памяти бредущего через дождь, снег, грязь рядового пехоты волшебные строки поэта. Я тогда еще плохо знал по-русски, но Пушкина... О Пушкине я знал.

Вот и в журналистской текучке первых послевоенных лет нет-нет да и накапывало вдруг желание заговорить стихами. Одно дело острый, деловой фельетон о расхитителях колхозного добра и другое – выговориться душой, а значит – стихами. Но, кстати, это последнее я считал тогда неглавным. Сейчас бы это назвали хобби. А главной для меня была журналистика. С газетой я связывал все свои планы на будущее. Стихи писал, некоторые даже публиковались в областной, республиканской печати, но скажи мне кто тогда, что поэзия станет делом всей моей жизни, я бы не поверил.

Постепенно стихов набралось на небольшую книжечку, и вот в 1949 году она вышла в республиканском издательстве под названием «Первое звучание». Получилась книжка – теперь-то это видно мне хорошо – довольно слабенькой, ученической, так сказать, проба пера. Позже из тех стихов я включил в «Избранное» одно-два, не больше.

Некоторые мои коллеги в Таласе уже успели к тому времени съездить на республиканские поэтические совещания, с восторгом рассказывали о «настоящих, живых» писателях, акынах, с которыми им довелось встретиться, читали свои стихи. – вот они были для меня поэтами, вознесены были в глазах моих на недосягаемую высоту.

И вдруг я узнаю, что «Первое звучание», оказывается, понравилось в Союзе писателей республики и меня по этой первой книге приняли в члены СП СССР. Эту неожиданную весть привез приехавший в Талас писатель Насирдин Байтемиров, он же вручил мне писательский билет. Теперь у нас в Таласе стало 3 члена Союза, и было открыто Таласское отделение СП Киргизии.

Итак, я стал вроде бы профессиональным поэтом, хотя и после выхода книги, и после приема в Союз сам себя в душе поэтом все равно не считал. Но к поэзии стал относиться серьезнее. Больше читать. Тщательнее работать над своими стихами. И вот в 1950 году вышла моя вторая книга стихотворений «Родная земля». Стихи стали лучше:росло мастерство, стало меньше «воды», больше души.

В следующем, 1951 году, я уехал в Москву учиться в Высшую партийную школу на журналистское отделение. И вот здесь-то передо

Было обычное детство довоенного сельского мальчишки. Родился я в селе Уч-Эмчек Таласского (в те годы – Буденновского) района Киргизской ССР 15 октября 1921 года в семье колхозника-животновода. Там же учился в обыкновенной сельской школе. Если и мечтал, кем стать, так это учителем. Учитель для нас, сельских ребят, был в те годы самым большим авторитетом, мы были уверены, что он знает все на свете, и нет такого вопроса, на который он бы не знал ответа. Учитель воплощал для нас какие-то неизвестные нам новые горизонты, большой, ждущий нас за порогом Уч-Эмчека мир. Доучиться в школе мне не пришлось. Стать учителем тоже.

В 1942 году я ушел на фронт. Война – малопоэтичное занятие и к писанию стихов вроде бы не располагала. От окопов нашего пехотного батальона до того места, где обычно обитают музы, дистанция невероятного размера. Тяжелое ранение и шесть месяцев в тыловом госпитальском госпитале, шесть месяцев между жизнью и смертью, – и это не повод, чтобы начать писать стихи.

В двадцать три года инвалид войны. Три ранения и контузия. Демобилизован по состоянию здоровья. Февраль 44-го года. И вот я снова дома. Нужно было определяться, как быть дальше. Пошел работать в районную газету. Стало получаться, работал ответственным секретарем. Затем, после образования Таласской области, в областной газете «Центринское знамя» тоже ответственным секретарем, писал очерки, заметки, зарисовки, фельетоны. Семья была большая, младшие братья и сестры были, как говорится, на мне. В общем, все неладно, но и обычно.

И все же почему-то я стал поэтом. Наверное, во всем, что происходило со мной, была какая-то своя закономерность, и во мне самом происходило и откладывалось нечто, что, вдруг прорвавшись, потекло к стихам... Теперь вспоминаю: в школе мне очень нравилось читать известных тогда Джомарта Боконбаева и Алыкула Осмонова, и я пытался им подражать. Еще помню – учитель иногда давал нам упражнения на рифмы – нужно было написать какое-нибудь бесхитрое, простое стихотворение, – и я писал, мне очень нравилось такое занятие.

А вернувшись после госпиталя в родные места, узнал, что в некотором роде уже прославился среди односельчан как поэт. Получилось это так. Письма родителям с войны я несколько раз писал в стихах. А друзья взяли и опубликовали их в районной газете. Почему письма были в стихах? Трудно сказать. Многие тут наложились одно на другое. Госка по дому, любовь к родным – такие чувства всегда буяют в душе человеческой песно. Вот и мне, как акыну, захотелось выговориться... И еще. В составе 8-й гвардейской Панфиловской дивизии я шел с боями на запад, шел по древней тверской земле, по тем местам, которые сегодня

мною по-настоящему и встал выбор: или журналистика, или поэзия. Главным в жизни может быть только один путь. Я выбрал поэзию.

Наверное, в этом выборе не последнее слово было за самой Москвой, во всяком случае, ее влияние я со счетов не сбрасываю. Нам, слушателям партшколы, приходилось довольно часто встречаться с писателями и поэтами, к нам приезжали Г. Николаева, Н. Грибачев, Я. Смеляков и др. Атмосфера этих встреч также подготовила мой выбор.

Итак, поэзия. Но с 1951 по 1959 год я практически ничего не писал. Нужно было учиться, многому учиться. С учителями мне везло. .

Вспоминая, был день, когда умер Николай Заболоцкий. И как раз в тот день я, наконец, решился пойти к Твардовскому в «Новый мир». Редакция была пуста, остался только он один. Мы сели с ним в кабинете и долго долго разговаривали. Чем я, начинающий поэт из далекой Киргизии, заинтересовал его – не знаю. Такой уж, наверное, души был этот человек. Когда к нему приходили за советом и помощью – за тысячью дел, не мог отмахнуться. Я ему много рассказывал, потом рассказывал он, потом снова я, а он расспрашивал... Я поделился с ним заветным: Александр Трифонович, хочу перевести «Геркина» на киргизский язык. Читал, еще на войне, в окопах читал. Очень нравится. Да и опыт фронтовой есть. Твардовский засомневался: а как же быть с русским народным разговорным языком? Переведется ли это на другой язык? Сумею ли?

Разговор у нас зашел об учебе (ведь у меня и средняя школа-то была не закончена). Я показал Александру Трифоновичу две свои первые книжки. Он полнстал их, порасспрашивал меня. К идее «учиться на поэта» отнесся скептически. Помню, сказал: учеба часто портит, вот у нас, на Смоленщине, была одна неплохая поэтесса, а в Литинституте она кончилась...

В заключение Твардовский пригласил меня почаще заходить – в любое время, спрашивать, если будут какие-то неясности с переводом, посоветовал почаще обращаться к словарю. Я чувствовал, что он, конечно же, усомнился в моих возможностях перевести «Геркина», но я видел его желание помочь мне, начинающему.

Участь в партшколе, я перевел поэму Твардовского почти до половины. Работа захватила меня, хотя шла трудно и медленно. Не закончив первого варианта перевода, я взялся за второй, переводил отдельными кусками. Завершился этот мой первый опыт тем, что я сжег, не закончив, оба варианта перевода. Но желание закончить работу меня не оставило.

В 1954 году, закончив учебу в Москве, я вернулся домой в назначен сначала заведующим отделом республиканской партийной газеты «Советтик Кыргызстан», а затем редактором пионерской газеты. И вновь работа над переводом Твардовского. Работать приходилось в пар-

ке Дворца пионеров, – квартиры, отдельного кабинета – тогда ничего этого у меня не было. Но, по правде говоря, я благодарен этому парку – работалось в нем с каким-то большим удовольствием, а может быть, это потому, что сама работа всецело захватила меня. «Геркин» на киргизском языке стал получаться, приобрел форму, жизненность – я это сам чувствовал. Это был, как я считаю, мой первый успех в поэзии. Поэму в моем переводе издали в 1956 году, перевод был одобрен нашими писателями. появились отклики в республиканской прессе и в Москве – в «Литературной газете». Вот с «Геркина» я, наверное, и начался как поэт.

Эта работа научила меня многому. Я и потом занимался переводом, но именно поэма Твардовского сформировала мои переводческие принципы, которые я потом не менял. Переводя, нельзя упираться в букву – все, как ни пытайся, в перевод не воткнешь. Им необходимо научиться управлять. Перевод – это тоже (или точнее – прежде всего) поэзия. И как в поэзии, главное в нем – дух. Читатель не ищет в переводе похожесть или непохожесть, близость или расхождение с оригиналом, он ищет в переводе хорошие стихи. Вот говорят, что следует сохранить ту или иную метафору, рифму, ритмику – согласен. Но с одним условием – если это не становится насильем над поэтической мыслью, поэтическим чувством.

Твардовский стал моим учителем. «Геркин» – моим Литинститутом.

Поставив последнюю точку в переводе, я сразу же взялся за большую собственную тему – хотелось написать поэму о любви. о счастье и жестокости, об истории своего народа, лирическую и одновременно – эпос. Мне с детства запала в душу одна легенда, слышанная от акынов – вечная как мир история любви двух молодых людей – «Ак-Меёр». Так я и назвал поэму. Через маленькую легенду постарался сказать о том, что меня волновало, беспокоило, что казалось самым важным в жизни. Не знаю, насколько правы те критики, которые считают, что «Ак-Меёр» по теме любви не превзойдена в киргизской поэзии. Для меня более важно другое: в этой поэме я сам для себя открывал тонкие лирические грани стиха, учился придавать чувству, неотчетливому, неясному, отчетливую и ясную форму гармонии.

В 1959 году в Москве проходила Декада киргизской культуры. Буквально перед самой декадой, за удивительно короткий срок, переводчик Вл. Семенов перевел «Ак-Меёр» на русский язык. Она зазвучала в Москве. В конференц-зале Союза писателей ее обсуждали, хвалили, да же называли «киргизским «Евгением Онегиным»».

Ко мне пришло признание... Вот ведь парадокс: похвалили в Москве – после этого стали хвалить и на родине. Даже избрали секретарем правления Союза писателей...

Если я назвал Твардовского первым своим учителем, то не могу не сказать и о другом учителе – о нашем киргизском советском поэте Алыкуле Осмонове. Он был подлинным новатором, прекрасным, тончайшим лириком, образованнейшим человеком, замечательным переводчиком, настоящим подвижником культуры. Он скреплял в киргизском стихе все достижения мировой, в том числе русской и советской поэзии. Правда, его считали за это «врагом национальной традиции». Теперь признали. А вот тогда... Поздно мы все-таки признаем поэтов. Сегодня мы говорим о нем – «гордость киргизской поэзии», «национальное достояние нашей культуры» и т. п. А он ушел из жизни в 41 год, непонятый, покинутый, непризнанный. У меня есть стихотворение «Где вы были тогда...» – оно об Алыкуле.

После «Ак-Меёр», несмотря на успех поэмы, сомнения меня все-таки не покидали. Правильный ли путь в поэзии я избрал? А может быть, это случайная удача? Теперь я понимаю, это всегда очень хорошо, когда есть сомнения. Они подстегивают, дают импульс работе над собой. Я много читал, изучал, пополнял, как говорится, свой багаж. Томинки Пушкина, Лермонтова, Некрасова стали моими настольными книгами. Наконец я взял отпуск и уехал на джайлоо. Секретарь правления на время стал табунщиком.

Поэзия и жизнь представляют собой какой-то сложный единый организм. Было бы неверно считать, что связь здесь только односторонняя: поэзия отражает жизнь. Нет, поэзия сама преобразует жизнь. Я раньше не замечал особой красоты и чистоты народного языка. Стал замечать. Вглядывался в лица простых своих земляков – пытался угадать душу. Для меня стала живой природа – вода, скалы, звезды, шелест травы. Я учился слушать тишину, ветер, который приносил мне невероятнейшую информацию, собранную со всего света, ручей, бормочущий про себя что-то, словно одинокий путник. Это была Академия поэзии.

Оказывается, звук ветра может быть разным: о камень ударился ветер – один звук, прошелся по кроне дерева – другой, по траве – третий. Музыка воды тоже изменчива: быстрина, водопад, родник – все они звучат по-разному. Человеческая душа тончайшими нитями связана с природой – это одно гармоничное целое, глупо, нелепо и безответственно разрушать это целое, то же самое, что обрубить себе руки или ноги и считать, что так лучше...

Я написал в это время поэму «Белые запахи». Она о природе и о человеческой душе. Хотя это еще ни о чем не говорит. Все поэмы – о человеческой душе и многие – о природе. Навязало мне тему поэмы и стало ее темпом, мелодией, ритмом, темой «Болеро» Равеля. Как только я вспомню эту музыку – мне представляется вечный караван жизни. лю-

дей, поколений... Я лежу в траве, вокруг горы, рядом со мной транзистор – «Болеро» Равеля. Горы – это навьюченные верблюды, с гор спускаются белые нити речек – это поводья верблюдов, они сейчас отпущены. Отдых. Но вот верблюды встанут – пойдут дальше... «Белые запахи» увидела свет в 1967 году, в русском переводе – в 1969-м. Поэма эта дорога мне ученичеством моим у природы. Так что и ее хочу назвать среди своих учителей Природу.

В начале 60-х годов, после полета Гагарина, я начал писать новую поэму – о Человеке и Космосе. Для нее нужно было найти и форму подходящую, необычную, нетрадиционную. Поэму я назвал «К звездам», а форма вдруг сама стала выливаться в стихи верлибра – незнакомого киргизской поэзии, непривычного ей. Почему верлибр? Эта «неорганованная» форма стиха связывалась у меня с представлениями о бесконечности мироздания, его необъятности. Интуиция подсказывала: и ритм стиха должен быть нескованным, без каких-либо рамок. Мне пришлось нелегко, я был воспитан на традиционных формах стихосложения – нужно было перестраивать себя, ломать сложившиеся принципы поэтики, мышления, привычный почерк, – это всегда трудно. Два-три года не писал ничего, кроме поэмы: искал, привыкал к необычной для меня форме. А когда поэма появилась... на меня обрушились все. Народные поэты, академики, мои поэтические наставники – все были «против». Статьи пестрели уничтожающими формулировками – «измена национальным традициям», «уничтожение киргизского стиха», «формализм», «абстрактнонизм», «подражание западным образцам» и т. д. и т. п.

Но еще до того, как она вышла в журнальной публикации (1964), было организовано ее обсуждение. Где-то нашли типографские отгиски, – раздавали выступающим. В Союзе писателей Киргизии нашлось тогда всего несколько человек, которые выступили в защиту поэмы, настаивали на ее публикации (среди них – Ч. Айтматов, С. Джигитов, А. Салиев). Обсуждение перенесли на бюро ЦК Компартии республики – и там критиковали... «Зачем вы так пишете? – спрашивали меня. – Ваш путешествник к звездам гибнет, а ведь Гагарин-то жив, здоров... Что это за пессимизм такой?! Писали б лучше о собаке чабана!» Причем здесь собака – я, одновременно говоря, до сих пор не понимаю... Поддержали меня тогда Чингиз Айтматов и приехавший из Москвы Александр Михайлов. Айтматов сказал: «К звездам» – поэзия мысли, за ней будущее, это – «открытие нового берега». У нас на глазах расширяется диапазон киргизской поэзии, нам самим же потом станет стыдно, если поэма не увидит свет, ее надо поддержать».

На русский язык поэму перевел Б. Слущкий. И опять недоброжелатели говорили, что это не Эралиев, это Слущкий сам все выдумал, а в

подстрочниках ничего и в помине нет. Подстрочники сверяли. Одно из самых горьких воспоминаний тех лет связано с моим несостоявшимся выступлением перед студентами университета. Меня пригласили. Когда пришел – краем глаза увидел: зал полон. Но тут один из преподавателей отозвал меня в сторону и сказал: «Вы знаете, выступать не стоит. Нам только что позвонили оттуда...» – он выразительно указал большим пальцем руки куда-то неопределенно вверх. Наверное, к звездам – горько усмехнулся я про себя.

И снова загадочный парадокс. Ругать, так ругать. Ступили, как говорится, всех собак. В 1967 году я был просто вынужден уехать на Высшие литературные курсы. Через два года вернулся – страсти поутихли. Но к поэзии меня старались особенно не подпускать. Предложили работать литературным консультантом по художественным переводам.

А поэма моя все-таки пошла. Остановить ее было уже нельзя: Москва, Казахстан, Казань, Чехословакия, она вышла отдельной книжкой, была переведена на испанский язык...

Сейчас многие молодые поэты Киргизии пишут белым стихом. Друзья смеются – говорят: «Суюнбай, ты, наверное, весь огонь взял тогда на себя». Что ж, в поэзии бывает и так. Я смотрю, даже кое-кто из моих бывших хулителей пописывает верлибром. Теперь за это не ругают. Поэзия, как и жизнь, не стоит на месте. Закон отрицание отрицания срабатывает и здесь. Без обновления стихов не бывает. А благодарить нужно Айтматова. Написал верлибром я, но пробил ему дорогу в киргизской поэзии он. Это пример нам, наша поддержка – человек, писатель, учитель...

Каждый раз, думая о поэзии, я открываю в ней для себя новые и новые грани. И все же есть что-то самое важное, самое естественное, без чего ее вообще быть не может. По-моему, поэзия обязательно предполагает сердце доброе, чувства мягкие, чистые тонкие – все это объединяется понятием внутренней культуры. Не будет этой человеческой культуры – не будет и доверия людей. Поэт должен быть желанным гостем в доме, умным собеседником и другом – тогда его будут чаще приглашать в дом для беседы, и наслаждение от такой беседы получают оба, и хозяин и гость.

С годами у поэта вырабатывается автоматизм: слова как бы танцуют за собой другие слова – образуются канон, стереотип. Хороший поэт каждый раз обязан ломать себя, создавать себя заново. Учиться необходимо всегда, постоянно. Даже у молодых. У них тоже есть чему поучиться, ведь у них свой взгляд на вещи. И, конечно же, учиться нужно у больших мастеров. Замечательная школа в этом отношении – художествен-

ный перевод. После работы с ним – как после хорошей парной: выходишь обновленный, смотришь яснее, легче, новыми глазами на мир.

Мы живем сегодня на перекрестке ветров – открываются новые национальные культуры, мы знакомимся с поэзией и поэтами, о которых не могли и подозревать, узнаем бездну нового. На этом ветру очень уютно поёживаются те, кто живет и думает по сложившимся канонам и не хочет их менять.

Каждый человек несет в себе миллион всяких возможностей, мы за жизнь открываем лишь ничтожную часть их. Надо искать себя, копать глубже и глубже. Как шахтер, который уходит все дальше от поверхности, уходит от поверхностности. Конечно, ленивым быть проще – прожить можно и отговориться можно, посостоять на то, что вот, дескать, не поняли, не оценили. Только поэзия – это труд, неустанный и всегда тяжелей.

Наверное, уже не осталось темы, в какой-то мере не разработанной в поэзии. Обо всем писали. Вот я читаю айтматовскую «Плаху»: вечного масштаба проблемы, писатель заставляет думать о сущности жизни и человека, добра и зла, связей личности и общества. Заставляет! А попробуйте-ка заставить современного избалованного читателя. А у него получается! Роман Айтматова приглашает не бояться думать о самом сложном.

Творчество – это всегда борьба с самим собой, борьба за преодоление взятой темы. И борьба должна быть честной, принципиальной. Иначе литературы нет.

В стихах нужно уметь сказать то, что хорошо знакомо читателю, но что он не может выразить сам. От него скрыты тайны вещей, поэт раскрывает эти тайны. Я назвал свою новую книгу «Жизнь времени». В ней собраны лирика о жизни, времени, себе самом. Человек живет и работает во времени, но и время работает в человеке, делает его, формирует. А у поэта во времени две жизни – его собственная и его произведенный. И жизнь 2-я зависит от того, насколько жизнь 1-я отмечена печатью времени, его отметкой – панорама образов времени, жизни времени.

Творчество поэта можно сравнить с источником, текущим рядом и параллельно с большой рекой. По большой реке плывут пароходы, на ней свершается работа жизни – это магистраль времени. Источник же призван утолять жаждущего, давать ему радость открытия прекрасного, светлого. И тогда пунтик не забудет родника, вернется к нему вновь.

Когда мне трудно, я обращаюсь к природе – беседую с ней и чувствую за собой опору. Иногда она говорит мне: это не так, подумай еще, переосмысли... Простая река подкашивает упорство, горы как бы гово-

рят: не унывай, тынишь вверх, к ним. Они безмолвны, но мне кажется, они заняты своей внутренней работой, своим собственным поиском смысла сущего, сравнивают свое прошлое с сегодняшним. Природа ищет себя. Как часто мы, люди, проходим мимо, снисходительно и жестоко. Мы не стремимся проникнуть в душу природы, и она, конечно же, на нас обижается – наводнения, сели, землетрясения... Мы обкрадываем природу – и она стала сердиться что-то довольно часто.

Недавно я вернулся из Казахстана, где проходили Дни киргизской литературы. Там у нас был широкий обмен мнениями с коллегами из братской республики. Радостно, что они свободно смотрят на мир, стараются не связывать себя шаблонами и стереотипами. В их творческой работе чувствуется обновление, масштабность,вольное дыхание, глубокое понимание современности. Мне приятно было столкнуться с нетрадиционными формами мышления и в романах А. Кекильбаева, и в стихах М. Шаханова. Эти же качества привлекают меня в произведениях моих современников Андрея Вознесенского, Валентина Распутина, Василия Белова.

... Как я стал поэтом? Однажды я просто услышал разговор горы и ветра, но его тотчас проглотила и унесла река. И все-таки кое-что я узнал – мне очень захотелось поделиться этой тайной природы с людьми. Тогда я начал искать слова...

Стремиться к открытиям

Киргизская литература – ровесница Октября. Иными словами, развитие национальной культуры у нас определялось, с одной стороны, мощными традициями широко известного во всем мире киргизского фольклора, с другой – молодостью и естественной восприимчивостью к новому самой литературы. Потому первые наши писатели – Аалы Токомбаев, Касымалы Баялинов, Кубанычбек Маликов, Темиркул Уметалиев и другие – были и первыми переводчиками. Не погрешу против истины, если отмечу, что художественный перевод в становлении собственно литературного творчества является у нас, в истории киргизской литературы, одной из фундаментальных опор, это основная сфера, где осуществлялись и осуществляются ныне многообразные связи киргизской литературы с литературой русской, с другими братскими литературами народов СССР. Это обстоятельство послужило причиной тому, что дело художественного перевода в Киргизии имеет свои давние, соизмеримые с национально-литературными, традиции. (И вместе с тем нельзя не отметить большого количества недоработок в области «переводче-

ского строительства», – о них я скажу ниже.) В силу всего этого влияние переводческого дела на литературное развитие у нас очень велико.

Можно привести ряд примеров того, как литераторы, начинавшие в качестве переводчиков, приходили к собственному творчеству. Например, один из великих наших переводчиков прозы Олжобай Орозбаев написал повесть «Алду мост»; повесть эта получила широкий резонанс в республике, сейчас ее издает «Советский писатель». Или другой пример: Узакбай Абдукаимов всю жизнь занимался – и весьма плодотворно – переводом русской и зарубежной классики, потом он написал роман «Битва», ставший важной вехой киргизской прозы.

Вот другие примеры, близкие мне как поэту. Именно через перевод пришли к нам такие формы, как белый стих, верлибр и близкие к верлибру формы. перевод стал их стартовой силой, но они (как верно рассуждает один из наших одаренных переводчиков и литературоведов В. Шаповалов), будучи результатом освоения инонациональной поэтики, обрели жизнь потому, что, во-первых, киргизский стих имел достаточные ресурсы, чтобы принять и творчески переволлотиить эти формы, и, во-вторых, интернациональный характер литературного развития показал необходимость обогащения традиционной поэтики. И здесь переводчиком практического освоения нового стал именно перевод.

Наверное, не я первый говорю об этом, но роль перевода в формировании национальной литературы в разное время проявляется по-разному, ибо восприятие творчества великих иноязычных поэтов – процесс расширяющийся, изменяющий свои формы. Этот тезис хорошо иллюстрируется историей перевода у нас в Киргизии поэзии Пушкина. Первые – «ознакомительные» – переводы появились в 20-е годы. Спустя десятилетия Пушкин уже был переведен гораздо более широко. Но в последнее время было решено привлечь весь наш переводческий авангард к новой работе над наследием величайшего русского поэта, потому что прошедший период показал значительный рост идейно-эстетического уровня нашей читательской и собственно литературной аудитории, несоответствие ему переводов, выполненных сорок лет назад. Характерна история перевода «Евгения Онегина». Впервые он был переведен в 40-е годы К. Баялиновым. Затем, десять лет спустя, появилась новая перевод, принадлежавший перу замечательного киргизского поэта Алыкула Осмонова. Этот перевод отличали высокие художественные достоинства, лишь структура онегинской строфы была переводчиком изменена. Однако теней Пушкина настолько притягательна, что родился третий перевод романа в стихах (я обращаю внимание на жанр не случайно, ибо если история насчитывает немало примеров неоднократного перевода отдельного лирического стихотворения, то примеров перевода целиком

боко и детально проработал всю очень сложную в стилистическом отношении структуру произведения, изучил все, что связано с отображаемыми событиями, героями, и сумел очень точно, творчески передать киргизскому читателю многомерность этого значительного произведения советской литературы.

В связи с этим нельзя не вспомнить довольно печальный факт: вплоть до прошлого года у нас не было хорошего перевода замечательного романа М. Шолохова «Гихий Дон». Были попытки его перевести, но они все оказались неудачными. Наконец за это большое дело взялся О. Орозбаев, взялся по-настоящему – с «многоступенчатой» предварительной подготовкой, изучением творческой истории романа, всей научной литературы о нем, с подготовкой словаря, с детальными разработками сюжета, эпизодов и т. п. Первая книга вышла в конце прошлого года и пользуется заслуженным успехом.

Да, перевод в Киргизии – явление не только мобильное, но и, естественно, развивающееся диалектически, проходящее на пути совершенствования через отрицание определенных своих этапов развития последующими этапами. Наверное, это отражается в личном опыте каждого переводчика, будь то поэт или прозаик, в его достижениях и просчетах.

В начале 50-х годов я перевел поэму Александра Твардовского «Василий Теркин». Был я молод, опыта и подготовки у меня было явно маловато, за плечами был лишь опыт войны, собственные фронтовые воспоминания и мысли. Коллеги уговорили меня: больше, дескать некому, а перевести необходимо – эта поэма читателю сейчас очень нужна, и ты – поэт, где не хватит эрудиции или методички, выведет свое чутье, и так далее... В общем, я согласился. «Василий Теркин» – явление совершенно уникальное, и это я с особой остротой понял в период работы над переводом. Материал сопротивлялся мне с необыкновенным упорством! Сделано было два варианта поэмы, но оба мне не нравились чем-то, и, в конце концов, я сделал третий вариант – фактически запово в третий раз перевел, потратив на работу четыре года. Сейчас этот перевод, сделанный четверть века назад, критики цитируют как образец, но сам я, честно говоря, до сих пор недоволен им. И вот живет во мне одно желание: давнее: хочу, чтобы нашелся у нас молодой поэт, который бы перевел «Василия Теркина» так, как видится мне самому эта замечательная поэма, а скорее всего – по-своему... Помните, приехал я к Александру Трифоновичу, пожаловался на трудность работы над переводом. Может быть, говорю, пойти мне учиться в Литературный институт? Зачем тебе тут у нас одна поэтеца, писала прекрасные стихи, а как приехала в Литинститут, стала писать плохие...

такого большого, сложного и литературно значащего произведения, как «Евгений Онегин», можно отыскать очень немного). Автор третьего перевода – талантливый переводчик Эрис Турсунов – хорошо решил формальные задачи, но в целом его перевод в художественном отношении уступает осмоновскому. Видимо, будут еще новые попытки перевести «Евгения Онегина».

Что такое перевод для киргизской литературы, особенно на начальных этапах ее развития, говорят, в частности, такие вызывающие у нас добрую улыбку факты: в одно из десятилетий вдруг стали чрезвычайно распространены у нас имена Авандил, Тинатин и другие имена сказочных грузинских героев. Оказалось, причиной тому – перевод поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», созданный Алыкулом Осмоновым. Произведение это стало горячо любимым у нас в народе – и дети наши стали носить имена героев сказания. Периодически проходящие у нас в Киргизии заседания Совета по переводу в Союзе писателей достаточно последовательно нацеливают на повышение качества художественного перевода в республике. Большое внимание уделяется ориентации переводчиков на перспективный план переводной литературы, на коррекцию самого плана в соответствии с динамикой литературного процесса, на подбор лучших переводчиков путем творческих конкурсов. Мы стремимся к высокой требовательности в деле издания переводов (рецензирование, редактирование, многоступенчатый контроль). Особенное внимание уделяется в Киргизии сейчас важнейшей проблеме подготовки переводчиков с национальных языков. Здесь мы активно вовлекаем в дело молодых писателей и поэтов, расширяем всевозможные творческие контакты, организуем проблемно-переводческую работу в научных и педагогических центрах.

Мне кажется, что, как и везде, у нас сейчас с особой остротой встает вопрос – насколько знает переводчик все то, что связано с переводимым материалом: контекст его художественной культуры, стихию языка, жизнь и быт народа, его национальное самосознание, реалии, отражающие национальные особенности.

Выход киргизской поэзии к русскому читателю, сам эффект этого выхода прямо зависит от знания переводчиком Киргизии. И в этом отношении мы стараемся вырастить и воспитать своих переводчиков на русский. Сейчас у нас активно работают молодые переводчики Светлана Токомбаева, Вячеслав Шаповалов, известность обрел выросший в Киргизии Михаил Синельников. Если обратиться к примеру перевода, скажем, русской литературы на киргизский язык, то поучителен опыт работы Калмака Саякбаева над переводом трилогии Константина Федина «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер»: переводчик глу-

Но возвращаюсь к нашим общим переводческим проблемам. Польжовывая все, что сказано мною, хотелось бы остановиться на будущем нашего перевода, причем будущем не абстрактном, а вполне обозримом, представимом в конкретных мероприятиях. Сейчас мы заинтересованы (говоря о киргизско-русских переводах) в стабильном отряде переводчиков, талантливых и знающих нашу республику. Конечно, мы часто обращаемся к помощи сильных писательских коллективов, например, московского, и всегда были и будем рады творческой дружбе, взаимной работе. Но каждому ясно, что нужно воспитывать и своих переводчиков. Какие шаги в этом направлении именуются, я уже называл имена тех, кто уверенно работает в этой области. Воспитывая же своих переводчиков русской литературы и литератур братских народов СССР (а также и переводчиков зарубежных литератур), мы все силы стараемся положить на алтарь идеи «на язык – с языка». Пытаемся централизовать усилия в нашей Академии, в Киргизском университете, в других педагогических, научных, методических учреждениях. Разработан ряд конкретных мер, и если Союзу писателей Киргизии помогут, это не замедлит дать самый положительный эффект. Да, переводческое дело необыкновенно сложно, необыкновенно ответственно. И справедливо отмечает М. Новикова («Всеосоюзный контекст»): «Р е а л ь н ы м фактором взаимообогащения литератур могут стать лишь переводы – художественные с о б ы т ь я, переводы – я в л е н ы я. Переводы-однодневки – кривое зеркало литературы». Совершенно верно писала недавно К. Джийдеева, один из ведущих у нас специалистов по переводу, – путь великих поэтов из одного языка в другой (добавлю от себя: из одной национальной культуры в другую) – сложный, неоднолинейный, медленный, не всегда озаренный счастьем понимания и открытия. И наше общее дело, наша высокая обязанность – сделать этот путь ведущим к настоящим открытиям, подлинному пониманию, сделать достоянием своей культуры все то, что братские литературы нашей страны создали и что еще создадут.

Сооронбай ДЖУСУЕВ

Во имя жизни

Апрель 1943 года...

Прошло уже немало времени с того часа как мы, простившись с аильчанами, вышли в путь, но дорога кажется преодолимой. Каждый погружен в свои неотступные думы, от которых даже наши шаги становятся тяжельми.

Вот и Боз-Тектир. Это колхозная литовка. Улавливается резкий, герпикый запах молодой польни, он бередит воспоминания о беспечном босоногом детстве. А старые пепелища – следы былых стойбищ живо воскрешают в нашем воображении разбросанные там и сям юрты аяла, большую юрту, служившую школой для чабанских детей, галдящую ребятню, которая то подбирает букеты из горных цветов, то тешится борьбой, скачками на телятах и жеребятках, то шумно гоняет мяч. А сколько было веселого шума вечерами, особенно когда начинали играть в «ак чолмёк»: забрасывали в темноту короткую белую палочку и поочередно ее отыскивали.

В каком временном далеке это было!.. И вот мы, уже возмужавшие парни, выступили в другую даль – на схватку с врагом, чтобы защитить огчюю землю в тяжкую для нее годину. Мой земляк Осу Беккулев то и дело оглядывается на Боз-Тектир, словно не в силах с ним расстаться, и тоже погружен в свои думы. Вдоль дороги вытянулись вереницей большие красные камни – молчаливые свидетели многих веков. Я сунул руку в карман и наткнулся на кусочек мела, прихваченного из школы. В голове у меня мелькнула одна мысль, и тихо окликнув Беккулёва, я сошел с ним на обочину. Торопливо написал на плоской и зашпиленной от дождя стороне большого красного камня несколько строк:

Среди народа вместе росли

Мы, двое молодых, с добрыми помыслами.

На поле брани мы отравились,

Вернемся ли – судьбе лишь то известно.

Затем мы поставили свои подписи. В самом деле, доведется ли вновь пройти по красному глинозему Боз-Тектира с его меловыми травами?..

Добравшись пешком до Кара-Кульджи, мы двинулись дальше в сопровождении представителя районкомата на станцию Кара-Суу. Там без раскочки погрузились по отделениям в красные, будто выкрашенные суриком вагоны. Раздался протяжный гудок, и поезд тронулся. После нескольких дней приехали в Алма-Ату. Прошли разношерстной колонной по мощным улицам города. Впервые в жизни после своего аяла я увидел большой город... Помыслил в городской бане, постриглись под нулевку, а затем переоделись в военную форму. В этой одежде все стали как будто одинаковыми, мы узнавали друг друга не сразу, а только взглядевшись, что вызывало дружный смех. У военной формы есть одно особое свойство: надев ее, подпоясавшись ремнем, не-

вольно подтягиваешься, плечи сами собой расправляются, и уже чувствуешь себя воином.

Посадив на трамвай, нас привезли под Алма-Ату, в расквартированный там запасной полк. Месяца три жили мы в полковых казармах, проходили необходимую военную подготовку. Каждый день с утра до вечера занимались на полигоне, заучивали положения уставов, рыли окопы, стреляли по мишеням, бегали с пулеметом, бросались в учебные атаки на «противника». Возвращались поздно вечером, донельзя уставшие и, едва поужинав, ложились спать. Спать... Спать... А чуть свет звучал зычный голос командира: «Подъем!» Он властно вырывал нас из сладкого сна, в котором каждый вновь видел родной аил, сочные травы джайлоо и себя с любимой на этом джайлоо.

Однако мы, воины, взявшие на себя святую обязанность защищать Отчизну от ненавистного врага, выдержали нелегкие испытания, старательно, со всем тщанием изучали солдатскую науку. Наши аильчаны не быштак Джаныбеков, Султанбек Корголбаев, Байы Куленов, Сатыбай Мамбеткабылов, Алдыш Мамаев, Масирул Акматов, Кожомберди Айдаров рвались попасть на передовую как можно раньше. Особенно не терпелось Алдышу, парню подвижному, ловкому. Оказывается, он уже был на фронте, воевал с фашистами, схватывался с ними лицом к лицу, был ранен и после лечения в госпитале приехал в родной аил в отпуске. Теперь он готовился снова попасть на фронт, уже вместе с нами. Он учил товарищей разного рода удловкам, которые могут пригодиться в боях, давал множество самых разных советов и вообще, как мог, старался помочь нам. И мы смотрели на Алдыша, как на человека бывалого, много повидавшего, и старались хорошенько запомнить его наставления.

Однажды бойцов собрали в летнем клубе, где для нас должна была петь гордость казахского народа, знаменитая певица Куляш Байсеитова. Ее чудный голос сразу же овладел нами, и мы сидели заворожеными. Куляш была первой известной певицей, которую я слушал. Потом, в дальнейшей своей жизни, мне приходилось слушать не одну известную певицу, но ничье пение не врезалось так в память, как пение Куляш в солдатском клубе, в пригороде Алма-Аты.

В заключение концерта Куляш Байсеитова обратилась к бойцам:

— Дорогие мои, желаю вам, чтобы вы разгромили врага наголову и с победой возвратились домой! — ее слова потонули в громких аплодисментах, так мы выразили ей свою горячую признательность.

Через несколько дней командир полка выстроил нас и сообщил о том, что завтра мы отправляемся на фронт, да еще будем воевать в гвардейской дивизии имени легендарного генерала Панфилова.

Чуть забрезжил рассвет, как мы с песней, в новельной форме строем шли по улицам Алма-Аты. Кое-где стояли старики, вездесущая детвора, направлявшиеся на работу женщины провожали нас долгими взглядами.

На железнодорожном вокзале состоялся митинг бойцов, едущих на фронт. Две вплотную поставленные друг к другу грузовые машины с бортами, затянутыми красными полотнищами с лозунгами, прератились в импровизированную трибуну. На нее поднялся один из руководителей республики и сказал теплые слова напутствия воинам, которым предстояло стать пополнением гвардейской дивизии, пожелал доброго пути и счастливого возвращения с победой. Затем выступили бойцы, отличившиеся на учениях запасного полка. Один из них был смуглолицый джигит-киргиз, как я узнал позже, Абсент Абдыбеков, который и поныне трудится учителем в Кеминском районе. Запомнились слова нашего земляка: «Мы, воины-киргизстанцы, обещаем отстоять честь, свободу и независимость советского народа, не шадить в битве с ненавистным врагом ни крови, ни жизни!»

После митинга казахстанцы раздали собранные нам в дорогу хлеб, масло, сахар и табак. Заиграл оркестр. Паровоз с красным флажком на тендере плавно тронулся с места, стал все больше ускорять бег, двигаясь на запад.

Прошло несколько дней пути. Когда наш состав останавливался на иных станциях, нас обгоняли эшелоны с танками, пушками, минометами, идущие в сторону фронта. А навстречу, с запада, шли разбитые составы и санитарные поезда с красными крестами на вагонах.

Смятенно смотрели мы на перебинтованных бойцов, ехавших в госпитали Средней Азии. Спрашивали:

— Браток, как там на фронте?

Одни отвечали:

— Приедете, сами все увидите.

Другие:

— Воюем. Враг еще силен. Занимайте наши места, бейте врага покрепче.

Наш эшелон тронулся. Прием кипятка, хрустим сухарями, слушаем бесконечные байки. Редкие остановки. И там, на других станциях, картина все та же: на запад — эшелоны с вооружением, с запада — поезда с ранеными.

Наконец приехали в Москву. Однако пройти по московским улицам не удалось. Наш состав сразу же направили по Октябрьской железной дороге, по которой эшелоны шли уже прямо на фронт. Ночью город потонул во мрак, и похжики на неополнеких китов аэростанагы загра-

что мы не выдерживаем жара, стали потешаться над нами, подавая еще больше пару и приговаривая:

— Раз стал фронтовиком, привикай, браток, и к фронтовой бане. Выйдя из бани, мы строем направилась к переловой, откуда слышалась стрельба и где разместились 2-й дивизион полка. Машины, обозы двинулись по газам среди болота. В этом дивизионе нам предстояло служить связистами-телефонистами.

Несколько блиндажей на сваях, срубленных из сосновых бревен, оказались штабом дивизиона. Из моих земляков в этот дивизион вместе со мной попал только мой земляк Осу Беккулуев. Мы сами неказанно удивились тому, что попали в один дивизион после стольких перемещений и «делений». Под непрерывный треск близкой стрельбы мы впервые поеди фронтовой каше, вдохнули пахнувший порохом воздух и стали укладываться в блиндаже рядом с бывальными бойцами в пропитанных потом гимнастерках.

Когда мы с Беккулуевым принялись снимать гимнастерки и стаскивать ботинки, командир отделения связистов Аширов остановил нас:

— Ребята, вы сюда не на курорт приехали. На фронте раздеваться не положено.

Уложив вещмешки в изголовье, мы прилегли. Вражеские снаряды рвались то с недолетом, то с перелетом. Отчетливо слышалась пулеметная трескотня. Это была первая наша фронтовая ночь — сумбурная и тревожная.

— Подъем! Быстрее! — разбудил нас чей-то голос, и, в испуге вскакивая, мы схватили оружие и выбежали наружу.

Там уже стоял командир дивизиона майор Сорокопут. Как только мы выстроились, майор сказал:

— Положение опасное. Немцы захватили первую линию нашей обороны и вынудили пехоту отступить... Приказываю: оружие — к бою, взять побольше гранат и занять оборону вокруг штаба дивизиона. Защищать штаб любой ценой, если понадобится — ценой жизни! Ясно?

— Так точно!

Тревожно оглядываясь, мы заняли позицию вокруг штаба. А перестрелка все усиливалась. Снаряды разрывались неподалеку в лесу, выворачивая с корнем вековые сосны. Картина страшноватая, особенно для нас с Беккулуевым. Угнетала мысль о том, что можем погибнуть, даже не успев повоевать толком.

По гати мимо штаба шли к переднему краю бойцы пехотного полка с минометами, пулеметами «Максим», противотанковыми ружьями. Бой по-настоящему разгорался.

дения нависли над Москвой. Зенитные установки ошестинились длинными стволами в темноту, которую прорезали лучи мощных прожекторов, похожие на гигантские ножницы, способные разрезать все, что встретится на пути. Слышался гул барражирующих над Москвой патрульных самолетов.

Удаляемся от Москвы. Эх, пройти бы по улицам столицы, по Красной площади, прокатиться на метро, побывать в Мавзолее... Тешим себя мыслью, что если доведется вернуться живыми с войны, исполнятся все наши желания.

Когда добрались до станции Бологое, наш состав подцепил другой паровоз, и он, деловито пытая, потащил нас дальше на запад, в сторону Великих Лук. Все чаще стали встречаться воронки от бомб, вывороченные сосны и березы, тлеющие пожарища с сиротливо торчащими печными трубами. Все это — земля, освобожденная нашими войсками в ожесточенных боях.

После долгого пути среди лесов и болот поезд остановился на не приметной станции, была дана команда выходить, и бойцы, подхватывая вещи, начали выпрыгивать из вагонов. Построив всех повзводно и проведя поверку, офицеры, сопровождавшие нас от самой Алма-Аты, передали пополнение офицерам с фронта, из дивизии, в составе которой нам предстояло воевать. Да еще в какой — Панфиловской, гвардейской...

По дороге среди леса мы шли походной колонной, перед вечером подошли к какой-то деревне. Видим — блиндажи вдоль дороги. Возле них стоят бойцы — русские, казахи, киргизы, судя по говору. На груди у них — гвардейские значки. Невольно хочется быть похожими на этих храбрых бойцов, так же молодцевато носить гвардейский значок.

Добравшись до деревни Княжий Клин, наскоро поужинали и повалились на душистое сено, насланное на полу в длинном сарае. Хоть и устали порядком, уснуть сразу не удалось. Неподалеку гудела артиллерийская канонада, слышался треск пулеметных и автоматных очередей. Только здесь мы начали постигать, сколь далеки были рассказы о войне от наших собственных ощущений. Вот мы и добрались до фронта. Что нам еще предстоит?... От таких мыслей и не спалось. Рано утром вышли во двор. Веял ласковый августовский ветерок.

Снова — в строй. Началась переключка. Нас распределяли по полкам дивизии. Когда зачисленные в другие полки наши земляки из одного аила или района стали уходить, мы, оставшиеся, простились с ними. Нашу группу привели в расположение 27-го артиллерийского полка, где мы вымылись в срубленной солдатами — прямо среди леса — бане. В жизни я не видел такой жаркой бани. Бойцы-фронтовики, заметившие,

Услышав свист снаряда, который, казалось, вот-вот разорвется прямо над нашими головами, мы, словно стоворявшись, бросились на землю. После разрыва снаряда, перелетевшего через нас и угодившего в лес, мы услышали чей-то раскатистый хохот. Оглядевшись, мы увидели, что это был старший сержант Алымкан Мырзаканов.

— Эх, друзья, если вы каждому снаряду будете кланяться, как же воевать? Знайте: где упадет снаряд — с самолетом или с перелетом, можно определить по его звуку. Тот снаряд, что упадет с самолетом, не успеешь услышать — только взрыв. А тот, что упадет с перелетом, свистит над головой.

Мы приободрились от слов этого крепкого война-телефониста с глубоко посаженными, пронизательными глазами, призванного из Джалал-Абадской области и уже побывавшего не в одной фронтальной перелке.

После полудня — хорошая весть. Наши пехотинцы выбили противника из траншей, которые он занял на рассвете. После того, как угроза развернутой атаки немцев была устранена, дали приказ принять пищу и приступить к обычным занятиям.

В запасном полку в Алма-Ате мы изучали пулемет «Максим», который должен был стать нашим оружием на фронте. Однако нам пришлось неожиданно стать связистами-телефонистами. Как быстрее обучить нас этой специальности? По приказу начальника связи дивизиона ефрейтор Ковальчук повел нас подалее в лес на занятия. Начал он с устройства полевого телефона, показал, как с ним обращаться. Подсоединил к телефонному аппарату кабель, развел нас в разные стороны, одаль друг от друга, чтобы мы поговорили по телефону. Потом показал, как соединить оборванный провод. Прodelали все несколько раз.

К вечеру стрельба поутихла. Только я задремал, глядя на мерцающий огонек коптилки из снарядной гильзы, и тут же вздрогнул от голоса дежурившего у малого коммутатора Ормонбека Турдалиева:

— Товарищ сержант! Товарищ сержант, связь прервалась!

Сержант Аширов приподнялся и окликнул Ковальчука:

— Беги чинить линию! Захвати с собой одного из новобранцев.

— Кого?

— Да хоть кого. Все равно надо обоим учить восстанавливать линию, — сказал Аширов.

Ковальчук глянул на меня:

— Ну что ж, пошли. Возьми свой карабин. — Он вышел из блиндажа. Я присоединился к нему, и мы зашагали по ночному лесу. Темнота — хоть глаз коли. В одном месте я угодил ногой в воронку, до краев на-

полненную водой, в другом поцарапал лицо, наткнувшись на елку. Ковальчук, на ходу придерживая и вода рукой по проводу, наставлял меня:

— Эта телефонная линия связывает наш дивизион с передовым батальоном нашей пехоты. Очень нужная линия. Мы должны обеспечить ее бесперебойную работу. Видишь, вон лежат линии связи других частей! Вот и нужно держать свою линиюю все время в руке, чтобы не спутать с другими.

Мы приблизились к позициям нашей пехоты. Совсем рядом ухали орудия, неожиданно яркими вспышками сверлили темноту ракеты и гасли неподалеку. Друг все вокруг осветилось нестерпимо ярким светом, и что-то зарохотало. Я встал как вкопанный, ошалело озираясь. Ковальчук повалил меня и прижал к земле. Ничего не понимая, я лежал ослепленный и оглохший. Чуть погодя грохот утих. Ковальчук поднялся, отряхиваясь, сердито выговаривая мне:

— Чего ты рот разеваешь, когда вокруг мины рвутся! Не забудь, что ты, сюда не умирать приехал, а воевать!

Пройдя еще немного, он нашел обрыв линии, сунул мне один конец провода, потом нашел другой, соединил концы, затем присоединил к линии висевший на плече телефонный аппарат и проверил, есть ли связь. О том, что связь восстановлена, возвестил бодрый его голос:

— Все в порядке. Пошли домой!

Вернувшись, мы заметили при тусклом свете коптилки, что затвор карабина Ковальчука разнесло осколком. Видно, это произошло в тот самый момент, когда Ковальчук прижал меня к земле. Я похолодел от мысли, что этот осколок попал бы в меня, упал бы чуть позже. И во мне разлилась волна теплоты и благодарности к этому немногословному, простому и храброму человеку. До меня стала доходить суть нашей фронтальной работы — готовность одолеть врага, помноженная на готовность к взаимовыручке.

Ночью линия снова оборвалась, и соединять ее ходили Окулев-младший с Беккулеевым. В нашем взводе, как выяснилось, служили братья Окулевы. Младший — высокий, черноволосый, старший — низкорослый, русый, с потрескавшимися губами. Постепенно мы познакомились со всем взводом.

Одним из бойцов нашего взвода был Федор Стукошин, человек отзывчивый, мягкий, художник по своей довоенной профессии (и послевоенной — он стал одним из известных художников Киргизии), служил в дивизионе топографом, потом артиллерийским разведчиком. Наблюдательный пункт дивизиона располагался на очень высокой раскидистой сосне. Как-то поднялся я на наблюдательный пункт проверить телефон, там дежурил Стукошин. В установленную на сосне стереотрубу он на-

блюдал за позициями противника, сверял с панорамой, начерченной им самим, и наносил на схему огневые точки.

— А-а, проходи, земляк, — сказал он, дружелюбно улыбаясь. — Ты, наверное, еще фашистов не видел. На, погляди.

Я прильнул к стереотрубе и стал всматриваться. Стукошин между тем пояснял:

— Вон река Ловать. На этом город Холм, занятый немцами.

Я увидел небольшой городишко с деревянными домами, церквушкой, мошными улицами. Подумал о том, что под крышами этих домов засели фашистские вояки и забрасывают нас минами и снарядами. ...А ближе к нам плавно несет свои воды Ловать. Но спокойствие это обманчиво: через реку днем и ночью летят тысячи снарядов и миллионы пуль. Увидев, как точно набросал Стукошин панораму переднего края противника, я сказал ему об этом, он со вздохом ответил:

— Да, земляк, вот какие картины я сейчас пишу. Есть у меня одна мечта: кончится война, вернусь домой, в родную Киргизию, буду писать пейзажи, портреты мирных людей.

Проверив телефонные аппараты, я спустился по лесенке на землю и, увидев подходившего майора Сорокопута, вытянулся и отдал честь. Майор, статный, чуть рябоватый, с пронизательным взглядом, всегда бодрый, остановился и с улыбкой спросил:

— Ну, как дела, киргизский боец? Привыкаешь понемногу к фронту?

— Привыкаю, товарищ майор.

— Надо привыкать, — он шагнул, но снова остановился и обернулся ко мне. — Ты из тех киргизов, о которых писал Тарас Шевченко?

В это время подошедший к нам лейтенант Куанышпаев, опередив меня, пояснил:

— Товарищ майор, в старину казахов и киргизов называли одинаково — киргизами. А Шевченко в своих «Думах...» и других стихах разумел под киргизами нас, казахов. Но мы уже не те бедняги, о которых с жалостью и сочувствием писал Шевченко.

— Знаю, — ответил майор, улыбаясь. — Казахи и киргизы — родственные народы. Ты, стало быть, киргиз, горец. Видно, по горам соскучился, что на сосну залез. Ладно, воевать надо везде. Ну, хлопцы, как будем воевать? — глянул он на бойцов, подошедших к сосне.

— Жизнь за жизнь! — в один голос потянулись мы.

И ранее мы замечали, что этот грозный на вид командир украинец постоянно вполголоса читал стихи Тараса Шевченко. Вот и сейчас, поднимаясь по лестнице на НП, он что-то нашептывал складное.

Мы пошли по своим делам. Через некоторое время заметили, что пушка нашего дивизиона, стоявшая за лесом, посылает снаряд за снаря-

дом... Вечером Стукошин рассказал нам о тех залпах... Майор Сорокопут, наблюдая в стереотрубу, позвонил на батарею, откуда одна пушка начала обстреливать позиции противника. Видно, снаряды ложились не туда, куда наметил майор, он пришел в негодование — подавал команду, стиснув зубы. Вот один снаряд перелетел реку и разорвался в горюхе, майор удовлетворенно улыбнулся. Снаряд, как оказалось, попал прямо в купол церквушки, которую немцыке разведчики превратили в удобное для себя гнездо, корректируя оттуда огонь своей артиллерии.

...Постепенно мы втянулись во фронтовые будни, привычно и четко выполняя свои обязанности, восстанавливая связь не только днем, но и ночью.

Как я узнал, наша дивизия стояла в обороне у Холма уже давно. Наши бойцы еще зимой 1942 года проникли в глубокий тыл к фашистам — неожиданно, через леса и болота, нанеся большие потери противнику. Случалось, что подводы, груженные боеприпасами, и пушки вязли в болоте, тогда бойцы вытаскивали их и по труднопроходимым топям несли снаряды на руках по несколько километров. И таким невыносимо тяжким путем подошли к городу Холму.

О тех тяжелых днях нам, новобранцам, много рассказывал опытный связист, талассец Ормонбек Турдалиев, перенесший все эти немощные тяготы вместе с бойцами дивизии. За мужество и храбрость, проявленные в боях за Крестцы, он получил орден Красной Звезды.

Турдалиев советовал нам с Беккулевым много полезного, прививал фронтовые навыки.

— Особенно будьте осторожны, когда идете восстанавливать линию ночью. Оружие всегда держите наготове, заряженным. Бывает так, что немцы переходят наш передний край, обрывают провода и ждут прихода наших связистов. Застают их врасплох, когда те устроят обрывы, захватывают в плен. Поэтому, пока один соединяет провода, другой должен быть начеку.

Еще он учил, как восстанавливать линию.

— Никогда не выходите на линию без нескольких метров запасной проволоки. Иногда в один кабель попадают два-три снаряда. Когда соединяешь концы, линии кабеля уже не хватает. Иногда линию обрывает танк или подвода, и оборванный конец может оказаться далеко. Случается, все обрывы устранил, а на последний не хватает двух-трех метров проволоки. Тогда можно срезать на ближайшем дереве длинную ветку и временно соединить с концами кабеля. Влажное дерево отлично пропускает ток.

Мы были довольны тем, что и на войне встретили много людей отзывчивых, чутких, всегда готовых прийти на помощь. Мы поняли, что

советскому солдату присущи чувство локтя, взаимовыручка и самоотверженность, которые и помогают ему побеждать.

Как-то майор Сорокопук построил всех нас и зачитал приказ командования Северо-Западного фронта, в котором сообщалось, что наши войска после ожесточенных боев прорвали линию фронта близ города Старая Русса и продвинулись на два-три километра вглубь. В приказе выражалась благодарность наиболее отличившимся частям, звучал призыв множить победы. Из этого приказа мы поняли, что соседние дивизии смогли продвинуться вперед только после кровопролитных боев, по фашистским трупам.

Хотя на нашем участке и не было такой напряженности и таких кровопролитных схваток, зато непрестанно шли бои местного значения. Мы не знали, когда пойдем в большое наступление. Преодолев минные поля в лесу севернее штаба дивизиона, мы начали строить новые блиндажи. Поставив, толстые сосны, построили для связистов блиндажи в два наката, засыпав землей пространство между рядами бревен. Наши плечи покрылись ссадинами, когда блиндаж был закончен. Вырубив из сухого ствола балаалайку и натянув на нее телефонный провод, Ковальчук дал концерт в честь завершения «строительства». Осталось только переехать в новый блиндаж тем более что каждый присмотрел себе там местечко. Любуясь снаружи блиндажом, в котором не была бы страшна даже зимняя стужа, мы едва заметили подошедшего майора Сорокопука. Отдали честь.

— Блиндаж закончен? — спросил он, заглянув вовнутрь.

— Закончен, товарищ майор! — разом ответили мы. — Теперь нам ни снаряды не страшны, ни холод. Топчан сделали — это наша общая кровать.

— Кровать-то кроватью, однако не доведется вам на ней постать, молодцы, — сказал майор с улыбкой.

— Почему? — спросили мы в недоумении.

— Завтра снимаемся отсюда. Готовьесь в путь! — серьезно сказал майор и направился к соседнему блиндажу.

Мы долго стояли на месте от неожиданности. Но делать нечего, приказ есть приказ, и мы пошли готовиться в путь, оглядываясь на наш новенький блиндаж. Ну что ж, может, добрым словом помянут нас другие бойцы, которым этот блиндаж пригодится.

На следующий день наше расположение заняли бойцы свежей дивизии, а когда стало смеркаться, мы двинулись в путь. О том, куда мы направляемся, знали только командиры. Небо было звездное. Отрыскав Полярную звезду, мы прикинули, что идем к югу от Холма.

Десятки тягачей тянули гаубицы, машины — минометы, лошади — пушки поменьше. Пехотинцы шли повзводно. В прохладной осенней ночи ревели моторы, храпели лошади, стучали копыта. Было уже за полночь, когда мы, отдалившись от Холма на значительное расстояние, наконец-то услышали долгожданную команду на привал. Узнав о том, что неподалеку от нас расположились пехотинцы, мы с Беккулевым решили поискать земляков, с которыми расстались при распределении в деревушке Княжий Клин.

Мы подошли к месту, где отдыхали пехотинцы, раза три выкрикнули имена наших англчан. Спустя немного времени к нам подошли Султанбек Кортобаев, Салык Чолуков и другие джигиты. Мы крепко обнялись. Не верилось, что все это наяву. Начались расспросы о здоровье, о солдатском житье-бытье, о новостях с родины. За разговорами мы и не заметили, как быстро прошло время привала, раздалась команда выступать в путь. На прощание, крепко пожав друг другу руки, мы побежали к своим подразделениям.

И снова тянулась дорога. Казалось, что нет ей конца. Но вот наступил рассвет, такой долгожданный, потому что после многих часов ночного пути можно передохнуть, выгнуть ноги и расслабиться. Расположились на отдых в стороне от дороги, на опушке густого леса. Техники и орудия надежно замаскировали. Погромыхивая катушками с кабелем, мы протянули линии связи от штаба дивизии к подразделениям и службам. Потом лишь прилегли спать. После сна бойцы подкрепились и стали приводить себя в порядок: брились, меняли подворотнички. Многие писали письма домой. Подтрубки беседовали с бойцами. Крутили кинофильмы.

...Когда линно связи, идущую к батарее, я подвешивал на стволы сосен, увидел, что мимо проезжал на светлом коне смуглый полковник в сопровождении адъютанта.

— Эй, джигит, приподними-ка свой провод повыше! Смотри, за горло нас не зацепи! — крикнул он по-казахски. Я приподнял проволоку, и всадники проехали. Навстречу полковнику заспешил пехотный майор:

— Товарищ полковник, в настоящее время батальон отдыхает. Во время движения никаких происшествий не случилось.

Полковника я узнал сразу. Это был прославившийся в боях под Москвой Бауржан Момыш-улы, о котором мы знали, что он не только храбрый военачальник, командир полка, но и поэт. Его стихи часто публиковались в дивизионной газете «За Родину!». Выходившей на русском и казахском языках. Долго еще я смотрел вслед сууховашавому полковнику в черной бурке, гарцевавшему на горячем коне.

Через несколько дней пришли в Великие Луки. Город лежал в руинах. Проходя по его улицам, мы не заметили ни одного целого здания. Глядя на темные проемы дверей, пустые глазницы окон обрушенных домов, в которых когда-то кипела жизнь, мы впали в томительные думы. Где теперь те люди, жившие некогда в этих домах?

Прошли еще двадцать пять километров и остановились неподалеку от города Новосokolники, который находился еще в руках немцев. В отличие от позиций в лесу близ Холма здесь не за что было зацепиться глазу: кругом равнина, которая лишь местами горбилась холмами. Лошадей, подвод, машины, тягачи, походные кухни, артиллерийские батареи разместили под прикрытием этих холмов. День и ночь мы строили блиндажи, тянули телефонные линии. Так прошло несколько суток. Временами самолеты-корректировщики «Фокке-Вульф», так называемые «рамы», навели на нас огонь немецкой артиллерии. Нам, связистам, на такой голой местности пришлось туго. Отправлялись устранять обрыв линии ползком, таясь от фашистских снайперов.

Наблюдательный пункт нашей дивизии располагался на холмистом холме. Добирались мы до него по ходам сообщений, старательно пригибаясь. Здесь мы и дежурили, готовые устранять неполадки на линии.

Как-то дежурили мы с разведчиком Джумалы Кыдырбаевым на НП: я — у телефона, Джумалы — у стереотрубы. Обо всех передвижениях врага, замеченных огневых точках он докладывал в свою батарею. Помимо, как теплеши его глаза на холодном НП, когда он рассказывал о любимой девушке Нурие из села Ивановки в Чуйской долине, вынимал из кармана ее фотографию. У Джумалы был маленький, величинной с ладонь томик киргизских народных песен о любви, собранных Аалы Токбаевым. Сборник назывался «Напевы сердца». Джумалы с тихой грустью и мечтательностью говорили:

— Я эту книжечку у одного бойца еле выпросил, никак не хотел отдавать, да я его задобрил половиной яблок из посылки от родных...

Какое святое это чувство — любовь. И какие только чудесные строки посвящали ей киргизские акыны...

Наша вышка содрогнулась от разрыва снаряда. Следом заухали новые разрывы, уже неподалеку от нас. Запахло порохом и гарью. Линия оборвалась. Сколько ни кричал я в трубку, штаб не отвечал. Со всех ног я бросился устранять обрыв, но тут же остановился — оборванный провод змеился метрах в двадцати от НП. Когда я соединял концы провода, над головой «прошелестел» снаряд. Артиллерия возобновилась с новой силой...

Когда стрельба улеглась, Кыдырбаев снова вынул из кармана фотографию любимой.

— Хорошая она девушка, такие душевные письма пишет. Эх, доведется ли увидеться с ней? ... промолвил Джумалы с грустной улыбочкой и прильнул к стереотрубе.

Едва забрезжил рассвет, земля содрогнулась от гула канонады. Сотни наших пушек и минометов вели огонь по врагу. От залпов «кашюш» стоял невообразимый грохот. После часа такой артподготовки в дело вступили наши танки и пехота. В общую какофонию боя включились теперь залпы танковых пушек, треск пулеметных и автоматных очередей, гулкие разрывы гранат.

Бой стих только к вечеру. За день, пока шел бой, мы уже потеряли счет разрывам линии, устранять которые бегали братья Окулевы, Ковальчук, Турдалиев, Гальченко, Беккулеув и я. Копилась смертельная усталость, свиновая тяжесть во всем теле, что было еще невыносимей от мысли, что атаки нашей пехоты окончились неудачей. Мы с Беккулеувым ходили помогать пехотинцам хоронить погибших. Многие из них остались лежать на нейтральной полосе. Выждав, когда потаснут немецкие осветительные ракеты, мы ползком пробирались к телам павших и выносили их к нашим позициям. Сдав личные документы командиру, хоронили их в братской могиле. В темноте трудно было разобрать, кого мы хороним. Может быть, среди убитых были и джигиты из нашего аида, с которыми мы совсем недавно так радостно встречались у рода Холма. Кто знает... На войне как на войне, и войны без жертв не бывает.

Потом на нашем участке наступило затишье. Но были успехи на других фронтах. В день 26-ой годовщины Великого Октября мы заметили, что у майора Сорокопута настроение особенно приподнятое.

— Наши войска заняли вчера Киев! Киев! — майор не мог сдержать радости по поводу освобождения столицы своей республики, делился этой новостью с другими офицерами, сержантами и бойцами...

Спустя несколько дней к нам на НП, когда лежурилли с Кыдырбаевым, поднялся наш майор. Мы вскочили, он жестом велел сидеть. Встав на место Кыдырбаева, начал в стереотрубу рассматривать передний край, весь перепыханный взрывами бомб, снарядов и мин. Майор несколько минут смотрел задумчиво вдалеку, потом тихо произнес:

Ой, чего ти почорнило,

Зеленое поле? ...

И, как бы отвечая вместо поля, закончил:

Почорнило я од крови

За вольную волю.

Командира дивизиона, глядевшего на поле недавней битвы, разыскал по телефону командир какой-то батареи. Он сообщил о том, что от

взрыва фашистского снаряда погиб боец, киргизский джигит, давно служивший в батарее наводчиком. Лицо майора омрачилось, на скулах заиграли желваки.

— Отомстим! — отрезал он и снова приник к стереотрубе. Но на той стороне не было видно ни души. Через некоторое время со стороны Новосокольников показался немецкий мотоциклист. Сорокопут позвонил на батарею и приказал дать выстрел из пушки. Снаряд упал с большим перелетом. Немец спрыгнул с мотоцикла и бросился бежать.

— Огонь! — отрывисто бросил майор в телефонную трубку. Следующий снаряд упал рядом с немцем, и тот, поднявшись вместе с тучей песка и глины в воздух, со всего маху ничком хлопнулся оземь. Возвращая стереотрубу Кыдырбаеву, а телефон мне, майор со злой радостью в голосе выдохнул: — Вот так их нужно! — и стал спускаться с НП.

После его ухода мы еще долго говорили об этом храбром офицере. Когда уже собирались смениться с дежурства, Кыдырбаев рассказал, что получил письмо от любимой девушки и попросил помочь ответить ей письмом в стихах.

— Я же не поэт, чтобы стихи писать, — стал я отнекиваться.

— Если не поэт, так будешь им. Я же видел, как ты письмом к матери стихами закончил. Даже запомнил те строчки:

Не зная с надеждой на дорогу

Ты, в тревоге сына ожидая,

Я вернусь тогда лишь, как свободной

Станет, наконец, земля родная.

— А письмо от Джоомарта Боконбаева? Стал бы он писать тебе, если бы ты был бесталанным?

Действительно, я получил такое письмо, в котором крупным, размашистым почерком знаменитый киргизский поэт сообщил мне о том, что мое стихотворение «Вперед, киргизы!», посланное мной в журнал «Советтик Кыргызстан», будет опубликовано в 12-м номере журнала, пожелал воннам края белоглавых вершин Ала-Тоо храбро сражаться и вернуться с победой.

Я пообещал Кыдырбаеву помочь, и, схватив котелки, мы направились к походной кухне ужинать.

Лежим в блиндаже, привалившись друг к другу. В траншею снаряды ходит взад-вперед наш часовой. Вог вдали послышался шум поезда, и разом заговорили наши пушки — по вражескому эшелону, который шел со стороны станции Пустошка.

Как только наступила морозная зимняя ночь, мы снялись с места. Теперь наш путь лежал на север от Новосокольников. Шли всю ночь, остановились и расположились лагерем в густом заснеженном лесу. Привал, конец ли пути — еще ничего не значит для связиста: пришли на новое место — тут-то ему и самая работа — тянуть паутину своих проводов от штаба дивизии к батареям, наблюдательным пунктам.

Только успели обжиться на новом месте, как на рассвете январского дня раздалась оглушительная канонада. Огненными всполохами озарили все вокруг «катюши». В небе — наши бомбардировщики в сопровождении юрких истребителей. Глядя на всю эту мощную технику, нельзя было не проникнуться гордостью к ее создателям, к тем, кто ею управлял.

По укреплениям врага наносился сокрушительный удар. Старались и артиллеристы нашего дивизиона. Все вокруг было окутано дымом, пороховой гарью. А на батарее поступил приказ: установить прицел пушек выше и обстреливать вторую линию позиций противника. Двинулись вперед танки, которые до поры до времени находились в укрытиях. На переднем крае завязалась ожесточенная перестрелка. В бой вступили наши пехотинцы. Их поддерживали своим огнем пушки и минометы. Враг не выдержал натиска, дрогнул и стал в беспорядке отступать, оставляя свои позиции. Мы, связисты, спешно смотали линии связи и пошли следом за нашей пехотой. Позади остались амбразуры огневых точек противника, совсем недавно еще такие грозные и непреступные. Отступая, фашисты в панике побросали технику, оружие, противогазы и каски. В одном из блиндажей, видно, жили немецкие офицеры: пахло духами, стены были отделаны деревом, валялись журналы с цветными иллюстрациями...

Перед станцией Насва были вынуждены остановиться. От станции остались одни руины. Штаб дивизии расположился в редковатом лесу. Некоторых из нас, связистов, направили непосредственно на передний край обеспечивать связь с пехотой. Каждый выкопал себе окоп, в котором, хотя он был открытый и холодный, приходилось дневать и ночевать. Рядом с окопом — мотки запасного кабеля, катушки со старым проводом, телефонные аппараты, погруженные на нашу единственную телегу. Пищу нам приносили в термосах, когда уже опускались сумерки, днем было нельзя: стреляли немецкие снайперы. Приходилось надевать маскхалаты. Однажды, когда я лежал в маскхалате и соединял оборванный провод, вдалеке послышался грохот залпа «катюши», а через мгновение над моей головой пронеслись снаряды. Когда раньше мне не приходилось видеть, как рвутся реактивные снаряды «катюш». Зрелище ужасающее...

Враг ожесточенно цеплялся за станцию Насва. Через несколько дней земля здесь была перепахана взрывами, вся почернела. Скинув по-рядком надоевшие маскхалаты, мы вновь ходили в шинелях.

Здесь, на переднем крае, я часто виделся с Сатыбаем Мамбеткабыловым, с которым мы вместе пришли в дивизию (ныне он живет в Кара-Кулдже, и мы с ним переписываемся). Раньше он был артиллеристом, а теперь в его обязанности входило доставлять пищу в термосе разведчикам, телефонистам, радистам. Я думал, что его посылали на передний край из-за маленького роста. При встречах я спрашивал его:

– Сатыке, как жизнь?

Он по обыкновению с улыбкой отвечал:

– Сам видишь, как... Несу еду на передний край.

Столкнувшись с ним в узкой траншее, я заметил, что из висевшего на его плече термоса льется варево.

– Эй, Сатыке, что, твой термос прохудился?

– Нет... Это, видно, снайперская пуля. Две-три просвистели возле уха, когда шел. А эта попала.

Заткнув пробонну в термосе кусочком хлеба, проводил его до передней траншеи... Когда противник проводил артналет, мы, группа бойцов, заскочили в ближайший блиндаж. Вдруг мы услышали вскрик сна-ружи. В блиндаж вошел побледневший боец с сухими пайками. Осколком снаряда ему перебило кисть руки, и она висела лишь на жилах. Мы перетянули ему руку повыше, чтобы остановить кровь. И только тогда, когда боец раздал консервы и колбасу, направился в медсанбат. Мы бы-ли поражены его выдержкой.

Начальник связи дивизиона старший лейтенант Гончаров вызвал нас с Беккулуевым и приказал срочно соединить оборванную линию связи, шедшую к наблюдательному пункту. Мы отправились, обвешан-ные оружием, телефонными аппаратами. Перейдя железнодорожное по-лотно, попробовали потянуть провод, но сделать этого не удалось, будто провод чем-то придавили. Прошли дальше и увидели нашего убитого бойца, лежавшего скорченным поперец нескольких наших линий. Вид-но, настигла его снайперская пуля. Над нами тоже засвистели пули, мы бросились на землю и поползли. Достигнув траншеи, едва перевели дух, как совсем рядом оглушительно грохнуло и на нас посыпалась комья мерзлой земли и снег, перемешанный с пылью. То взорвалась мина, и мы чудом остались живы. С трудом разыскали разрыв провода. Починив линию, поползли назад. Выслушав то, что мы доложили, старший лей-тенант Гончаров покачал головой, глядя почему-то на меня:

– Мы тоже здесь только богом уцелели. Снаряд попал прямо в твой окоп. Осколок попал в плечо Гальченко, его отравили в санчасть. Да ты сходи, посмотри окоп-то...

В окопе у меня лежал вещмешок с парой «лимонок», с автомат-ным диском, хлебом, флягой, полотенцем, мылом и другим нехитрым солдатским скарбом. Взрывом разнесло вещмешок в клочья. Особенно жаль было писем из дому и от Джоомарта Боконбаева. Я не мог не со-крушаться, а Беккулуев заговорил:

– Будь доволен, что жив остался. А если б ты был в окопе!...

Кто-то добавил, пытаясь пошутить:

– Может быть, Гальченко ранило не осколком немецкого снаряда, а твоей гранатой.

– Да что ты несешь? – рассердился Гончаров. – Что ж, по-твоему, Джусуев нарочно оставил эти гранаты? Кто мог знать, что так получится?

А меня подбодрил:

– Ты окопчик-то свой поправь и залезай в него, ничего не боюсь. Теперь сюда больше ни один снаряд не попадет. Закон...

Между тем снова сообщили о разрыве линии. И снова отправи-лись мы с Беккулуевым. По пути он хитровато поглядывал на меня:

– Сооронбай, сегодня тебя два раза смерть миновала. Надо бы твоему духу-хранителю жертву принести.

– Я и сам хотел, да ты разве не видел, во что моя фляжка превра-тилась?

Доля до того места, где лежал скорченный боец, мы вмиг утikh-ли. Одна перемена нас ошеломила: когда мы видели бойца в первый раз, его тело было цело, теперь же одна нога лежала в стороне. Видно, в него, уже мертвого, попала мина. Мы перенесли бойца в воронку, чтобы его после похоронили те, кому это было положено. Соединили линию и поспешили назад, к своим окопам.

Бои за Насву шли днем и ночью. Все же наши войска прорвали глубоко эшелонированную оборону, и мы двинулись вместе со всеми вперед. Позади осталась Насва, вся разрушенная, разбитые немецкие танки, пушки, брошенное снаряжение и боеприпасы. Мы своими глаза-ми увидели сожженные фашистами деревни. Раньше мы видели такое только в кинохронике. Враг не оставил нетронутой ни одну деревню. Сначалаось, что одно подразделение выбивает фашистов из деревни, а дру-гое – тушит подожженные дома. При одном тушении пожара мы не-ожиданно встретились с нашим альячанином Алдышем Мамаевым. Он рассказал, что совсем недавно награжден медалью «За отвагу», коман-дует отделением, часто получает письма из дома. Он горюнился, но наша

походная кухня не подкачала. Еда послела, и мы посидели с полными котелками.

— Немцы, отступая, все больше зверствуют, — говорил Мамаев, сумрачно глядя на дымящиеся пепелища. — Вчера заняли мы одну деревню, а там в некоторых избах разбросаны красивые игрушки. Наши бойцы, особенно те, у кого дома есть дети, начали подбирать игрушки, а они взрываются. Кого сразу убило наповал, кого ранило. Так что будьте осторожны. Фашисты на всякую подлость мастера... Ну, мне пора в свою роту. Доживем до победы — вернемся в родной аил, сядем все вместе за достарханом. Обязательно. До встречи! — Алдыш крепко пожал нам руки и, повесив автомат на шею, твердо зашагал к своим. Вдруг остановился на миг, обернулся в нашу сторону и с широкой улыбкой помахал рукой.

Одним горячим фронтowym днем, когда прошло полгода с начала нашей службы, нам с Беккулуевым вручили значки «Гвардия». Теперь мы чувствовали себя настоящими гвардейцами.

Враг отступал с ожесточенными боями. Наша дивизия шла часто по бездорожью, по лесам и толям, освобождая немало деревень. Через город Новоржев проходили ночью. Фашистские снаряды рвались на улицах, так что наш ездовой Кардолопов гнал во весь опор лошадей, запряженных в повозку со снаряжением связистов. Двигались всю ночь. Достигнув реки Великой недалеко от Пушкинских Гор, стали разворачиваться на ее холмистом, заросшем густым лесом берегу. Берег, занятый нашими войсками, был более высок и крут, чем противоположный, занятый немцами. Перестрелка не смолкала ни днем, ни ночью. В ночной темноте с обеих сторон летели траассирующие пули, и жутко становилось от страшного сияния очередей.

Наши пехотинцы в белых масках в белых масках скрытно спустились к реке, перешли ее по льду и залегли. Раздались залпы «катюш», с которыми переключались ухающие взрывы снарядов, перелетающих через нас. После такой мощной артподготовки пехота бросилась в атаку.

Там, где стояли наши гвардейцы, возвышался лобастый холм. С него хорошо просматривались позиции немцев, и поэтому на холме разместились наблюдательные пункты пехотинцев, танкистов, артиллеристов. Хорошо понимали значение этой высоты и немцы: обстреливали ее из пушек и минометов, бомбили с самолетов. Много наших людей полегло на этом холме, и прежде безымянный холм стал называться высотой Смерти.

На этой высоте был НП и нашего дивизиона. От штаба до НП было довольно далеко (штаб находился за излучиной, на берегу Великой), поэтому между штабом и высотой Смерти установили еще один, про-

межточный наблюдательный пункт, линию до которого (от штаба) обслуживал я, а линию от промежуточного НП до НП на высоте Смерти — Беккулуев.

Лед на Великой вскрылся, и саперы навели понтонную переправу. Бойцы охранения поторавливали водителей проходивших по мосту машин, следили, чтобы у моста не скапливалось много войск. Несмотря на зарядительный огонь наших зениток, немецкие самолеты все же прорывались к переправе и бомбили ее.

Наша линия связи проходила у моста. Я шел соединять оборванную линию, и в это время, возвращаясь к переправе немецких стервятников, открыли огонь зенитки. Я заметил пустой окоп и быстро прыгнул в него. Глянув в небо, увидел самолет с крестами и отделившись от него бомбы. Казалось, что они падают прямо на меня. Внезапно в окоп свалилось что-то тяжелое, придавило меня. Что именно, разобрав сразу не мог. Немного приподнявшись, увидел, что этим «что-то» был боец, тоже спасавшийся от бомб. Мне стало уже не так страшно от того, что я не один.

Самолеты улетели, смолкли зенитки. Я пошевелился, пытаюсь сбросить с себя живой «груз».

— Эй, друг, вставай, чего разлежешься? Нашел себе удобное место....

Он поднялся, выбрался из окопа. Отряхнулся и сказал с кавказским акцентом:

— Ты не ругай меня, друг, а благодари. Я горел, а упал в яму. Тебя закрыл...

Выяснилось, что он — азербайджанец. Попросил у меня закурить. Я ответил, что не курю. Побегали к переправе. Все сброшенные бомбы упали в воду или в стороне на берегу. Переправа осталась невредимой. Мы перебрались на другой берег, и азербайджанец последовал своей дорогой. Признательно махнув рукой, попрощался:

— Гардаш, саг бол!..¹

В небе разгорался воздушный бой нашего истребителя с немецким, которые беспрерывно атаковали друг друга. Моторы то пронзительно взывали, то затихали, летели пулеметные очереди. Наконец немецкий самолет вспыхнул, от него повалил густой черный дым. Окутанный этим дымом, он, падая, скрылся за лесом.

На промежуточном пункте я увидел, что Осу Беккулуев ранен. Осколок снаряда попал ему в колено. Вызвали с берега повозку. Положили на нее раненого, у которого колено сильно распухло. Я, высказав своему давнему боевому товарищу теплое напутствие и пожелав скоро-

¹ Браток, будь здоров!..

го выздоровления, остался на НП. Войдя в блиндаж, тут же получил приказ обслуживать линию связи до высоты Смерти, за которой следил Беккулеуев. Беспрепятственно шли бои и перестрелка с обеих сторон, и не было нам ни сна, ни покоя: вместе с боями не прекращались и обрывы линии связи. Приходилось соединять линию под шквальным огнем, чтобы минут через пятнадцать-двадцать бежать к обрыву на другом участке. Но задачу свою выполнял: помогать корректировке точного и своевременного огня орудий нашего дивизиона.

Бежал я вдоль линии связи, придерживая провод рукой. Неожиданно прямо передо мной стремительно, со свистом пронесся снаряд, вспорол и взвихрил плотный снег. У меня, что называется, душа ушла в пятки. Но снаряд не взорвался. Неподалеку упал еще один снаряд и закрутился на снегу. Тоже не взорвался. На бегу я так и не понял, что это за снаряды. Подумал, что немцы, возможно, изобрели снаряды замедленного действия. Соединив у высоты Смерти оборванный провод и возвращаясь назад, заметил, что повсюду валяются невзорвавшиеся снаряды. Вот тогда-то я убедился, что были на немецких заводах люди, не желавшие смерти советским бойцам, и, рискуя своей жизнью, не начинали снаряды взрывчаткой.

Бои продолжались. Вступала в свои права весна. Зазеленела молодая трава. Меня сменил другой связист, чтобы я помылся в бане, а потом с неделю побыл при штабе.

Обойдя холм напротив моста, я видел у его подножия четыре «капюши». Шоферы заехали в кабину, и я, решив, что расчеты готовятся дать залп, встал поодаль с нетерпением и любопытством ожидая начала. И вот он — залп! Гигантские огненные стрелы сорвались с рельсовых рам, а машины вздрогнули словно от обледенения. Быстро закончив свое огневое дело, расчеты «капюш» заняли свои места, и машины заехали на другую позицию. Вдруг на то место, где только что стояли «капюши», обрушились вражеские снаряды. Фашисты засеки «капюши», пеленговали их по звуку и, уточнив координаты, открыли огонь. Но было поздно...

В штабе я нашел дежурившего у коммутатора Ормонбека Турдалиева. Он вручил мне пришедшие письма и цилиндрической формы бандероль. Вскрыв бандероль, увидел 12-й номер литературного журнала «Советтик Кыргызстан» за 1943 год с моим стихотворением, о чем мне писал Джоомарт Боконбаев. На сорок четвертой странице было напечатано мое стихотворение «Вперед, киргизы!», в котором я призывал киргизских воинов к беспощадной борьбе с врагом. Снова и снова я приобетал глазами стихотворение, чувствуя себя от радости на седьмом небе.

— О-о, да ты, оказывается, поэт! Поздравляю от всей души! — Турдалиев крепко пожал мою руку. — Теперь остается только «обмыты» этот стих.

— Не смейся надо мной: «поэт!» — ответил я ему. — Но первое стихотворение, почему бы и не «обмыты»? Вот только в баню схожу...

После ужина мы с Ормонбеком уселись возле блиндажа под соснами, окрашенными в пурпурный цвет заходящим солнцем и, любуясь красками заката, завели неспешный разговор. Ормонбек рассказал мне о родном Таласе, о проведенных там летних годах, об учебе в средней школе, о том, как полюбил одну девушку и, в конце концов, женился на ней.

— Это ж чудо, какие в Таласе леса! Эх, если б я мог тебе рассказать, какая это красота. Посреди леса течет река с прозрачной, студенной водой. К ней наклоняются деревья, а в густых ветвях, невидимый, поет соловей. После войны обязательно приезжай ко мне в гости. Расстелем шырдак на густой траве в лесу, поьем свежего кумыса, послушаем, как девушки с джигитами поют. Комуз послушаем!

Ормонбека прервал взрыв шрапнельного снаряда, взорвавшегося высоко, где-то в кронах сосен. Мы ошарашено бросились в блиндаж. В ту ночь долго не смыкали глаз, тихо беседовали и не заметили, как уснули. Поднявшись утром, я сразу же взял журнал, лежавший в изголовье, вышел из блиндажа и еще раз перечитал стихотворение. Кругом благоухала весна, пахло хвоей. Не будь войны, здесь бы сейчас заиграло на разные голоса всякие пичуги. Странно видеть среди весеннего величольния развороченные деревья, обуглившиеся пни.

В такой весенний день собрали более ста бойцов из разных дивизионов артиллерийского полка и объявили, что все будут направлены в пехотный полк (в один из трех нашей дивизии). Был среди них и я. За меня и Сатыбая Мамбеткабылова.

— Э-э, Сатыке, стало быть, мы теперь пехота? — сказал я ему.

— Пехота, так пехота. Какая разница? Мы ведь и так постоянно с пулеметчиком, как учили в Алма-Ате. Однако жаль расставаться со своим дивизионом.

По молодой весенней траве мы зашагали в пехотный полк, находившийся на кратковременном отдыхе и укомплектовании. Но пополнение запаздывало, потому-то нас сюда и направили. Распределили по отделениям, вручили оружие, мы познакомились с новыми сослуживцами. А завтра ко мне пришел Мамбеткабылов:

— Мы возвращаемся в свой полк! Прибыло пополнение. Эх, даст бог, до конца войны довоюю в своей батарее. Ну, собирайся!

Вернувшись в свой дивизион, я получил приказ обслуживать линию на переднем крае. С новой силой возобновлялись бои... Я спешил соединять линию, и здесь очередию из пулемета меня ранило в левую ногу. Молоденькая санитарка перевязала мне рану, а потом отправила на повозке в тыл. И сама села в повозку. Когда мы уже отъехали на порядочное расстояние, позади раздался взрыв снаряда, и тут же, как раненая птица, вскрикнула девушка. Видно, теперь ранило и ее. Ездовой, не смотря на все наши стенания, гнал во весь опор. Даже на совершенно ровной дороге нам казалось, что вся она покрыта ухабами.

Мы ехали мимо Михайловского, где ссыльный Пушкин создал многие свои замечательные произведения. Здесь поэт второй раз встретился с Анной Петровной Керн, после чего создал волнующие стихи:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

На этой земле находилась и священная могила великого поэта. Фашисты заминировали ее. Бой за Михайловское и Святогорский монастырь был особенно ожесточенным. Бойцы сходились с фашистами в рукопашных, чтобы не повредить стрельбой и артиллерийскими залпами зданий, помнящих облик, голос поэта, его бессмертную лиру. Вот каким мыслям предался я, проделавший путь от гор Ала-Тоо до Пушкинских Гор.

Добрались до медсанбата нашей дивизии. Медсанбат располагался в густом лесу, в большой брезентовой палатке. Внутри был отгорожен небольшой угол с надписью «Сортировочная». На видном месте висел портрет генерала Панфилова. Оказалось, что в сортировочной работала дочь генерала Валентина Панфилова. Она велела перевязать нас и положить рядом с другими ранеными. На другой день за нами приехала закрытая санитарная машина. Она отвезла нас к поезду, который довел до города Осташкова. Мы вышли из вагона и добрались до пристани на озере Селигер. Потом сели на пароход. Плыли на пароходе среди поразительной озерной тишины и покоя. И все вокруг после тяжелых боев, смерти друзей казалось сказочным. В госпитале — бывшем монастыре на озерном полуострове — нас встретили как подobaет, — сразу распределили по палатам. Мою левую ногу всю «заковали» в гипс.

Раненых было много в каждой палате. Всюду слышались стоны. Тяжело приходилось врачам, медсестрам, санитаркам. Многие раненые

не в состоянии были двигаться. Санитарки ухаживали за ними, как за детьми. И порой бывало обидно за них: не обходилось без того, чтобы какой-нибудь тяжело раненый не нагрубил помимо своей воли, но даже и тогда санитарки занимались своим делом, словно и не слышали ничего.

Я две-три ночи стонал, особенно после того, когда мою сквозную рану чистили марлей, намотанной на проволоку. Но потом дело пошло на поправку. Через месяц лечения гипс мне наложили уже только до колена, и я мог ходить на костылях. Однажды, ковыляя по коридору, я чуть не упал: один костыль поскользнулся.

— Осторожно, молодой человек! — воскликнул подскочивший ко мне смуглый парень. Лицо его показалось знакомым. Канторо Джашыбаев... Он был ранен в руку, теперь выздоровел и скоро должен был отбыть на фронт. Родом он был из аила Капка-Таш, до войны работал в колхозе. Мы охотно беседовали, прогуливаясь во дворе госпиталя.

После его отъезда я тоже пошел на поправку, ходил теперь с тростью. Подолгу любовался красотой Селигера. Когда совсем выздоровел, меня направили в батальон бывших раненых, находившийся на восточном берегу Селигера. Мы грузили на баржи сосновые бревна. Работать было нелегко, давали знать раны, но врачи говорили, что сильная физическая работа способствует выздоровлению, и мы вовсю старались.

Войска нашего Второго Прибалтийского фронта прорвали линию обороны противника на очень большом расстоянии, освободили всю Великолукскую область и трюмили врага в Латвии. Наша гвардейская дивизия освободила город Лудза и вела бой за большой железнодорожный узел Резекне. В эти дни я и прибыл в родной артополк. В полку мне рассказали обо всех изменениях и — увы! — о потерях. О гибели майора Сорокопуга... Снова потекли фронтовые будни.

Бой за Резекне были предельно ожесточенными. Помкомвзвода старшина Гринин приказал мне:

— Джуусев, связь прервалась, быстрее отправляйся! Ты ведь отдохнул на Селигере! — старшина обратил конец приказа в шутку.

После освобождения Резекне приказом Верховного Главнокомандующего гвардейской дивизии имени Панфилова было присвоено наименование Резицкая. Полк наш успешно наступал, и поэтому мы, святислы, не знали ни дня передышки. Продвигались все дальше на запад. Недалеко остановились в пустой деревне. Помог я одному бойцу набрать воды из водопровода, он поблагодарил меня и пошел, но, пройдя немного, обернулся:

— Э, да не Сооронбай ли ты?

Теперь и я его узнал. Это был Байы Куденов, парень из аила Кергерт. Хоть и не было лишнего времени, как не поговорить... Такие встречи с земляками на фронте придавали новые силы.

...Жарко. Лес. Болото. По колено в болотной жиже протягиваем провод. Гимнастерки просолились от пота. Мы с Ормонбеком Турдалиевым крайне устали, невыносимо хочется пить.

— Э-э, Ормонбек, — говорю я, — вышел бы сейчас кто из леса да подал по чашке кумыса...

— Не спеши, дружок, не спеши! Я же говорил, кумыс будешь пить в Талассе. Обязательно.

Понадобилось проложить линию через открытое поле, в которое то и дело — через равные промежутки времени — вонзались снаряды. Мы остановились в растерянности. Турдалиев стоял в задумчивости и сказал:

— Я все понял, Сооронбай. Немцы стреляют методично, они ведь педанты. Видишь, снаряды взрываются через каждые три минуты. Успеем добежать и залечь. Натянем провод и подождем. Как взорвутся снаряды, снова назад.

Смекалка на фронте спасала жизнь...

Наступила осень. Много раз переходил из рук в руки плацдарм на реке Огре, притоке Даугавы, пока мы не выбили врага из города Огре, на подступах к Риге.

В октябре была освобождена Рига. Наш дивизион наградили орденом Суворова. Затем врага выбили из городов Елгава, Добеле, Ауце. В результате фашистские войска на полуострове Курляндия на западе Латвии были отрезаны от суши. Немцы могли связываться с Германией только по морю и воздуху.

Теперь уже не было продвижения: враг дрался с остервенением. Обстановка осложнялась еще и тем, что на полуострове пельзяз было применять тяжелое вооружение: места были топкие. Шли затяжные бои местного значения. Наступил 1945 год... Войска западного направления достигли берегов Одера.

Особенно помнится день, когда нам вручили подарки из родной Киргизии. Кому достались рукавицы, кому — кисет, кому — вышитый платочек. Раздали нам и дары юга: орехи, урюк, изюм. В посылках были и книги: «Вперед!» Аалы Токомбаева, «Великий марш» Мукая Элебаева, «Кровь за кровь» Кубанычбека Маликова, «Песнь победы» Темиркула Уметалиева, «Песня сокола» и «Смерть и честь» Джоомарта Боконбаева. Книги быстро были разобраны бойцами. Поэма «Смерть и честь» досталась радисту Алымкану Мырзаканову. Я попросил ее на время.

— О-о, джигит! Эта книга — замечательная. Вернусь через два дня, отдашь ее лично мне!

— Слушаюсь, говариш старшина! — козырнул я ему, и он, улыбаясь, зашагал на передний край со своей рацией. Поэму Джоомарта я читал запоем при свете копилки... Прошло два дня. Мырзаканов все не появлялся. А потом пришла печальная весть: когда он говорил по рации на передовой, рядом взорвался снаряд... Эх, какой был джигит!.. Опечаленный, я написал письмом его младшему брату...

А фронтовые будни шли своим чередом. Мы продвинулись всего километра на два. Наш НП разместился на пологой высотке. Мы поселились в двух блиндажах, брошенных немцами.

Цора обедать, а кухни все нет. Начальник связи сунул мне два котелка:

— Джусуев, беги на хутор — вот, за высоткой, вскипяти там чай!

Я поспешил к хутору, развел огонь, стараясь не дымить, вскипятил два полных котелка и принес в блиндаж. Все оживленно зашумели: есть чай! Стали вынимать из вещмешков хлеб, сухари, сахар. В блиндаже все не могли уместиться, и я сел у входа, рядом с разведчиком-сержантом. Вдруг что-то врезалось в блиндаж, сильно ударило меня справа. Опомнился: шинель — в крови, в правом глазу — темно. Я походил от мысли, что остался без глаза. Отвели в санчасть, там сделали перевязку — голову задело, а глаз, к счастью, остался цел. Вернулся в блиндаж. Оказывается, в него влетел бронебойный снаряд, который убил сержанта. Буль снаряд обычным, в живых не осталось бы никого. В который раз сульба меня миловала...

В леса Латвии пришла весна. Снег тает. Распутица. Наш блиндаж — среди редкого лесочка. В окопах хлюпает вода, и мы без конца вычерпываем ее. Немцы засели в березовой роще напротив, рукой подать. Оттуда, прямо на нас, вышла самоходка. Мы быстро укрылись в блиндаже. Начали рваться снаряды. Наша «сорокопятка» ответила частыми залпами. Самоходка попятилась в лес, и стрельба прекратилась.

В штабе ужинали. На пеньке сидел усатый телефонист, казах Тугельбаев, хлебал из котелка. Спросил его о жигье-бытье.

— Да ничего. Один снаряд попал в сосну, а меня не задело.

Таковым было наше «жигье-бытье».

Взяв на кухню еду для дежурившего напарника, я шел к нему, когда из рощи ударил пулемет. Вдруг левую руку обожгло, и котелок полетел на землю. Снова — в санчасть... Усатый хирург осмотрел мою рану и отправил в госпиталь. Снова лечение, разлука с боевыми товарищами и возвращение в родной полк. Ормонбек Турдалиев рассказал о том, что

произошло, когда я был в госпитале. Пехотный полк, когорным командовал подполковник Шапшаев, попал в окружение. Были там и наши радиосты и телефонисты. Полк двенадцать дней выходил с боями из окружения. Осколком снаряда Шапшаеву перебило руку, но он продолжал командовать, лежа на носилках. Полк вырвался из окружения да еще и сам нанес врагу мощный удар. За мужество и выдержку в сложной обстановке, умелое командование полком подполковнику Шапшаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Меня ожидало письмо от Осу Беккулуева. Из родимого края... Он писал, что два раза был ранен и недавно вернулся в свой анд. Написал и о том, как был рад, когда увидел в целости и сохранности надписи на камне, сделанную мною.

1 мая 1945 года. На лесной лужайке выстроились ровными рядами бойцы. Лица у всех просветленные. Самое радостное сообщение: наши воины водрузили Красное Знамя над рейхстагом. Неужели войне конец? Нет, для нас еще нет. Мы вновь отправимся на передний край. Враг от нас – всего в ста пятидесяти метрах. Сельмого мая немцы открыли по нашим укреплениям шквальный огонь. Вновь – настоящая война. В ясные майские дни рвались снаряды и мины, лилась кровь, обрывались жизни. В схватку вступали бойцы в новенькой форме, с новыми автоматами, на новых танках. Восьмого мая бой усилился. Обрывам линии связи не было числа... В полдень стрельба стихла.

– Прекратите огонь! Враг сдался, выбросил белый флаг! – раздалась команда.

Артиллеристы выпустили оставшиеся снаряды, установив прицел повыше. Немцы начали сдаваться. Они шли ровными рядами, по сторонам – наши автоматчики. Чувствуя нашу ненависть, гитлеровцы шли с опущенными головами. Кто-то из наших крикнул:

– Эй, чего молчите? Как дела?

– Гитлер капут! Война капут! – ответил дрожащим голосом один немец.

Ночью никто не сомкнул глаз. Кругом – радость, веселье. Заливисто, звучала гармонь. Мы с Турдалиевым написали письма домой. Перед рассветом выступили в новый путь... Вдали показались огни города. Это был город Салдус. В городе – вспышки ракет, залпы из автоматов, пис-толетов и даже прогитоватанковых ружей. При свете нарождавшегося дня городские улицы выглядели особенно веселыми и гостеприимными. Мы пересекли город и разбили лагерь у дороги на Лиелаю – город у моря. Конец пути...

Над землей вставал ясный весенний день. Этим днем было 9 мая 1945 года. Первый день настоящего мира после долгих 1418 дней войны. Лица бойцов сняли от горячего волнения и безмерной радости. Среди них был и я, двадцатилетний боец со значком «Гвардия» и медалью «За отвагу».

Отглядываясь на свое солдатское бытие, вижу путь через леса, реки, топи – путь, отмеченный кровью моих фронтовых товарищей – русских, украинцев, казахов, киргизов, азербайджанцев, лагтышей... Всех, чье имя – мы, советские люди. Это был путь к Победе. Кровь во имя жизни...

С тех пор прошло сорок лет. Сорок раз мы отмечали день великой Победы. Мне близок и дорог этот праздник. И я возвышенно горд, что был одним из тех, кто ратной отвагой, кровной любовью к родной земле вершил в боях нашу мирную жизнь. И твердо надеюсь, навечно...

Перевод Е. Колесникова

Заслуженный учитель Киргизской ССР (1979). (*Чурринин С.И.*
Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-
справочник: В 2 т. – Т. II. – М., 2002. – С. 323).

Примечания

КАЛЫГУЛ (1785–1855)

Калыгул Бай уулу – киргизский акын первой половины XIX в., выходец из зажиточной семьи. Его творчество принадлежит к религиозно-мистическому литературному направлению заманстов. Многие годы имя Калыгула предавали забвению. На нем было поставлено клеймо мистика, реакционера, выразителя бай-манапской идеологии. Сто с лишним лет назад Калыгула почитали как провидца, прорицателя, передавали его предсказания из уст в уста, записывали, пользуясь арабскими буквами. Так, несмотря на все препоны, его сочинения, хотя и в далеко неполном объеме, дошли до нашего времени. (Кыргызстан-2000: Дни. Люди. События: Календарь чтения. – Б., 2000.)

Предсказания и изречения Калыгула. Перевод М. Рудова

Назидательные стихи Калыгула – меткие суждения, которые превратились в поговорки и поговорки, составив народный кодекс нравственных норм. Нравоучения и назидания Калыгула оформлены как традиционные для акынской поэзии жанры «санат-насыят», «терме-санат», «месел» – собрание различных примеров, поучений, советов, метких изречений.

Первым по значению можно назвать призыв Калыгула к единению народа. Также в его наставлениях речь идет о родственных отношениях, об уважении старших, о труде, о стремлении к знанию, о приличиях в быту и о многом другом.

Впервые на русском языке стихи Калыгула в переводе М. Рудова опубликованы в газете «Советская Киргизия» 26 июня 1990 г.

Стихотворения и примечание печатаются по: Калыгул Бай уулу. Избранное. – Б., 2004.

Рудов Михаил Александрович (р. 19.06.1929)

Литературовед, критик, переводчик.

Кандидат филологических наук, профессор. Автор книг: Звенья открытой. Литературно-критические очерки. – Ф., 1970; Жанр басни в русской литературе. – Ф., 1974. Выпустил книгу басен: Ослы и Волки. – Б., 1998. Составил сборник: Киргизская повесть. – М., 1981. Произведения М. Рудова переведены на киргизский язык.

Член СП СССР (1971), СП Кыргызстана (1992).

Токтогул САТЫЛГАНОВ (1864–1933)

Токтогул Сатылганов – киргизский акын, певец-импровизатор, виртуоз-комурист конца XIX и начала XX века, основоположник киргизской советской литературы.

Пять кабанов. Перевод М. Ватагина

Песня «Пять кабанов» относится к сатирическим произведениям, высмеивающим местных угнетателей. Песня написана в форме кордоо (песня-осмеяние) и обращена к пятерым сыновьям манана Рыскулбека Нарбутина, волостного управителя Кетмень-Тюбинской долины. Для мусульманина «свинья», «кабан» – самое злое ругательство, в обиходе эти слова не произносили, их заменяют словами «кара кийик» – «черный кийик» (словом «кийик» обозначаются все дикие раздельнокопытные животные, кроме свиные). Керимбай Атаканов – внук Рыскулбека, один из двух лжесвидетелей, которые показали на суде, что видели Токтогула в мечети на собрании заговорщиков, участников Андижанского движения. После этого акын считал Керимбая своим главным врагом, упоминает его во многих песнях.

Ватагин Марк

Литературовед, переводчик.

Правоучительные стихи. Перевод Ю. Гордиенко.

Из репертуара акынской поэзии в жанре терме – собрании строф, связанных между собой приемом изложения и речитацией.

Опубликовано по материалам Калыка Акнева в сб. Токтогул (1938). Впервые на русском языке в переводе Ю. Гордиенко опубликовано в 1964.

Гордиенко Юрий Петрович (р. 22.06.1922)

Переводил поэзию с армянского, казахского, киргизского, корейского, молдавского, туркменского и др. языков.

Член СП СССР. (*Чурринин С.И.* Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. Т. I. – М., 2002. – С. 356).

Стихотворения печатаются по: Акыны: Стихотворения, поэмы. – Б.: Алабят, 1991.

Токтогул. Избранное. – Ф., 1989.

Тоголок МОЛДО (1860–1942)

Тоголок Молдо (Байымбет Абдрахманов) – великий акын-письменник. С 14 лет начал писать стихи, сказания, хорошо знал эпос

«Манас» и слыл в народе неплохим манасчи. Истинный гуманист, баснописец, и не случайно его называли «киргизским Крыловым». Его оружие-мощная сатира.

Плач жещины о павшей короле. Перевод А. Вознесенского.

Песня написана по фольклорным мотивам в форме армана (песни-жалобы).

Стихотворение печатается по: Тоголок Молдо. Избранное: Стихи. — М., 1958.

Вознесенский Андрей Андреевич (р. 12. 05. 1933)

Русский поэт, переводчик, академик РАО (1993). Печатается с 1958. С 1961 Вознесенский постоянно переводит на иностранные языки. Писал тексты к песням М. Таривердиева, А. Бабаджаняна, Р. Паулса, А. Шнитке; на его тексты созданы «Поэтория» Р. Щедрина, спектакль Московского театра драмы на Таганке «Антимир» и рок-опера «Юнона» и «Авось» в театре «Ленкома».

Член СП СССР (1960). Почетный член Американской академии искусств и литературы, Национального института искусств и литературы в г. Нью-Йорке, Баварской академии изящных искусств (Мюнхен), член-корреспондент Французской академии им. С. Малларме, академик Европейской академии (1990), Российской академии образования (1993), АН Латвии (1995), почетный доктор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (1998). Председатель комиссии по литературе и искусству Б. Пастернака (1987). И. Андроникова (1991). (*Уд-принии С.И. Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. — Т. I. — М., 2002. — С. 278.*)

Я был его учеником. Воспоминание о Токтогуле. Перевод Р. Кыдырбаевой.

Кыдырбаева Раиса Заитовна (р. 1930)

Исследователь эпоса «Манас», переводчик, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН КР, лауреат Госпремии КР, заслуженный деятель науки КР.

Опубликовала свыше 100 статей по изучению киргизского фольклора и литературоведения. Автор 9 монографий: Генезис эпоса «Манас», Краткий киргизский словарь литературоведческих терминов, Национально-политические традиции в эпосе «Жаныл-Мырза» и др.

Воспоминание печатается по: Венюк Токтогулу. — Ф., 1964.

Алымкул УСЕНБАЕВ (1894—1963)

Алымкул Усенбаев — акын-импровизатор, ученик Токтогула. Акын был большим знатоком фольклора, от него записан целый ряд песен киргизской народной поэзии, среди них эпические поэмы «Ко-

жоаш» (1938), «Сарынджи-Бокой» (1938), «Олджобай и Кышимджан» (1940). Велика заслуга Алымкула в собирании наследия Токтогула.

Мой великий учитель. Воспоминание о Токтогуле. Перевод Р. Кыдырбаевой

Воспоминание печатается по: Венюк Токтогулу. — Ф., 1964.

Калык АКИЕВ (1883—1953) — акын-импровизатор, сказитель на родного эпоса, ученик Токтогула Сатылганова.

Детство мое. Воспоминания. Перевод В. Вакуленко

Как рождаются песни. Воспоминания. Перевод В. Вакуленко

Вакуленко Валерий Яковлевич (р. 23.10.1945)

Переводчик, доктор филологических наук, профессор.

Печатается с 1965. Является автором четырех сборников литературно-критических статей, заметок, очерков. Значительное место в творчестве писателя занимает переводческая работа. Им переведены на русский язык произведения К. Аклева, С. Сасыкбекова, К. Баялинова, К. Джапарова и др.

Член СЖ СССР (1977), СП СССР (1981). (Писатели Советского Киргизстана. — Ф., 1989. — С. 193.)

Воспоминания печатаются по: *Аклев К. Пройденный путь. Страницы жизни.* — Ф., 1978.

Касым ТЫНЫСТАНОВ (1901—1938)

Касым Тыныстанов — филолог, поэт, первый киргизский профессор. Один из энтузиастов, создавших систему образования и первых практических руководств, самоучителей и словарей в республике, а также первый переводчик с русского языка на киргизский. К. Тыныстанов свободно владел русской грамотой, писал стихи на узбекском, уйгурском, азербайджанском языках.

Тыныстанов — основоположник киргизского языкознания. Его лингвистические труды и сегодня имеют неограниченное практическое значение. Учебники: «Киргиз тилинин морфологиясы» («Морфология киргизского языка») и «Киргиз тилинин синтаксиси» («Синтаксис киргизского языка») — стали основой национальной письменности в киргизских школах. (*Иманалиев К. Кыргызстан: Слово о Родине.* — Б., 2002.)

Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии. Краткий исторический очерк.

Очерк печатается по: *Тыныстанов К. Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии* //Литг. Киргизстан. — 1991. — № 9—10.

Касымалы БАЯЛИНОВ (1902–1979)

Касымалы Баялинов – основоположник киргизской советской прозы. Литературная деятельность началась в 1922 г. с публикации его стихотворений на казахском и татарском языках. Его перу принадлежат повесть «Аджар» (1926) – первая ласточка киргизской прозы, трехтомный роман «Братство», повесть «На берегах Иссык-Куля» и др. Касымалы Баялинов широко известен как переводчик, видный общественный деятель. Писатель перевел на родной язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Крылова, М. Горького и других писателей. А произведения самого Баялинова выходили на русском, узбекском, азербайджанском, татарском, французском, английском, немецком и др. языках.

За большие заслуги в развитии киргизской литературы Касымалы Баялинов удостоился звания народного писателя Киргизии (1968). (Касымалы Баялинов: Рек. библиограф. указ. – Б., 2002.)

Интернационализм великого поэта. Статья.

Статья печатается по: *Баялинов К.* Интернационализм великого поэта // Лит. Киргизстан. – 1998. – № 2.

Аалы ТОКОМБАЕВ (1904–1988)

Аалы Токомбаев (Балка) – поэт, прозаик, драматург. Один из основоположников киргизской профессиональной литературы. В начале 40-х годов писатель заявил о себе как о мастере лиро-романтической прозы. Его перу принадлежат повести «Раннее сердце», «Гайна мелодии», роман «Перед зарей», пьесы «Клятва», «Гордость», «Хозяева леса» и др. Большинство произведений А. Токомбаева изданы на русском языке, отдельные издания выпущены на украинском, казахском, таджикском, узбекском, литовском языках, некоторые переведены за рубежом.

Писатель активно работал и в области поэтического перевода. Им переведены на киргизский язык произведения С. Маршака, А. Кунанбаева, Дж. Джабаева.

Народный поэт Киргизии (1945). Член СП СССР (1934). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 517.)

Диалог о нестаряющей молодости. Интервью. Беседа с В. Коркин.

Интервью печатается по: *Токомбаев А., Коркин В.* Диалог о нестаряющей молодости // Лит. Кыргызстан. – 2000. – № 1.

Все держится на правде. Размышления о времени и о себе. Интервью. Беседа с С. Романюк

Интервью печатается по: *Токомбаев А.* Все держится на правде // Комс. правда. – 1987. – 29 ноября.

Тугельбай СЫДЫКБЕКОВ (14.05.1912)

Тугельбай Сыдыкбеков – народный писатель Киргизии, один из зачинателей письменного, профессионального искусства слова своего народа. Создатель первого национального романа. Первый в киргизской литературе писатель, удостоенный высокого звания лауреата Государственной премии. Академик НАН КР. Автор целого ряда крупных прозаических произведений, вошедших в золотой фонд киргизской советской литературы: романы «Темир», «Люди наших дней», «Дети гор», «Женщины», «Иманбай Великодушный», рассказы, очерки, пьесы, стихотворения и поэмы, литературно-критические и публицистические статьи.

Т. Сыдыкбеков перевел на родной язык стихи А. Пушкина, Н. Некрасова, Д. Белого, ряд произведений А. Чехова, М. Шолохова, К. Паустовского и др. (Тугельбай Сыдыкбеков: Рек. библиограф. указ. – Б., 2002.)

Все мы – ученики истории. Очерк.

Очерк печатается по: *Сыдыкбеков Т.* Все мы – ученики истории // Лит. Киргизстан. – 1989. – № 7.

Ташим БАЙДЖИЕВ (1909–1952)

Ташим Байджиев – писатель, драматург, педагог-просветитель, учитель-манасовед.

Литературоведческая деятельность Т. Байджиева началась в 20-е годы. В 30 и 40-е годы занимается литературоведением и критикой. Создатель (в соавторстве) первые учебники по родной литературе и языку. Перу писателя принадлежат также пьесы «На току» (1934), «Джигиты» (1944). Т. Байджиев – один из первых киргизов-билингвов, осознавших универсальные возможности киргизско-русского двуязычия в развитии национальной культуры и государственности.

Немало труда вложил Т. Байджиев и в переводческое дело. Им осуществлен перевод на киргизский язык пьес А. Гринева, А.Н. Островского, произведений А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Дм. Фурманова, А.А. Фадеева и др.

В 1950 Т. Байджиев стал жертвой поздних сталинских репрессий, был приговорен к 10 годам лишения свободы, умер в лагере для политических заключенных. В 1955 полностью реабилитирован.

Член СП СССР (1936). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 128.)

Семетей – сын Манаса. Статья. Перевод М. Байджиева.

Литературоведческая статья печатается по: *Байджиев Т.* Семетей – сын Манаса // Великий киргизский эпос «Манас»: Семетей: Книга вторая. – Б., 1999.

Чингиз АЙТМАТОВ (12.12.1928–10.06.2008)

Чингиз Айтматов – писатель, публицист, видный общественный деятель. Член СП СССР (1956), народный писатель Киргизии (1968), академик АН Киргизской ССР (1974).

Его перу принадлежат такие произведения, как «Джамиля», повесть «Первый учитель», «Лицом к лицу», «Красное яблоко», «Гололек мой в красной косынке», «Трудная переправа», «Белый пароход», романы «И дольше века длится день», «Прощай, Гульсары!», «Плаха», «Тавро Кассандры» и многие другие.

Через творчество Ч. Айтматова весь мир узнал о киргизском народе, который имеет тысячелетнюю историю развития, о его культуре, традициях, мировоззрении, философии, чаяниях и стремлениях. В своем творчестве писатель сумел синтезировать национальные ценности с лучшими достижениями мировой культуры. Именно с его творчеством неразрывно связан ренессанс киргизской литературы. Он занял достойное место в ряду всемирных классиков XX века. (*Иманалиев К. Кыргызстан (Слово о Родине)*. – Б., 2002. – С. 189.)

Эссе печатается по: *Айтматов Ч. Эссе*// Собр. Соч.: В 7 т. – Т. 7. – М., 1998.

Стоны заблудившихся лебедей, или Тайна медуз. Перевод с казахского С. Сомакбаевой

Диалог выдающегося писателя XX века Чингиза Айтматова и известного казахского поэта и общественного деятеля Мухтара Шаханова. Авторы подводят читателя к непростым, но жизненно важным вопросам, которые должен хоть раз в жизни задать себе каждый современный человек.

Диалог печатается по: *Айтматов Ч., Шаханов М. Стоны заблудившихся лебедей, или Тайна медуз* // Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века). – Алматы, 1996.

Дар истории. Выступление на Международном конгрессе «Русский язык в сообществе народов СНГ»

Выступление печатается по: *Айтматов Ч. Дар истории* // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. – 2004. – №3.

Николай Симонович ЧЕКМЕНЁВ (27.11.1905 – 22.11.1961)

Прозаик, драматург, переводчик, публицист, исследователь.

Литературная деятельность Н. Чекуменаева началась в 20-е годы. Первый рассказ «На большой дороге» (1925) был напечатан в газете «Крестьянский путь» (в 1927 году переименована в «Советскую Киргизию»).

Н. Чекуменев – один из первых популяризаторов творчества киргизских писателей на русском языке. В 30-е годы занимается переводами с

киргизского языка эпоса «Манас» («Великий поход»), поэмы Д. Боконбаева «Золотая девушка», повести Ж. Ашубаева «Лубокий брод», первой части романа К. Джантошева «Каныбек». В 40-м году им подготовлен к изданию сборник «Киргизские пословицы и поговорки» на русском языке.

Является автором повестей «Пастух Сыдык» (1929), «Сектанты» (1931), «Зеленый клин» (1950); пьес «Богунские партизаны» и «Белые пятна» (1941); романа «Пишпек 1918 года»; романа-трилогии «Семицветье» и др.

Член СП СССР (1940). (Сердцем написанное. Незданное наследие писателя Н.С. Чекуменаева. – Б.: КРСУ, 2006.)

Экспедиция в Центральный Тянь-Шань и Ферганскую долину (июль август 1939 года). Выдержки из дневника.

Выдержки из дневника печатаются по: *Чекуменев Н. Экспедиция в Центральный Тянь-Шань и Ферганскую долину* // Сердцем написанное. – Б.: КРСУ, 2006.

Сунонбай ЭРАЛИЕВ (р. 15.10.1921)

Сунонбай Эралиев – народный поэт Киргизии (1974), переводчик.

Печатается с 1939. Первый поэтический сборник «Первое звучание» (1949). Особое место в творчестве поэта занимают стихи о Великой Отечественной войне. Его перу принадлежат поэмы «Ак-Меер», «К звездам». Несомненной творческой удачей в переводческой деятельности поэта являются сборники стихов У. Уитмена, Р. Тагора, М. Турсун-Заде, а переложение на киргизский язык «Книги про бойца» («Василия Теркина») А. Твардовского является одним из лучших образцов художественного поэтического перевода в киргизской литературе. Произведения С. Эралиева изданы на русском, украинском, узбекском, таджикском, казахском, казахском, казахском языках.

Член СП СССР (1948). (Писатели Советского Киргизстана. – Ф., 1989. – С. 626–627.)

Автобиография печатается по: *Эралиев С. Автобиография* // Советские писатели. – Т.5. – М., 1988.

Стремиться к открытиям печатается по: *Эралиев С. Стремиться к открытиям* // Вопр. лит. – 1979. – №5.

Суоронбай ДЖУСУЕВ (р. 15.05.1925)

Суоронбай Джусуев – народный поэт (1981), прозаик, переводчик.

Творческая биография началась на фронте в 1943. С событиями военных лет связаны судьбы героев его поэмы «Красная тетрадь», «Молния», «Не мертвый и не живой», «К живым», повести «Из леса в лес», «В огне». Творческий багаж: 27 книг на киргизском языке, 14 в перево-

СОДЕРЖАНИЕ

Прелюдии.....	3
<i>Катыч</i>	5
<i>Токтогул Сатылганов</i>	
Пять кабанов.....	7
Нравоучительные стихи.....	9
<i>Толок Молдо</i>	
Пять женщины о павшей корове.....	13
Я был его учеником.....	14
<i>Алымкул Усенбаев</i>	
Мой великий учитель.....	18
<i>Калык Акиев</i>	
Детство мое.....	27
Как рождаются песни.....	33
<i>Касым Тыныстанов</i>	
Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии.....	38
<i>Касымалы Баялинов</i>	
Интернационализм великого поэта.....	50
<i>Аалы Токомбаев</i>	
Диалог о нестареющей молодости.....	58
Все держится на правде.....	64
<i>Дустельбай Сыдыкбеков</i>	
Все мы — ученики истории.....	68
<i>Галим Байджиев</i>	
Сметей сын Манаса.....	82
<i>Чингыз Айтматов</i>	
ДСС.....	94
Стоны заблудившихся лебелей, или Гайна медуз.....	107
Дар истории.....	124
<i>Николай Чекунов</i>	
Экспедиция в Центральный Тянь-Шань и Ферганскую долину (июль-август 1939 г.).....	126
<i>Султанай Эралиев</i>	
Автобиография.....	149
Срешиться к открытиям.....	158
<i>Совранбай Джусуев</i>	
Во имя жизни.....	162
Примечания.....	190

дах на русский язык, 10 книг в переводах на другие языки. Произведения С. Джусуева изданы на украинском, казахском, узбекском, таджикском, азербайджанском языках, отдельные стихотворения опубликованы за рубежом (Турция, Китае). Им переведены на киргизский и изданы поэтические сборники А. Барто, А. Твардовского, К. Кулиева, произведения туркменских поэтов, трагедии В. Шекспира.

Член СП СССР (1949), лауреат Государственной премии Киргизской ССР, лауреат Золотой медали имени А.А. Фадеева, кавалер ордена Манаса. (Писатели Советского Киргизстана. — Ф., 1989. — С. 243–245.)

Во имя жизни. Документальная повесть. Перевод Е. Колесникова

Колесников Евгений Григорьевич (р. 7.01.1933)

Поэт, прозаик, переводчик с киргизского языка.

Печатается с 1956. Первый поэтический сборник «Моя звезда» издан в 1965. Автор ряда сборников стихотворений, повестей, рассказов, переводов на русский язык произведений К. Баялинова, С. Сасыкбаева, С. Джусуева. Произведения писателя изданы на киргизском языке, повесть «Ива» — на польском в Кракове.

Член СП СССР (1973). С 1986 — литконсультант по русской литературе в правлении СП Киргизии. Живет в России. (Писатели Советского Киргизстана. — Ф., 1989. — С. 314–315.)

Повесть печатается по: *Джусуев С. Во имя жизни // Лит. Киргизстан. — 1985. — № 5.*

Составители и авторы примечаний
А.С. Кацев, И.А. Шалева

ВРЕМЯ, ОТЧЕКАНЕННОЕ В СЛОВЕ
Публицистика Кыргызстана
Хрестоматия для школьников и студентов
Часть I

Редактор *Т.П. Вязьмина*
Художник *Е. Воронина*
Компьютерная верстка *Г.Н. Кирпа*

Подписано в печать 30.06.08. Формат 60 × 84^{1/16}
Печать офсетная. Объем 12,5 п.л.
Тираж 50. Заказ 129

Издательство Кыргызско-Российского
Славянского университета
720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048 г. Бишкек, ул. Горького, 2